

М.П. Котюрова, Е.А. Баженова

**Культура научной речи:
текст и его
редактирование**

Учебное пособие

М.П. Котюрова, Е.А. Баженова

КУЛЬТУРА НАУЧНОЙ РЕЧИ

ТЕКСТ И ЕГО РЕДАКТИРОВАНИЕ

Учебное пособие

Второе издание,
переработанное и дополненное

*Допущено Учебно-методическим объединением
по направлениям педагогического образования
в качестве учебного пособия
для студентов вузов,
обучающихся по направлению 540300
«Филологическое образование»*

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2008

УДК 80(075.8)

ББК 81.2-5

К 73

Рецензенты:

д-р филолог. наук, зав. кафедрой общего языкознания
Пермского государственного педагогического университета

И. А. Подюков;

д-р педагог. наук, профессор, зав. кафедрой
иностраных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации
Пермского государственного технического университета

Т. С. Серова

Котюрова М.П.

К73

Культура научной речи : текст и его редактирование : учеб. пособие / М.П. Котюрова, Е.А. Баженова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Флинта : Наука, 2008. — 280 с.

ISBN 978-5-9765-0279-6 (Флинта)

ISBN 978-5-02-034836-3 (Наука)

Пособие знакомит читателя с основами и техникой саморедктирования, т.е. редактирования *своего* научного текста с учетом его специфического содержания — научного знания. Рассматриваются проблемы смысловой структуры научного текста, обусловленной коммуникативно-познавательной деятельностью ученого, а также трудности, связанные с выражением научного знания в тексте.

Для студентов, аспирантов, молодых ученых и всех желающих повысить уровень владения научным стилем речи.

УДК 80(075.8)

ББК 81.2-5

*Издано при участии
Московского психолого-социального института*

ISBN 978-5-9765-0279-6 (Флинта)

ISBN 978-5-034836-3 (Наука)

© Котюрова М.П.,
Баженова Е.А., 2005

© Издательство «Флинта», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	10
Специфическое содержание научного текста – научное знание. Три стадии порождения научного текста. Целостно-композиционное мышление редактора. Разновидности внимания при редактирующем чтении.	
Глава I. Смысловая структура научного текста	46
1. Эпистемическая ситуация как экстралингвистическая основа научного текста	46
2. Предметное содержание нового знания	52
3. Методологическая сторона научного знания	58
4. Представление старого знания	69
5. Оценка старого и нового знания	81
6. «Образ автора» в научном тексте	89
7. Адресованность текста читателю	100
Глава II. Научный текст как объект редактирования	
Основные подходы к редактированию научного текста	111
1. Общеречевые и функционально-стилевые свойства научного текста	111
2. Объяснительный подход к редактированию	122
2.1. Трансдисциплинарный подход	122
2.2. Системный подход	126
3. Эпистемические причины погрешностей	134
4. Психологические причины погрешностей	141
5. Тенденция к формированию новой нормы научного стиля речи	158
6. Дотекстовый и текстовый подходы к редактированию научного произведения	160
Глава III. Редактирование дотекстовых единиц	171
1. Словосочетание	171
1.1. Лексическая сочетаемость	171
Словосочетания со словами широкой семантики типа <i>аспект, динамика</i> и др. Словосочетания со словами ограниченной семантики <i>разные, различные</i> . Тавтологичные словосочетания типа <i>явления проявляются, предельные границы</i> . Паронимы.	

1.2. Лексико-грамматическая сочетаемость	182
Цепочки существительных в Р. п.; Д. п.; В. п. + И. п.	
Глагольные словосочетания типа что <i>совпадает</i> с чем?	
что <i>совпадают</i> с чем? или — что <i>совпадают</i> ?	
<i>сравнивать</i> — что с чем? или — <i>сравнивать</i> что и что?	
Предложные сочетания типа <i>с точки зрения</i> + Р. п.	
сущ.; <i>за счет</i> + Р. п. сущ.; <i>кроме</i> + Р. п. сущ.	
2. Предложение	187
2.1. Лексическая сочетаемость	187
Избыточность. Неполнота.	
2.2. Лексико-синтаксическая сочетаемость	194
Порядок слов, инверсия.	
Личные и притяжательные местоимения.	
Союзы и союзные слова <i>не только.., но и;</i>	
<i>не столько.., сколько;</i>	
<i>в том числе; также; а также; который.</i>	
Однородные члены.	
Вводные слова	
Глава IV. Редактирование текстовых единиц	206
1. Сложное синтаксическое целое	206
Средства связи самостоятельных предложений.	
Избыточность и неполнота смысла вследствие	
неточного употребления средств связи.	
Несогласование времен глагола.	
Нецелесообразная инверсия.	
Необоснованное обобщение.	
2. Редактирование единиц, формирующих связность речи ...	210
Задание для самопроверки	215
Глава V. Архитектоника монографии:	
основной и периферийные тексты	230
Типы периферийных текстов: заглавие, аннотация,	
предтексты, послетексты.	
Четыре типа оглавления монографий.	
Средства обобщения методологического аспекта знания	
в оглавлениях монографий.	
Глава VI. Основные жанры научной литературы	254
Цитируемая литература	264
Рекомендуемая литература	266
Приложение	268

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понятие *культура научной речи*, соотносимое с качеством речевого сообщения, вызывает представление о научных текстах. И это справедливо. Научные тексты фиксируют и хранят важнейшую познавательную ценность — научное знание. Молодой ученый, получивший значимый для науки результат, сталкивается со сложной задачей представить этот результат в такой форме, чтобы текст не только адекватно отражал интеллектуальное содержание, но и соответствовал критериям культуры речи в сфере научной коммуникации.

Какими теоретическими знаниями и практическими навыками должен обладать ученый в любой области знания (отнюдь не только в филологии) для того, чтобы выражать мысль и точно в соответствии со своим замыслом, и правильно, т. е. в соответствии с нормами литературного языка, и творчески, проявляя свою авторскую индивидуальность? Можно считать, что ученому необходимо иметь представление о нормах русского литературного языка (чему посвящена обширная специальная литература), о нормах общетextовых и научностилевых, регламентирующих формирование именно научного текста.

В учебном пособии изложены теоретические основы редактирования научного текста, представлено описание смысловой структуры эталонного научного произведения (глава I — автор Е. А. Баженова), определено содержание объяснительного, комплексного подхода, объединяющего трансдисциплинарный и системный подходы, рассмотрены эпистемические и психологические причины погрешностей (глава II), даются практические рекомендации по редактированию текстов с дифференциацией лингвистического

контроля на дотекстовый (лексикоцентрический и синтаксический) (глава III) и текстовый (при понимании текста как целостности) (глава IV). В главе V дается представление об основном и периферийных текстах целостного научного произведения – монографии, в главе VI (автор Е. А. Баженова) рассматриваются основные жанры научной литературы.

Пособие содержит задания для самопроверки.

Лексикоцентрический контроль предполагает наблюдение за используемой лексикой (словарным составом), чтобы избежать неточности словоупотребления (*проблема имеет стержневое значение; бросить крупный взгляд на обширную сферу; подняться над **разноречием** частных фактов*), необоснованного вкрапления нелитературных лексических единиц, в частности разговорных (*предмет, о котором **собирается** говорить автор [вместо: намерен]; по завершению [вместо: по завершении] работы испытуемые исполняли... этюды перед экспертами*) и т. п. Научный стиль изложения оперирует преимущественно терминологической, общенаучной и общеупотребительной лексикой. Поэтому целесообразные иностилевые «вкрапления» обычно сопровождаются теми или иными «сигналами» – кавычками, иным шрифтом и др.

Синтаксический контроль охватывает сферу словосочетаний, особенно сложных, так называемых композитивных, а также предложений – сложносочиненных и сложноподчиненных.

Наконец, редактирование текстовых единиц и целого текста позволяет выявить погрешности в формировании сложных синтаксических целых. Мы имеем в виду прежде всего недочеты, обусловленные неточным выражением связи самостоятельных предложений, объединенных в такую текстовую единицу, как сложное синтаксическое целое. В отношении редактирования периферийных текстов избирается описательно-объяснительный путь, в соответствии с которым дается общая характеристика типичных периферийных текстов – заглавия, оглавления, аннотации – без анализа «отрицательного» материала.

Функционально-стилевые отклонения от нормы мы называем **погрешностями**, или «недочетами», при этом ничуть не умаляя их «негативной значимости». Это связано с тем, что термин «ошибки» закрепился за орфографическими и пунктуационными нарушениями нормы литературного языка.

Подчеркнем, что в настоящее время широко осознается важность авторского редактирования текста (рукописи) научного произведения в процессе полной и окончательной подготовки к печати. Об этом может свидетельствовать специальная «сигнальная» строка *Работа издана в авторской редакции*.

Традиционный путь установления ошибок в тексте — «от формы». Поэтому классификации речевых ошибок носят «уровневый» характер. По мнению О. В. Кукушкиной, обсуждающей вопросы, связанные с функциональным анализом и классификацией речевых ошибок, «самой совершенной и полной классификацией речевых ошибок является классификация, представленная С. Н. Цейтлин (1982)... помимо уровней, С. Н. Цейтлин вводит и “деятельностные” параметры разбиения, такие, например, как возможная причина нарушения — незнание или случайный сбой, “давление системы” или нехватка оперативной памяти и т. п.» [Кукушкина 1998: 11].

Функционально-стилистический подход к научному тексту уже с 80-х гг. XX в. потребовал реализации деятельностного принципа исследования текста. Этот принцип предопределяет не только основные параметры анализа и осмысления предмета, но и требования к отбору материала. Нельзя не согласиться с О. В. Кукушкиной, которая считает, что «успешный анализ речевых неудач невозможен без предварительного выявления тех конкретных видов нарушений, которые реально представлены в текстах. Чтобы классифицировать неудачи, нужно сначала иметь массив самих нарушений» [Кукушкина 1998: 13–14]. (Материалом для ее исследования явились тексты вступительных сочинений на филологический факультет МГУ, получивших

оценку «2».) Кроме того, О. В. Кукушкина справедливо подчеркивает, что при деятельностном подходе к речевым неудачам выборочность материала становится недопустимой, поэтому обязательным требованием к материалу в этом случае является его «сплошной» характер.

В пособии мы стремились представить читателям важную для осмысления проблем редактирования лингвистическую литературу, в том числе наши работы, вышедшие в свет в последние годы, что нашло отражение в значительной по объему библиографии. Отметим, что концепция редактирования погрешностей научного стиля изложения, формировавшаяся в ряде ранее опубликованных статей, в пособии в значительной мере переосмыслена.

Все примеры, приведенные в пособии, взяты из **опубликованных** авторефератов диссертаций, статей и монографий последнего десятилетия, причем даны с минимальным сокращением, и то лишь в некоторых случаях. Полнота иллюстративного материала обусловлена тем, что среди функциональных стилей речи именно научный характеризуется наибольшей полнотой выражения **процесса** мысли, что приводит в тексте к усложнению его синтаксической стороны. Поэтому и возникает ряд трудностей, которые можно объяснить влиянием такого психологического фактора, как аналитико-синтезирующая мыслительная деятельность ученого. «Крен» в сторону анализа — в таком случае минимальные словосочетания строятся четко и правильно, а композитивные словосочетания и более сложные единицы текста формируются с погрешностями, поскольку синтез этих единиц осуществляется при недостаточном контроле со стороны автора. «Крен» в сторону синтеза — тогда синтаксическая сторона текста может быть хотя и сильно разветвленной, но ясной, «прозрачной», а лексико-семантические связи, даже в минимальных словосочетаниях, могут быть явно нарушены.

Мы не даем закрытого списка правил избавления от погрешностей: познавательный процесс исследователя беспрерывен. Вместе с тем можно надеяться, что пособие вызовет

стремление к постижению закономерностей научного стиля и совершенствованию собственного речевого мастерства.

Авторы выражают признательность всем коллегам за поддержку и полезные советы. Особая благодарность — Маргарите Николаевне Кожинной, основателю и бессменному руководителю Пермской стилистической школы. Труды М. Н. Кожинной явились важнейшим стимулом для поиска возможностей практического приложения теории функциональной стилистики.

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь ученого была бы совсем счастливой, если бы ему не нужно было быть еще и писателем.

Ч. Дарвин

Научный текст — это форма представления научного знания. Иными словами: содержанием научного текста является научное знание. Отсюда естественный вопрос: что представляет собой научное знание? Ответим метафорически: «Научное знание — это *продукт* познавательной деятельности социума, представленный в виде линейной развертки авторского замысла». Эта метафора фиксирует результативность, статичность знания. Вместе с тем научное знание, в какой бы логической форме — понятия, суждения, умозаключения, концепции, теории, закона — оно ни существовало для нас, всегда пребывает в движении, развитии. Действительно, любое научное знание представляет собой, с одной стороны, результат наблюдений и размышлений, а с другой — лишь момент в познавательной деятельности.

Знание как результат познавательной деятельности ученого включает в себя информацию о том, «*что* уже получено», «*как* получено» и «какова степень достоверности» этой информации. При этом выявленные недостоверные сведения стимулируют движение мысли автора от незнания к достоверному (относительно!) знанию. Читатель проходит вместе с автором этот путь открытия нового знания, чтобы, в свою очередь, продолжить его самостоятельно.

Такая двойственная природа научного знания не могла остаться незамеченной исследователями (в области разных наук), когда им нужно было представить открытие в письменной форме, посредством *научного текста*.

Разумеется, что при создании (и редактировании) текста вполне возможно достичь желаемой гармонии формы и содержания, если учитывать основные свойства научного знания: 1) знание как *результат*, продукт познавательной деятельности ученого и 2) знание как *процесс* познания ученым явлений действительности.

В функциональной стилистике научное знание рассматривается с учетом того, что оно представляет собой содержание, которое автор развертывает, излагает в научном тексте. В обобщенном и даже отвлеченном от конкретных текстов виде структура научного знания может быть представлена как единство взаимопроникающих сторон (аспектов рассмотрения). Так, научное знание может быть рассмотрено и зафиксировано в тексте в планах онтологическом (что изучается), методологическом (какими методами, способами получено новое знание, в каких логических формах существует), аксиологическом (какова степень его достоверности, актуальности, значимости — ценности для фонда научного знания в целом) и др.

Кроме того, понятно, что текстовая, а именно коммуникативная, сторона научного знания также предъявляет свои требования к его оформлению. Не случайно коммуникативный аспект научного знания считается неотъемлемым при анализе смысловой структуры научного текста.

Единство аспектов содержания научного текста закреплено терминологически как *эпистемическая ситуация*. Эпистемическая ситуация — это единица содержания, понимаемого автором как научное знание, охватывающее информацию о предмете, методе получения этой информации, ценностной ориентации автора. Эпистемическая ситуация всегда направлена на типового адресата. Об этом свидетельствует четкая дифференциация текстов на основные жанры научной литературы — статьи, монографии, учебники и др.

В *статье* (научной, научно-методической, научно-популярной и др.) излагается фрагмент нового научного знания с акцентом на функционально значимой стороне (теоретической,

экспериментальной, научно-методической, популяризаторской и т. д.), причем значимость определяется автором статьи в соответствии с предполагаемым типовым читателем.

В *монографии* объемному, многостороннему рассмотрению подвергаются проблема, выявленная автором либо его предшественниками, или комплекс взаимосвязанных проблем и частных вопросов, выдвигается гипотеза, для подтверждения которой используются уже известные в данной области знания отдельные методы, разрабатывается новый метод или специально формируется определенный комплекс методов.

В *учебнике* (учебном пособии) излагается уже устоявшееся в той или иной области знание, во время создания учебного пособия не имеющее дискуссионного характера. При этом вполне возможно, что в дальнейшем оно перейдет на периферию «знаниевого» пространства, если окажется не на «столбовой дороге» развития дисциплинарного знания.

В научном тексте научное знание как в целом, так и в частностях представлено в форме эпистемической ситуации, хотя и выраженной по-разному — полно или частично, развернуто или обобщенно, в основном тексте или периферийных, к которым относятся заглавие, оглавление, предисловие, заключение, аннотация и др. Понятно, что создатель текста стремится достичь гармоничного соотношения основного и периферийных текстов.

Подчеркнем, что стремление автора представить знание в целостности, т. е. как неподвижный, статичный продукт познавательной деятельности, не противоречит его расчлененности с учетом многоаспектной природы знания. В процессе редактирования своего текста автор может (и должен) пристально рассматривать средства выражения каждого компонента структуры знания и совершенствовать отбор языковых единиц, необходимых для расчлененного, но вместе с тем целостного выражения содержания.

Как известно, научное знание *воспроизводимо* [эксперименты можно повторить, рассуждения — подвергнуть логической проверке, даже интуитивно найденные «сумасшедшие»

идеи в дальнейшем получают (или не получают, и тогда не принимаются научным сообществом) обоснование математическими или какими-либо иными средствами]. Воспроизводимость научного знания обеспечивается тем, что оно закрепляется в тексте в движении, развитии, динамике: в познавательном пространстве (области знания) исследователь ставит *проблему* (неразрешенное противоречие между концепциями), выдвигает *гипотезу*, разрабатывает методологический аппарат для ее обоснования, находит аргументы для ее подтверждения, расширяет «действие» выдвинутой гипотезы за счет объемного эмпирического материала, устанавливает ее связи с уже известными концепциями, т. е. благодаря эмпирическому и теоретическому *обоснованию* гипотезы формирует **концепцию**. Так создается наиболее сложное, теоретическое, знание. Акцент на том или ином этапе получения знания способствует порождению других видов знания — историографического, методологического, экспериментального, логико-аналитического и др. (что является специальным предметом науковедения).

При редактировании важно иметь в виду, что только взгляд на текст в целостности позволяет установить, что научное знание выступает в тексте как отраженный, т. е. не адекватный реальному процесс познания, а также выявить все вышеназванные этапы получения нового знания. Именно поэтому автор или редактор должен обозначить их рече-текстовыми «вехами», выстроить в определенном порядке, каждому этапу придать законченный вид. Все это будет способствовать гармонизации текста всего произведения.

Процесс порождения научного текста и доведения его до готовности к публикации можно разделить на **три стадии**.

Первая стадия связана со спонтанным выражением коммуникации автора с «реальностью» — содержанием текста. На этой стадии происходит кумуляция, накопление различной информации посредством ее *притяжения* и «складывания» в единицу речи/текста. Разумеется, познавательная аналитико-синтезирующая деятельность ученого реализуется

в большей или меньшей степени гармонично либо при доминировании той или иной стороны мышления.

Интересен «механизм совершения ошибки» в письменной речи, действующий в начале создания текста под давлением **линейности** речи/текста. Легко предположить, что именно линейность речи обуславливает либо поэлементное, дискретное порождение текста (и его восприятие), когда внимание ориентировано на передачу «кванта» мысли, либо целостно-смысловое, когда отдельные детали не прорабатываются. Дискретное (с доминированием аналитической стороны познавательной деятельности) мышление (и соответствующее ему внимание) позволяет оперировать многочисленными «готовыми», стереотипными единицами вроде *актуальная проблема, большое внимание уделяется, служить основой, являться отправной точкой, в основе данного подхода лежит идея о том, что...*

Однако стремление выразить новую мысль нестандартно, нестереотипно сталкивается с таким препятствием, как образование многокомпонентных единиц. Вот тут-то и допускаются автором такие погрешности, как:

1) контаминация (перекрестная связь компонентов предложений *Задача данного исследования — это описание... и Задачей данного исследования является описание*, результатом которой явилось предложение **Задачей** *данного исследования... — это описание...;*

2) появление избыточного компонента: *Наши представления о сущности [явления — избыточное] инвективности... заключаются в следующем; [Процесс — избыточное слово] суггестии характеризуется следующими признаками...;*

3) неполнота выражения «кванта» мысли: *Научная новизна исследования определяется **решением** поставленных **задач** и **цели** работы по выявлению специфики...;*

4) неоправданная инверсия: *Совершенно иное отношение к Иуде, **ничего** не имеющее **общего** с ненавистью, было у еретиков первых веков христианства — **вместо**: Совершенно иное отношение к Иуде, не имеющее*

ничего общего с ненавистью...; **Формирование квалифицированного корпуса** экспертов лингвистов — **вместо:** Формирование корпуса квалифицированных лингвистов; **Развитые страны в 40 раз больше** имеют на душу населения **компьютеров**, в **110 раз больше мобильных телефонов**, чем развивающиеся страны — **вместо:** В развитых странах по сравнению с развивающимися на душу населения компьютеров больше в 40 раз, мобильных телефонов — в 110 раз;

5) неоправданное акцентирование: **Обращение к материалу английского языка** сделало возможным установить наличие у авторизации в научном стиле **сравниваемых языков как общих свойств**, так и **присущих только научному стилю русского языка** — **вместо:** ...присущих научному стилю **только русского языка**.

Обобщая негативные явления, т. е. погрешности, в порождении текста, мы приходим к выводу, что любые компоненты (от словосочетания до целого текста) могут отличаться как излишней дискретностью, разрозненностью, так и «вязкостью», нерасчлененностью. На этой стадии текст порождается «для себя», поэтому и возникают, с одной стороны, необоснованные лакуны, которые нет необходимости заполнять (автору и так «все ясно»), с другой — неоправданная избыточность, акцентированное «топтанье» вокруг какого-либо понятия.

Вторая стадия связана с дистанцированием от текстового содержания, рефлексией в отношении текста, ориентацией на читателя; доминантой здесь является «коммуникация» с читателем, в процессе которой текст насыщается средствами, акцентирующими логичность и связность научной речи. При этом появляются такие погрешности, как неточное или неуместное употребление предлогов *вследствие*, *в результате* и др., вводных слов типа *в частности*, *например*, *в том числе*, *таким образом* и др.

Рассмотрим примеры:

- **Вследствие** анализа словарей мы пришли к выводу, что авторы и составители по-разному подходят к принципам отбора слов.

Отношения между главной и зависимой частью сложноподчиненного предложения не причины — следствия, а основания — вывода, что требует редактирования:

В результате (или: **на основании**) анализа словарей выбранных нами словарей мы пришли к выводу, что авторы и составители по-разному подходят к принципам отбора слов.

- Анализ преимущественных сфер возникновения неологизмов—заимствований являлся одной из задач данной работы. Материалы для этого были получены **в том числе** в результате опроса старшеклассников-филологов...

Здесь нет отношений включения, поэтому уточняющее словосочетание *в том числе* является избыточным (лишним).

- В процессе порождения речи говорящим осуществляется выбор слов, который обусловлен **в том числе** и субъективными вероятностными характеристиками слов.

В этом предложении требует восстановления опущенный компонент сопоставляемой пары однородных членов, значит, необходим союз *не только.., но и* или *как.., так и*:

В процессе порождения речи говорящим осуществляется выбор слов, который обусловлен **не только объективными, но и субъективными** вероятностными характеристиками слов.

- Определенная степень произвольности присуща, **например, вообще** некоторым видам впечатлений, по отношению к которым преимущественно употребляется данный глагол.

Поскольку нет компонента «общее» по отношению к «частному» *некоторых видов впечатлений*, вводное слово *например* со значением уточнения и частица *вообще* являются избыточными. Значит, требуется правка: *Определенная степень произвольности присуща некоторым видам впечатлений...*

- Экспланаторность (объяснительность) связана с доказательностью, аргументированностью, на-

глядностью теории. **Отметим, однако, что этот парадигмальный признак современной лингвистики не нов.**

Вводное слово *однако* является избыточным, поскольку нет противопоставления экспланаторности и новизны современной лингвистической теории.

Третья стадия связана с «обольщением» автора текстом как тканью, созданной в соответствии с когнитивным узором. (На наш взгляд, именно «умиление» текстом — особенно текстом в красивом компьютерном варианте — поддерживает уверенность автора в готовности текста к публикации без редактирования.) Вместе с тем на третьем этапе действительно происходит отстранение и от себя, и от читателя и все внимание направлено на **текст**. Это стадия *редактирования* текста, или доведения его до готовности к публикации. Редактирование текста требует особого состояния сознания; в этом состоянии доминантой является сосредоточение внимания на тексте, его форме и содержании: автор (или редактор) стремится улучшить текст, не забывая об «угрозе смещения смысла». Эмоциональное желание устранить возможные погрешности нуждается в рациональной поддержке, которую может оказать *стратегия* редактирования как устойчивая система приемов и способов улучшения текста.

Редактирование научных текстов (особенно академических жанров статьи, монографии, диссертации, учебника) можно рассматривать как инвариантный процесс порождения текста, выстроенный в модальности долженствования в соответствии с правилами грамматики (лингвистики) текста, опирающейся на нормативную грамматику словосочетания, предложения, сверхфразового единства. Такой подход к редактированию текста остается, по существу, *структурным*, так как останавливается перед опубликованным текстом как готовым продуктом, недоступным для дальнейшего вмешательства редактора. Последнее, безусловно, так. Вместе с тем редактирование можно рассматривать в *функциональном* аспекте, т. е. как открытый процесс,

вовлеченный в творческую, а значит, осмысленную тексто-порождающую деятельность. Проникновение в замысел автора, реконструкция этого замысла — это шаги, свидетельствующие о сотворчестве автора и редактора текста. Хотя очевидно, что творческая сторона деятельности редактора связана с *интерпретацией* замысла автора (задача редактора — вскрыть замысел автора) и *сопоставлением* реального текста с культурно-речевым эталоном формирования научного текста. Такое полиракурсное видение текста объединяет разные параметры контроля над текстом. Соответствие текста эталону осложняется тем, что в сознании автора предмет мысли может быть недостаточно ясным, а связи его с другими предметами неопределенными. Отсюда вполне возможен «сбой» в выражении мысли.

Функциональный (деятельностный) подход к редактированию текста позволяет анализировать опубликованный текст как открытый процесс деятельности по отношению к нежелательным, но возможным ошибкам и погрешностям. Такой подход не только к редактированию, но и к изучению этого процесса представляется плодотворным потому, что дает возможность проникать в психологию редактирования, поскольку объективно ограничивает анализ «отрицательным языковым материалом». Причем таким материалом оказываются лишь речевые погрешности, которые остаются в тексте не «по незнанию», а по каким-то другим причинам.

Под речевыми **погрешностями** понимаем отступления от функционально-стилевых норм, обусловленных законом смыслового согласования (прежде всего на основе абстрактности/конкретности лексических значений), линейности речи, контактным либо дистантным расположением сегментов речи, подчеркнутой логичностью и связностью научного изложения. Такие отступления от норм формирования научного текста не следует недооценивать в плане культуры письменной речи.

Подвергая специальному исследованию одну из сложнейших актуальных проблем современного языкознания — проблему соответствия, конгруэнтности языка и интеллекта,

Н. К. Рябцева отмечает, что когнитивная психология в интеллектуальное поведение включила внимание. Было установлено, что «внимание — это механизм фильтрации поступающей информации... это фокус, центр сознания... Важнейшим свойством внимания оказывается его “автоматизируемость”: деятельность, на выполнение которой вначале требовалось максимум внимания и сосредоточенности, постепенно автоматизируется, так что допускает свое выполнение одновременно с другой (ср. феномен Цицерона)» [Рябцева 2005: 12–13].

Стратегия редактирования соотносится с вниманием, доминирующим в процессе специального медленного чтения. Чем обусловлено особое значение внимания при редактирующем чтении текста? Сложностью, многоплановостью, непредсказуемостью самого объекта деятельности редактора. Конкретный текст феноменологичен, эксклюзивен, неповторим. К нему нельзя относиться стереотипно, «по привычке», он по определению таит неожиданности — причем во всех отношениях, в том числе и в отношении погрешностей. Никто не гарантирует, что содержание текста, созданного неким N, имеет эталонный характер; никто не гарантирует, что текст соответствует нормам литературного языка, нормам научного функционального стиля, а также частично описанным в литературе нормам порождения текста целого научного произведения. Поэтому редактор должен быть готов к встрече с различными погрешностями, природа которых отнюдь не всегда очевидна, поскольку лежит в области научной познавательной деятельности, психологии научного творчества, лингвистики, психолингвистики, лингвистики текста и других смежных областях знания.

Можно считать, что редактор должен обладать *целостно-композиционным* мышлением, предполагающим включение долговременной и оперативной памяти, перестройку на те мыслительные процессы, которые составляют основу когнитивных стратегий автора и адресата, фокусировку внимания на определенном фрагменте текста,

превращающую данный фрагмент в фигуру на фоне всей остальной воспринимаемой информации, и другие когнитивные явления и процессы.

ЦЕЛОСТНО-КОМПОЗИЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ редактора, несомненно, опирается на ряд параметров конструкта «научный текст»: комплементарность линейности и объемности (квантованности) рече-мышления, дискретности и континуальности текстовых единиц, равномерности и выдвигание (актуализацию), преодоление скачкообразности мысли посредством плавности речи, сопряженности «жестких разрывов» мысли и «мягкой связи» текстовых единиц, а также закон, который можно назвать законом связи «начала и конца, конца и начала» текстовых единиц, и др.

Необходимо подчеркнуть, что эти и многие другие закономерности, условия, факторы, особенности формирования и построения конкретного научного текста в той или иной мере наполняют когнитивное пространство редактора.

Рассмотрим некоторые когнитивные особенности, характеризующие собственно редакторскую деятельность в отношении контроля за соблюдением этих «правил» или отступлением от них.

Комплементарность **ЛИНЕЙНОСТИ** и **ОБЪЕМНОСТИ** (квантованности) рече-мышления проявляется в относительном единстве этих двух свойств речевого мышления. Линейность все связывает; в частности,

в физическом пространстве: *дом, тень от дома, дорожка, идущий человек, кепка на нем, пыльный воздух; Улица. Фонарь. Аптека;*

в ментальном пространстве: на примере анализа форм имен существительных мужского рода, как пишет Л. В. Щерба, «хорошо видно, как серая однообразная масса фактов под напряженным, одухотворенным взором Алексея Александровича [Шахматова. — М. К.] приходит в движение, начинает группироваться, становится в определенные ряды и, наконец, выдает свои тайны» [Щерба 1974: 22]; Кристаллические *структуры оксидов металлов* можно

рассматривать как *структуры плотнейших упаковок анионов кислорода... При этом могут осуществляться два основных типа укладки анионов кислорода: кубическая гранецентрированная и гексагональная* (Л. А. Резницкий 1991: 9) – здесь определено соотношение понятий *структуры оксидов металлов и структуры плотнейших упаковок анионов кислорода, типы укладки анионов кислорода и кубическая гранецентрированная укладка анионов кислорода, гексагональная укладка анионов кислорода;*

во времени: например, в книге О. Г. Сорохтина «Гипотеза происхождения Земли» анализ результатов исследований предшественников производится с учетом движения «образа» гипотезы гравитационной аккреции вещества Земли. Весьма обобщенная временная связь, не подчеркнутая специальными средствами, а выраженная лишь контекстуальными синонимами (см.: *первоначальная температура Земли – уже на самых ранних этапах геологического развития Земли – уже в то далекое время – среди древнейших магматических формаций – на самой ранней стадии ее развития – уже тогда*) поддерживает общий, целостный «образ» гипотезы.

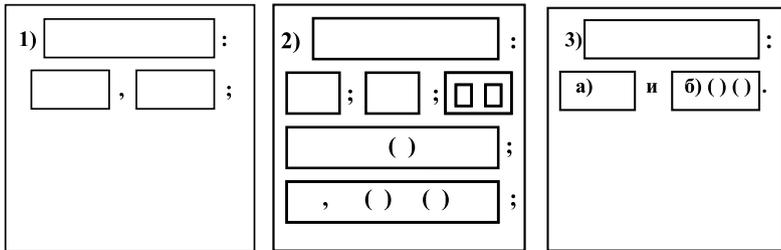
ДИСКРЕТНОСТЬ текстовых единиц позволяет концентрировать «вещи в себе», а затем «манипулировать» ими в когнитивно-прагматических целях. При этом важно, что отдельные дискретные единицы мысли предпочтительнее разворачивать в последовательные, а не замкнутые, «кольцевые» линейные структуры. Последовательные структуры в большей степени «приспособлены» к восприятию содержательной стороны таких конструкций. Кольцевая же структура «разветвленных» предложений препятствует легкому восприятию.

См. предложение, в синтаксическом отношении безупречно построенное, но достаточно трудно воспринимаемое при чтении [предложение из книги Б. С. Шварцкопфа «Современная русская пунктуация»]:

При сопоставлении схем интерпозиции прямой речи и обобщающего слова при однородных членах оказываются сходными: 1) их структура: противопоставление «прямая речь — вводящее предложение» — для интерпозиции прямой речи, «однородные члены — обобщающее слово» — для обобщающего слова при однородных членах; 2) позиционная распределенность структурных частей: интерпозиция прямой речи — интерпозиция однородных членов предложения; препозиция вводящего предложения, противопоставленная его постпозиция и интерпозиция; но и обобщающее слово по отношению к однородным членам может быть в препозиции (стоять перед однородными членами) или в постпозиции (стоять после них), например: Все человечество Каштанка делила на две очень неравные части: на хозяев и заказчиков; И вы, и я — мы оба порядочные люди... (примеры из кн.: Трудные случаи пунктуации. С. 38, 40); аналогия подтверждается еще и тем, что при одновременности препозиции и постпозиции вводящего предложения может иметь место также одновременность препозиции и постпозиции обобщающего слова — как при тождестве повторяемого обобщающего слова («обобщающее слово, в целях усиления его смысловой роли, употребляют дважды — перед перечислением и после него»), так и при двух различных обобщающих словах в двух разных позициях: Зимние запасы: сушеные фрукты, рис — все заперлось под замок Навруза (Вокруг света. 1982. 12. С. 35); 3) пунктуационное оформление структурных частей: соответственно а) препозиции и б) постпозиции: после вводящего предложения (а) ставится двоеточие, а перед вводящим предложением (б) — тире; но то же имеет место и при однородных членах: двоеточие ставится после обобщающего слова (в его препозиции), а тире — перед обобщающим словом (в его постпозиции).

Представив это предложение схематически, увидим его четкое синтаксическое построение:

Схема 1

См. также: В работах П. А. Соболевой **динамика** словообразовательного процесса, представленная в пошаговом присоединении словообразовательных формантов к основе («присоединение функции к аргументу») и связанная со степенью осложненности словообразовательных структур слов, **предстает** в 16 типах деривационных шагов.

На наш взгляд, этот «квант» мысли можно оформить в линейном отношении несколько иначе, если автор «пойдет навстречу» читательскому восприятию и приблизит дистанцированное сказуемое *предстает* к подлежащему *динамика*: Динамика словообразовательного процесса может быть представлена в пошаговом присоединении словообразовательных формантов к основе («присоединение функции к аргументу») и связана со степенью осложненности словообразовательных структур слов. В работах П. А. Соболевой **динамика** словообразовательного процесса **предстает** в 16 типах деривационных шагов.

Еще пример — с дистанцированным управляемым дополнением, также затрудняющим восприятие текста:

Языковая личность находит свою систему понятийно-языковых координат, выработанных веками, обусловленных общностью происхождения, общностью

исторических судеб, общностью культурных ценностей и традиций, общностью языка, эмоциональных и символических связей, общностью территории, дополняемых общностью психического склада и тех условий, в которых происходит межпоколенная передача опыта, т.е. тем, что в концепции Ю. Н. Караулова определяется как базовые (инвариантные) признаки русской языковой личности...

С учетом коммуникативных интересов адресата это вполне правильное в синтаксическом отношении предложение предпочтительнее представить следующим образом:

*Языковая личность находит свою систему понятийно-языковых координат, выработанных веками, **обусловленных тем**, что в концепции Ю. Н. Караулова определяется как базовые (инвариантные) признаки русской языковой личности. К ним относятся общность происхождения, общность исторических судеб, общность культурных ценностей и традиций, общность языка, эмоциональных и символических связей, общность территории, дополняемые общностью психического склада и условий межпоколенной передачи опыта.*

ДИСКРЕТНОСТЬ ЛИНЕЙНО-ТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ и КОНТИНУАЛЬНОСТЬ их объединений на смысловой основе мы соотносим с возможностью членения текста с учетом — преимущественно — либо линейности, либо дискретности рече-мышления. Линейно «вытянутая» речь, как известно, членится на сверхфразовые единства, предложения (высказывания, в которых можно рассмотреть словосочетания), синтагмы, а также отдельные лексемы; все эти и другие единицы выражают не только «каждая свое» содержание, но и целостное, не равное сумме содержания этих единиц, т.е. по существу членимое лишь условно, в целях анализа. Континуальность речемыслительной деятельности мы понимаем в аспекте содержания текста, которое можно рассматривать в разных ракурсах, дифференцируя его по разным основаниям, выявляя средства выражения тех

или иных установленных по воле интерпретатора компонентов, объединяя эти средства и в результате получая именно континуальные единицы текста. Такие единицы не имеют четких границ, поскольку эксплицируются полифункциональными языковыми единицами, «рассеянными» по текстовому пространству. «Точечный» характер их функционирования в тексте обуславливает их разрозненность, разбросанность, нелинейность, континуальность, в то время как семантическая надтекстовая близость этих языковых единиц позволяет представить их в виде определенных континуумов, объединенных в особые текстовые единицы (см. гл. I, IV).

В культурно-речевом плане существенно то, что для экспликации установленных компонентов смысловой структуры целого научного произведения в языке сформировался широкий ассортимент лексических, лексико-грамматических и синтаксических единиц, составляющих различные по составу синонимические ряды. Предполагается, что в процессе порождения текста автор широко пользуется синонимическим богатством языковой системы, «расцвечивая» текст разнообразными речевыми единицами, а не обедняя его повторением излюбленных выражений, представляющим собой речевой недочет. К таким текстовым недочетам относится неоднократно повторяемое (и уже потому нецелесообразное, избыточное) употребление слов-дейктик (слов, относящихся к предшествующему контексту) типа *указанный, данный, вышеназванный, вышеприведенный* и т. п., а также тех или иных конструкций связи типа *можно отметить, что; следует подчеркнуть, что; необходимо сказать, что* и мн. др.

Приведем примеры многократного повторения одной и той же конструкции с незначительными вариациями.

Динамика внутрисубстантивного словообразования отражена в целях...

Следует отметить, что первая ступень выступает конечной... (N) ***отмечает, что*** внутрисубстантивное словообразование...

Как отмечается в социальных исследованиях...

Все же следует отметить, что...

В целом же можно отметить, что продвижение внутрисубстантивной деривации...

В целом же можно отметить, что десубстантивные существительные...

В целом можно отметить, что...

Можно отметить, что...

(N) отмечает, что...

В целом же можно отметить, что конкретно-предметные имена чаще продуцируют глаголы активной семантики...

Следует отметить, что пассивные в деривационном отношении группы глагольной лексики не абсолютны в этом качестве... *(N) отмечает, что...*

Так, можно отметить лишь некоторые оттенки пространственного значения...

Следует отметить, что...

Можно проследить...

Отметим значения прилагательных...

Можно отметить, что внутрикатегориальное словообразование существительных и десубстантивных прилагательных резко снижает деривационные потенции данных частей речи. ...

Содержание научного текста и монолитно (неслучайно его можно выразить в заглавии), и дискретно, членимо на формально-содержательные отрезки — вплоть до синтагм. Текстовые погрешности, связанные с дискретностью, проявляются в оформлении компонентов текста и их связи. Так, в словосочетаниях нередко «преступается» закон семантического согласования, нарушается управление, допускаются погрешности при составлении композитивных словосочетаний из более простых, появляются избыточные слова, опускаются необходимые уточнения, неточно выражаются те или иные логико-семантические отношения между членами предложения и т. д.

Примеры погрешностей:

- *Разные показатели о представленности прилагательных отражают разные ракурсы количественных параметров* (семантическое несогласование в словосочетании *ракурсы параметров*, неправильное управление в словосочетании *показатели о представленности*).

- *Этот признак может иметь несколько разную интерпретацию — вместо: Этот признак можно интерпретировать по-разному.*

Во главу угла должна быть поставлена мысль о том, что... — вместо: Во главе угла должна быть мысль о том, что... — нарушено семантическое согласование.

- *Это объясняется особой ролью наглядно-образного мышления у людей, занимающихся художественной росписью и резьбой —* наряду с правильно построенным словосочетанием *конкретности образного мышления уральских мастеров.*

- *Брачные объявления представляют интерес с точки зрения анализа когнитивных механизмов формирования и отражения гендерных стереотипных представлений обычных носителей языка —* семантическое несогласование *с точки зрения анализа, лучше: для анализа, в плане анализа.*

ПРЕРЫВИСТОСТЬ МЫСЛИ и СВЯЗНОСТЬ РЕЧИ проявляются в сопряженности «жестких разрывов» и «мягкой связи» компонентов мысли. Эта закономерность охватывает отношения таких законченных текстовых единиц, как предложения, сверхфразовые единства и другие более сложные единицы текста. Несмотря на определенную самостоятельность этих единиц в тексте, они должны быть соединены, связаны, причем средства связи должны точно выражать логико-семантические отношения этих единиц. В противном случае возникают речевые погрешности.

Например:

• *Нетрудно посчитать, чтобы соблюсти пропорцию воспроизводящей цепочки, [например — избыточное слово], агроуниверситету потребовалось бы в 2003 году только на стадию разработки конкретных технологий, которая «спрятана» в прикладных исследованиях, около 3000 млн. рублей. **Совершенно очевидно, что такие условия** могли бы, действительно, генерировать агроновшества...*

Конструкция связи совершенно очевидно, что здесь нецелесообразна, так как выражает логико-семантические отношения основания — вывода, причем в определенной степени сохраняя лексическое значение «очевидности». Однако именно очевидной, ясной связи между этими двумя предложениями нет, тем более что в предшествующем предложении не было речи об «условиях». Значит, словосочетание *такие условия* лишь формально является обобщающим повтором, по существу же оно бессодержательно, избыточно и не выполняет функции связи предложений.

• *В наиболее четкой форме парадигмальные признаки современной лингвистики представлены в работе Е. С. Кубряковой. **Это** экспансионизм, антропоцентризм, неофункционализм, экспланаторность.*

Такое яркое средство связи самостоятельных предложений, как указательное местоимение *это*, употреблено здесь неуместно, поскольку предложения логически не связаны. Необходимо установить логико-семантическую связь и эксплицировать ее следующим образом: *В работе Е. С. Кубряковой в наиболее четкой форме представлены парадигмальные признаки современной лингвистики. **К ним** относятся экспансионизм, антропоцентризм...*

Наряду с неточностью логико-семантических отношений между высказываниями допущено нецелесообразно акцентированное выражение связи предложений. Например:

• *Для реализации **указанных** задач были применены **следующие** методы исследования; В соответствии*

с указанной целью в исследовании решаются следующие задачи... Эти предложения следует отредактировать: *Для реализации поставленных задач были применены следующие методы исследования; В соответствии с целью исследования в работе решаются следующие задачи...*

Как показывают наблюдения, глагол *указывать* и образованные от него причастия в полной и краткой форме *указанный, указано* излишне широко употребляются в современных научных текстах. Эти лексемы можно считать индикаторами неотредактированного текста.

МОНОЛИТНОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ и **АКТУАЛИЗАЦИЯ**, выдвигание, усиление отдельных смыслов посредством акцентирования специальными лексическими средствами, инверсией, повторами и т. д. В этом плане текстовые погрешности также достаточно разнообразны: могут быть неточно употреблены акцентуаторы типа *не только.., но и; как.., так и*, допущена неоправданная инверсия, использованы избыточные уточняющие слова.

См. примеры погрешностей:

- *Квантитативные приоритеты существительного подтверждаются как на материале производной лексики, так и производной – вместо: ...на материале как производной, так и производной лексики;*

- *В своем внутрочастеречном словообразовании прилагательное и несколько в меньшей степени существительное теряют свою порождающую динамику – вместо: ...в несколько меньшей степени;*

- *Необходимо теперь сделать одну серьезную оговорку, касающуюся аппарата исследования – вместо: Теперь необходимо сделать... оговорку;*

- *Он приехал в Тамбовскую губернию молодым профессором, здесь провел первые научные практические эксперименты, сформировался как ученый и политический деятель – вместо: В Тамбовскую губернию он приехал молодым профессором, здесь провел первые научные эксперименты, сформировался*

как *ученый и политический деятель*. В этом предложении потребовалось изменить порядок слов, чтобы достичь семантического параллелизма (см.: в *Тамбовскую губернию — здесь*), а также опустить избыточное слово в словосочетании *практические эксперименты*.

• *Намеченные здесь спорные вопросы современной теории норм и проведенный краткий обзор различных точек зрения по этим вопросам позволяют утверждать о существовании определенной системы в области норм различного типа, описание и уточнение которой одна из первоочередных задач современной лингвистики.*

Рассматривая приведенное предложение в плане его содержания, можно провести аналогию с идеологически ориентированными текстами, о которых убедительно пишет К. В. Зуев в кандидатской диссертации «Идеологизация языка в политических, авангардистских и научных текстах начала XX в.»: «При этом сам акт коммуникации протекает посредством волевого действия, с привычными (стандартными) элементами. В результате, живя в мире шаблонов и речевых стандартов, одновременно не воспринимая их, человек оказывается вовлеченным в *бессознательный* акт коммуникации. Использование в речи потерявших смысл и назначение выражений порождает «уродливое» мышление, поскольку... мыслить словарными штампами невозможно. Такое мышление может быть только бессмысленным» [Зуев 2005: 170].

В приведенном выше примере легко видеть нецелесообразное употребление малоинформативных уточнений типа *намеченные вопросы, проведенный обзор, различных точек зрения, о существовании определенной системы, норм различного типа*, обилие которых приводит к эффекту «вязкости» речи, т.е. избыточности средств выражения содержания. Отредактированное предложение примет вид:

Краткий обзор точек зрения по вопросам современной теории норм позволяет утверждать, что

описание и уточнение системы норм является одной из первоочередных задач современной лингвистики.

Представляется, что именно штампованная, а не контролируемая мысль получила выражение в следующих фрагментах текста:

- Немаловажно отметить и еще один **момент** организационно- методического характера;

- Еще одной **проблемой** при изучении системы элокутивных средств языка является тот **факт**, что зачастую тропы и фигуры не употребляются изолированно друг от друга;

- Рассмотрение производного слова... позволило обосновать **понимание феномена** иконичности как важнейшего **направления процесса** семиозиса;

- Возникают различного рода сомнения по поводу **масштаба** приведенной выше **цифры** (нужно: числа);

- Несмотря на **существование** [избыточное слово] социального заказа на исследование юридического функционирования языка, **процесс** [избыточное слово] юридикации языка не осмыслен ни в теоретическом, ни в практическом плане.

Во всех приведенных примерах неточно или нецелесообразно употреблены такие общенаучные слова, или слова широкой семантики, как *момент, проблема, факт, феномен, направление, существование, процесс*, которые в данных контекстах не выполняют информативной (основной для научного текста) функции, проще говоря, являются лишними, избыточными. На наш взгляд, такие предложения требуют пристального внимания при редактирующем чтении текста автором.

Как видим, стремление выделить какую-либо мысль, ее фрагмент, даже какой-либо оттенок вызывает потребность использовать с этой целью специальные средства. Однако, как известно «пишущим» людям, такие языковые средства не всегда «под рукой», или не совсем соответствуют новому содержанию, или слишком трафаретны и т. д. Иначе говоря, автор отвергает «старое», давно сложившееся, и формирует, точнее, компонует, «новое» — посредством связи компонентов

«старого» — с целью привлечь внимание читателя. Однако важно помнить, что именно такое «новое» нередко образуется бесконтрольно, поскольку не выражает нового концептуального знания, на которое направлена вся основная мыслительная энергия автора. В связи с этим важно отметить, что периферийные для основного содержания, но существенные в коммуникативном отношении (потому и выдвинутые, акцентированные) фрагменты текста также должны подвергаться редактированию.

Связь «начала и конца, конца и начала» претворяется в оформлении отдельных рече-текстовых единиц (высказываний, равных по протяженности предложению, синтагм в высказываниях, сверхфразовых единств и других, более сложных фрагментов текста целого произведения), в смысловой связи этих единиц и ее экспликации.

Рассмотрим минимальные связанные единства — синтагмы. Погрешности (и даже ошибки) проявляются здесь в нарушении закона семантического согласования:

- ***Характер*** *продуктов деятельности писателей, поэтов, музыкантов, драматургов должен быть направлен* на прославление социалистического отечества;

- *Мыслительная деятельность* данного этапа определяется такими категориями, как...;

- Сознание архитектора ***подвергается*** сложнейшим творческим и психологическим ***процессам***;

- ***Формированию*** духовных ценностей ***призван*** новый научный журнал;

- Современная лингвистика ***обнаруживает*** неослабевающий ***интерес*** к проблеме языкового воплощения внутреннего мира человека;

- ***Материал обнаруживает*** несомненное ***преобладание*** средств выражения высокой интенсивности... (***вместо: материал позволяет обнаружить несомненное преобладание...***).

Погрешности и ошибки, связанные с нарушением управления в синтагмах:

- что объясняется особой ролью наглядно-образного **мышления у людей**, занимающихся художественной росписью и резьбой — **вместо:** мышления людей;
- что является необходимым **условием для создания** системного словаря профессиональной лексики — **вместо:** условием создания;
- Полученные результаты позволяют **предполагать о наличии** общего поэтического идиолекта Серебряного века — **вместо:** предполагать наличие;
- **В рекламном тексте** необходимо **изменить отношение** адресата к рекламируемому объекту — **вместо:** посредством рекламного текста;
- Человек **общается** с другими людьми не **в форме отдельных слов и предложений**, а **в форме текстов** — **вместо:** посредством текстов;
- В этом случае не прослеживается **тенденция** английского языка **акцентирования** первого слога — **вместо:** тенденция к акцентированию;
- **синхронный подход по отношению к анализу** словарных фиксаций неологизмов-заимствований... — **вместо:** синхронный подход к анализу;
- предлагается оригинальный **подход рассмотрения** структуры категории частоты — **вместо:** подход к рассмотрению структуры;
- **К данному разделу** сделаны следующие **выводы** — **вместо:** **По** данному разделу сделаны следующие выводы;
- было бы весьма полезно данные таблицы рассмотреть также и **в разрезе национальностей** жителей населенных пунктов — **вместо:** в отношении национальностей.

Когда простые словосочетания (синтагмы) соединяются в предложении друг с другом, могут возникнуть те или иные погрешности, обусловленные не столько незнанием правил их сочетаемости, сколько невниманием, т.е. психологически. Доказательством служат такие яркие, очевидные случаи тавтологии, которые никак не оправдываются данным контекстом, например:

• *В перспективе можно говорить о двух ракурсах рассмотрения проблемы: с одной стороны, со стороны адресата..., с другой стороны, со стороны адресанта...;*

• *Основой для лингвистического эксперимента на основе лингвистического анализа послужили тут научные статьи...;*

• *межтекстовые отношения между оригиналом и переводом как первичным и вторичным текстами.*

Кажется странным, что автор допустил такие плеоназмы: слишком они очевидны. Мы считаем возможным объяснить их появление дискретностью мышления, а дальше — простым невниманием к связи очень близких не только «начала и конца», но и «конца и начала» — тоже очень близких в текстовом пространстве. Синтезирующего взгляда на предложение было бы достаточно для того, чтобы обнаружить и исправить оплошность. Как говорится, обидная мелочь.

Действие закона связи «начала и конца, конца и начала» проявляется в семантической и грамматической связи текстовых единиц разной протяженности, но четко членимых и отделяемых друг от друга. Не контролируя четкость дифференциации единиц речи, автор может так синтезировать их, что читатель лишь с большим трудом выберется из силков предложения. Например:

• *В качестве материала были использованы результаты психолингвистических экспериментов (Р. п.), проводимых с целью выявления (Р. п.) специфики (Р. п.), осознания (Р. п.) словообразовательной формы (Р. п.) производных знаков (Р. п.) испытуемыми.*

Цепочка из 6 существительных в Р. п., причем с зависимыми словами, конечно, не проста для восприятия. В то время как предложение легко упростить, не изменяя смысла:

В качестве материала были использованы результаты психолингвистических экспериментов, проводимых для того, чтобы выявить специфику осознания испытуемыми словообразовательной формы (Р. п.) производных знаков (Р. п.).

Как отредактировано это предложение? Чтобы избежать скопления форм Р. п. существительных и отграничить синтагмы друг от друга, мы заменили отглагольное существительное *с целью выявления* глаголом *выявить*, после отглагольного существительного *осознания* употребили управляемое им существительное *испытываемыми* (Тв. п.), тем самым расчленив цепочку Р. п.

Именно закон связи «начала и конца, конца и начала» действует при наличии причастного и деепричастного оборотов, придаточных предложений определительных, изъяснительных и др., когда разграничение главного и придаточного с необходимостью предполагает их четкую, ясную связь.

• Приведем **пример** употребления формы *I believe* в высказываниях второго типа, характеризующих только само отображение, **заимствованный** из работы М. Чарльзурта — причастный оборот *заимствованный из работы М. Чарльзурта* отстоит от определяемого слова так далеко, что целесообразно оформить его как самостоятельное предложение: *Приведем пример употребления формы I believe в высказываниях второго типа, характеризующих только само отображение. Этот пример заимствован из работы М. Чарльзурта;*

• **Признаки**, связанные с типом мыслительного процесса и характером данных, привлекаемых субъектом при построении мнения, **введенные в работе О.Н. Селиверстовой**, входят в значение многих глаголов мышления... — редактируется аналогично предыдущему: *Признаки, связанные с типом мыслительного процесса и характером данных, привлекаемых субъектом при построении мнения, входят в значение многих глаголов мышления. Эти признаки введены в работе О.Н. Селиверстовой* — целесообразна замена дистантного причастного оборота самостоятельным предложением. Представляется существенным подчеркнуть, что при редактировании текста совершенно необходимо реализовать целостно-композиционное мышление, которое включает не только оперативную, но и долговременную память,

механизмы перестройки мыслительных процессов с учетом адресата. Анализ материала свидетельствует о том, что любая особенность рече-мышления: дискретность и континуальность, равномерность и выдвигание, скачкообразность и «мягкая» связанность, проявление закона связи «начала и конца, конца и начала» и др. — приводит к появлению различных погрешностей, которые могут быть выявлены благодаря специфическому вниманию.

Стратегия редактирования соотносится с вниманием, доминирующим в процессе специального медленного чтения. Ясно, что специальное — редактирующее — чтение не монотонно, однообразно; оно характеризуется различными «флуктуациями» внимания, которые можно представить метафорически (а также схематически). Мы осознаем, что дифференциация редактирующего чтения по характеру внимания условна, поскольку реальное чтение осложняется из-за континуальности, т. е. нерасчлененности, смысла. Тем не менее в качестве рациональной психологической «поддержки» считаем возможным говорить о следующих **разновидностях внимания.**

1. Волнообразное внимание, при котором вершина «волны» соотносится с «ловушкой» — той или иной текстовой трудностью. Такое внимание присуще редактирующему чтению на всем его протяжении. Волнообразное внимание является фоновым при редактирующем чтении, вместе с тем оно индивидуально, поскольку соотносится с автоматическим или рефлексивным уровнем владения орфографическими, пунктуационными, стилистическими нормами литературного языка, а также научностилевыми нормами текста. Действительно, одним автором все ситуации с употреблением причастного оборота контролируются автоматически (внимание не задерживается), у другого — хотя бы одна ситуация с обособлением причастного оборота вызывает рефлексивное, размышление. Аналогично требует внимания автора семантическое согласование членов предложения. Приведем пример с членами предложения — однородными в грамматическом, но неоднородными в семантическом отношении.

- *Глагольными чертами герундия являются **залог, возможность** иметь прямое дополнение, определяться обстоятельством, выраженным наречием.*

В этом предложении однородные члены, или члены сочинительного ряда **залог, возможность** семантически несовместимы, поэтому следует перестроить предложение: *Глагольные черты герундия связаны с **возможностью** **выражать** залог, **иметь** прямое дополнение, **определяться** обстоятельством, выраженным наречием.*

- *В частности, появился целый ряд работ, посвященных функционально-прагматическим особенностям предложений **не только** определенного структурного типа, **но и** предложений с предикатами определенной семантики...*

Как видим, внимание спокойно до «ловушки» — союза *не только.., но и*, употребление частей которого перед каждым из однородных членов необходимо контролировать. Здесь имеет место проспективный контроль.

Предложение в отредактированном виде: *В частности, появился целый ряд работ, посвященных функционально-прагматическим особенностям **не только** предложений определенного структурного типа, **но и** предложений с предикатами определенной семантики...; либо: ...предложений **не только** определенного структурного типа, **но и** с предикатами определенной семантики...*

2. Челночное внимание, т.е. «внимание назад», проявляется в тех случаях, когда надо сохранить единство компонентов высказывания (например, при семантическом и грамматическом согласовании подлежащего и сказуемого). При этом подлежащее может быть употреблено перед сказуемым, но «оторвано» от него, либо после сказуемого, но представлено сочинительным рядом.

Как писал А. Фрей, «потребность в неизменяемости, одна из самых сильных в языке, стремится, несмотря на отношения, связывающие знак с остальной частью системы в памяти и речи, всегда поддерживать одну и ту же форму знака,

чтобы обеспечить, насколько возможно, эти необходимые усилия со стороны внимания и памяти» (Фрей 2006: 120).

Надо сказать, что рассматриваемая «психологическая» погрешность (возникающая не из-за языковой некомпетентности!) порождается обратным порядком слов (инверсией) подлежащего и сказуемого, т. е. — в нашем случае — сказуемого и подлежащего. См. другие примеры с инверсией сказуемого и подлежащего: *В данном случае **нарушена системность и логика** изложения материала; Пониманию смысла художественного текста не всегда **способствуют использование** учащимися терминов, **оперирование** теми или иными научными понятиями и категориями; Языковой доминантой языковой личности **является высокая степень** обучаемости, языковая **восприимчивость и умение** получать «выводное» знание.*

Прямой порядок слов позволяет автору автоматически использовать нужные грамматические формы подлежащего и сказуемого. Оторванность подлежащего, выраженного однородными существительными в форме единственного числа, может спровоцировать употребление сказуемого в форме также единственного числа. Такую погрешность психологически можно объяснить следующим образом: она отмечается в тех случаях, когда сочинительный ряд (однородные члены предложения) включает компоненты с определяемыми словами, что, естественно, утяжеляет синтаксическую конструкцию и «распыляет» внимание. Поэтому приводимое далее предложение можно прочитать двояким образом — в зависимости от характера чтения (обычного и редактирующего).

Обычное чтение: *Разработанный терминологический аппарат // и **методика** исследования / цвето-световой картины мира // **имеет** реальную перспективу применения...*

Редактирующее чтение: *Разработанный терминологический аппарат **и** / [внимание! — что соединяет союз **и** ?] методика исследования цвето-световой картины мира*

имеет [! — неверно, подлежащее уже установлено — *аппарат и методика*] / реальную перспективу применения...

• Еще примеры: *Во введении определяется научная новизна, // предмет и объект исследования.* Психологическая премудрость порождения предложения автором заключается здесь в том, что для сказуемого *определяется* «вполне достаточно» подлежащего, представленного «весомым» стереотипным (почти фразеологическим) словосочетанием *научная новизна*, а следующие компоненты сочинительного ряда составляют также самостоятельную стереотипную единицу, которая «гуляет сама по себе», — *предмет и объект исследования*. Так проявляется внимание при обычном чтении.

При редактирующем же чтении волнообразное внимание фокусируется иначе: *...определяется научная новизна, предмет и (! — что соединяет союз и ?) объект исследования ...* — и сразу в этот процесс включается другое — челночное — внимание, т. е. внимание назад: если подлежащее выражено однородными членами, то сказуемое, как известно, должно иметь форму множественного числа.

• Другой случай: *Подобного подхода придерживаемся и мы, впервые в отечественной неографии создав систему ориентированных на этот вид словарных продуктов параметров.*

В этом предложении находим, что определяемое слово *параметров* оторвано от определения, выраженного причастным оборотом, и употреблено в постпозиции, причем после имени существительного в том же — родительном — падеже (*...на этот вид словарных продуктов параметров*). Обычное внимание автора позволяет легко пропустить эту погрешность, поскольку «квант» мысли включает и удерживает все его компоненты, значит, и компонент «системы параметров». При этом порядок расположения компонентов — под давлением линейности речи — для автора решающей роли не играет. И только специальное редактирующее чтение (ориентированное на адресата)

с соответствующим ему вниманием помогает зафиксировать и устранить эту погрешность. Механизм редактирующего чтения соотносится в данном случае с челночным вниманием, поскольку член предложения, управляющий формой существительного в родительном падеже — *параметров*, можно найти в предшествующем (движение внимания «назад») контексте данного предложения — *систему параметров*.

3. Скачкообразное внимание, которое проявляется при неясности связи компонентов в контексте, когда необходим ретроспективный контроль.

• *В этом регистре часто функционируют конструкции, не имеющие четкой регистровой закреплённости, которые могут использоваться...*

На фоне достаточно спокойного волнообразного внимания («флуктуация» вызвана лишь употреблением частного оборота) происходит остановка внимания в связи с контекстом *регистровой закреплённости, которые...* В предшествующем контексте необходимо найти определяемое слово, т. е. совершить ретроспективный «скачок», и внести поправку. Предложение в отредактированном виде: *В этом регистре часто функционируют конструкции, которые не имеют четкой регистровой закреплённости и могут использоваться...;*

Еще примеры.

• *В то же время методы научного наблюдения над языковыми явлениями с учетом их использования человеком нельзя считать абсолютно новыми.*

Наше редактирующее внимание делает скачок назад от личного местоимения *их*, чтобы установить, какое имя существительное во множественном числе этим местоимением замещается. В результате находим два существительных — *явлениями* и *методы*. И к каждому из них может быть отнесено личное местоимение: *методы* наблюдения с учетом их использования человеком — так вполне можно сказать; *наблюдения над языковыми явлениями с учетом их использования* — и так можно сказать.

Варианты редактирования:

В то же время метод научного наблюдения над языковыми явлениями с учетом их использования человеком нельзя считать абсолютно новым.

В то же время методы научного наблюдения над языковым материалом с учетом их использования человеком нельзя считать абсолютно новыми.

Какой вариант предпочесть — решить должен автор.

См. также:

• *Актуальность темы исследования обусловлена двумя основными моментами: во-первых, обращением лингвистики к изучению когнитивных структур...; во-вторых, недостаточностью исследования такой группы русской глагольной лексики, как многоприставочные глаголы, отсутствием комплексного описания указанных глаголов на материале русского языка.*

Как видим, предложение имеет прозрачную синтаксическую структуру, представленную однородными членами с обобщающим словом. Однако эта «структура» осложнена зависимыми словами, относящимися к каждому однородному члену, и, кроме того, придаточным предложением. Такое осложнение строя предложения влечет за собой ослабление контроля за семантической сочетаемостью однородных членов. Обнаружить погрешность в сочетании таких неоднородных по смыслу членов, как, с одной стороны, *обращением*, а с другой — *недостаточностью* и *отсутствием*, можно только благодаря скачкообразному, избирательному вниманию как самого автора, так и редактора. Устраняем погрешность, сокращая избыточное, неточно использованное в роли обобщающего словосочетание *двумя основными моментами*, и получаем следующее предложение: *Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, обращением лингвистов к изучению когнитивных структур..; во-вторых, недостаточностью исследования...*

• Рассмотрим предложение *Представляя собой систему, денотативный уровень семантики глагола состоит из участников и пропозиций, т. е. из элементов*

и их отношений друг с другом, а также из определяющих **факторов**, которые связывают участников...

Как видим, и здесь необходимо активизировать именно скачкообразное внимание, которое позволяет удержать в сознании отдельные, но взаимосвязанные понятия (выделены полужирным шрифтом). Устранив избыточность (многословие), легко обнаруживаем смысловую несовместимость: 1) *уровень состоит из* – неверно; 2) *состоит из участников и пропозиций, а также из факторов* – неверно; 3) *факторов, которые связывают участников* – неверно.

После редактирования предложение будет иметь вид: *Представляя собой систему, на денотативном уровне семантика глагола **формируется из участников и пропозиций**, т.е. из элементов и их отношений друг с другом, с учетом факторов, оказывающих воздействие на связи участников...*

4. Паутинное внимание, которое проявляется при многокомпонентном глагольном или отглагольно-именном управлении и возникающей вследствие такого управления избыточности, «вязкости» речи.

• **Происходящие** в лингвостилистике **понижение уровня абстракции** и, как следствие, **усиление интереса** к анализу речевых жанров **ставят перед лингвистами проблему поиска** возможности изучения макростилей и речевых жанров с единых методологических позиций **и в связи с этим последовательного функционально-стилистического осмысления феномена жанров речи.**

Скрупулезное «паутинное» (тонкое, чуткое) внимание к данному фрагменту текста позволяет выявить следующие погрешности: а) *происходящие понижение уровня и усиление интереса* – компонент *происходящие* неинформативен и потому избыточен; б) *происходящие в лингвостилистике... ставят перед лингвистами* – компонент *в лингвостилистике* тавтологичен и потому избыточен; в) *понижение и усиление ставят проблему* – проявляется семантическая несочетаемость; г) *проблему*

поиска возможности изучения макростилей и речевых жанров — словосочетание поиска возможностей изучения избыточно; д) осмысления феномена жанров речи — компонент феномена избыточен; е) цепочка из десяти существительных в родительном падеже: поиска, возможности, изучения, макростилей, жанров, позиций, осмысления, феномена, жанров, речи, несомненно, требует редактирования.

Отредактированное предложение примет вид: *Понижение уровня абстракции и, как следствие, усиление интереса к анализу речевых жанров обуславливают возможность изучения макростилей и речевых жанров с единых методологических позиций, что и предопределяет функционально-стилистическое осмысление жанров речи.*

Рассмотрим еще одно предложение:

• *Намеченные здесь спорные вопросы современной теории норм и проведенный краткий обзор различных точек зрения по этим вопросам позволяет утверждать о существовании системы в области норм различного типа, описание и уточнение которой одна из первоочередных задач современной лингвистики.*

В этом предложении имеется ряд погрешностей: а) *намеченные* вопросы — ‘поставленные’, *проведенный* обзор — ‘сделанный’, ‘осуществленный’ (нет семы ‘поставленный’), значит, между словосочетаниями *намеченные вопросы* и *проведенный обзор* нет смыслового согласования; б) *точки зрения* всегда различны, если же они совпадают, то речь идет об одной точке зрения; отсюда определение *различные* квалифицируем как избыточное в данном контексте; в) *утверждать о существовании* — нарушена грамматическая связь (управление); надо *говорить* (о чем?) *о существовании* либо *утверждать* (что?) *существование*; г) дистантное расположение придаточного определительного предложения *описание и уточнение которой..*, затрудняющее установление связи этого предложения с определяемым словом *система*; д) нецелесообразное использование составного именного сказуемого *одна из перво-*

очередных задач вместо составного глагольного является *одной из первоочередных задач*.

Отредактированное предложение:

Представленные здесь спорные вопросы современной теории норм и краткий обзор точек зрения на эти вопросы позволяют утверждать наличие в области норм определенной системы, описание и уточнение которой является одной из первоочередных задач современной лингвистики.

5. В целом стратегическое внимание при редактирующем чтении текста можно представить в виде синтезирующей спирали (как **спиралевидное**), которая позволяет акцентировать *открытость* редактирования. (Из экономии места ограничимся приведенными дальше рассуждениями без иллюстраций.)

Во-первых, внимание характеризуется протяженностью, линейностью, хотя и прерывается отклонениями, флуктуациями. Именно линейный, а не объемный характер внимания обуславливает его избирательность и тем самым ограниченность, поэтому повторное редактирующее чтение обычно позволяет выявить «новые», не замеченные ранее погрешности. Известно, что некоторые ученые, имеющие славу блестящих стилистов, редактируют свои рукописи в ходе подготовки к изданию, перечитывая их многократно. Например, академик А. В. Бондарко, по его признанию, редактировал «Функциональную грамматику» 10 раз (!). Вот пример, достойный подражания.

Во-вторых, имеет значение «широта охвата» пространства текста (простое, сложное, или композитивное, словосочетание; простое или сложное предложение) при реализации челночного и скачкообразного внимания в достаточно простых текстовых ситуациях, а также паутинового — в более сложных.

В-третьих, стратегия проявления спиралевидного внимания соотносится с полифоничностью как порождения, так и восприятия текста при мысленном укрупнении его единиц (от словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств

до фрагментов текста и т. д.). В таком случае автор (и редактор) реализует не просто внимание, но именно *целостное композиционное* мышление.

Действительно целостное композиционное мышление позволяет автору улучшать текст как форму, вместе с тем углубляя и гармонизируя содержание. Благодаря такому мышлению (по спирали) автор «не растекается мыслию по древу», а подчиняется целостности текста, в процессе саморедактирования углубляя и расширяя его содержание посредством различных вставок, уточнений, пояснений либо отсекая ненужное. Поэтому вполне правомерно мнение о том, что текст является формой не только *выражения* знания, но и его *развития*.

ГЛАВА I

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА НАУЧНОГО ТЕКСТА

1. Эпистемическая ситуация как экстралингвистическая основа научного текста

В этой главе представим смысловую структуру эталонного научного текста как сложно организованную *систему смыслов*, отражающих «затекстовую», или «предтекстовую», эпистемическую (коммуникативно-познавательную) ситуацию, связанную с получением и представлением читателю нового научного знания.

Системность — это сущностное свойство текста, которое обеспечивается совокупностью таких его признаков, как смысловая и формальная целостность, связность, структурность, членимость и иерархичность. Текст подчиняется разнопорядковым закономерностям: во-первых, является единицей предметного мира, в котором системой оказывается он сам; во-вторых, является элементом макросистемы определенного функционального стиля, обусловленной экстралингвистическими факторами; в-третьих, является средством реализации системы языка.

Свойство системности проявляется на всех уровнях организации текста — структурном, содержательном и смысловом. Важнейшим системным параметром текста как коммуникативного явления выступает смысловая структура, имеющая выраженность в поверхностной стороне текста и определяющая взаимосвязи текстовых единиц.

Смысловая структура текста по-разному определяется представителями различных направлений лингвистической науки. Так, в *семантике текста* смысловая структура рассматривается как иерархия тем и подтем текста; в *лингво-*

социопсихологии — как иерархия коммуникативных программ при передаче авторского замысла; в *грамматике текста* — как последовательность конструктивных единиц различной протяженности, объединенных лексическими, грамматическими и логическими связями.

Однако наиболее близким нам является **функционально-стилистический** подход к тексту, в рамках которого под смысловой структурой понимается *многоуровневая организация содержательной стороны целого текста, компонентами которой являются смыслы, формируемые комплексом экстралингвистических факторов*. Обратим внимание на то, что лишь целый текст обладает системной организацией смысла, стройной композицией содержания и упорядоченной архитектуроникой составляющих его единиц. Важно подчеркнуть и то, что в функциональной стилистике смысловая структура текста не сводится лишь к совокупности составляющих его грамматических единиц (слов, предложений, сверхфразовых единств), а рассматривается в зависимости от экстралингвистического контекста, включающего различные параметры познавательной деятельности. При этом важно, что адекватное описание смысловой структуры текста возможно лишь при условии, если экстралингвистические факторы, внешние по отношению к текстообразованию, понимаются как внутренние, преобразованные во взаимодействии с конкретным содержанием излагаемого научного знания.

Как известно, содержание научного текста составляет воплощенное в словесную форму знание. Поэтому среди экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на процесс текстообразования в научной сфере общения и характер смысловой структуры произведения, важнейшую роль играют компоненты научно-познавательной деятельности, обобщенные в понятии **эпистемической ситуации**. В стилистических исследованиях общего и частного характера данное понятие убедительно обосновано в качестве универсальной экстралингвистической модели научного текста. *Эпистемическая ситуация — это совокупность взаимосвязанных признаков познавательной*

деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих закономерное влияние на формирование научного текста и определяющих его стилевую специфику.

Онтологический компонент связан с предметным содержанием знания, т. е. научным осмыслением явлений реального мира (природы, человека и общества), получающим выражение в системе исходных, основных и уточняющих понятий.

Методологический компонент характеризует познавательную деятельность со стороны способов получения, развития и обоснования научного знания.

Аксиологический компонент соотносится с оценочной природой познания, субъект которого (ученый) является не только мыслящим, но и оценивающим. При этом оценке подвергается как предшествующее (старое), так и новое знание, получаемое лично автором. Наиболее важными, социально значимыми характеристиками знания являются степень его достоверности, новизна и актуальность, т. е. универсальные формы оценки научной информации.

Рефлексивный компонент связан с личностным характером познавательной деятельности, в которой исследователь проявляет индивидуальный стиль мышления, эмоциональные реакции на то или иное научное явление, а также активно утверждает свою личностную позицию в науке. Иными словами, рефлексия выявляет спектр личностных качеств исследователя, актуальных для его научной деятельности, поскольку центром познания всегда выступает индивид как творческая личность с собственным набором психических свойств.

Следует сказать, что личностно-психологическое начало свойственно в большей степени самой научно-познавательной деятельности, чем тексту, являющемуся «рафинированным» продуктом научного творчества. Вместе с тем в тексте всегда остаются «следы» авторской рефлексии,

поскольку «отсутствие личностных моментов не просто лишает научный труд обаяния индивидуальности, но и приводит к ощутимым потерям в содержательном плане» [Архангельская 1980: 66]. Более того, цитируемый автор призывает преодолеть предрассудок, согласно которому движение современной науки ведет ко все большей жесткости, обезличенности изложения и формализованности языка, поскольку наука — это живая человеческая практика, вбирающая в себя и страсть, и радости, и трудности, обнаруживающиеся в стиле выражения мыслей.

Коммуникативно-прагматический компонент эпистемической ситуации соотносится со сложным и многогранным процессом перестройки всех экстралингвистических факторов познавательной деятельности в собственно лингвистические, т. е. текстовые, ибо научный текст — это узел, связывающий познание и общение воедино.

Именно в тексте осуществляется преобразование всех компонентов эпистемической ситуации в смысловую структуру, объективированную средствами языка. Именно текст, находящийся на пересечении двух типов коммуникативного взаимодействия — одного ученого с другими и одного этапа в развитии отрасли знания с последующим, способен обеспечить работу сложного механизма науки.

Вне текста (точнее, до текста) мысль существует лишь в форме субъективного состояния сознания индивида, она не является общезначимым социальным фактором и, следовательно, не может стать предметом объективного научного анализа. В силу того что научное познание ориентировано на коммуникацию, эпистемическая ситуация соотносится не только с собственно познавательной, но и с текстообразовательной деятельностью ученого, в результате которой когнитивное преобразуется в коммуникативное и новое знание обретает «голос», чтобы быть услышанным.

Каждый тип текста (художественный, деловой, публицистический, разговорный и др.) обладает признаками, принадлежащими в большей степени ему, нежели другим. Для научного текста такими первостепенными признаками являются целенаправленность и прагматическая установка,

так как при его создании на первый план выдвигается задача изменения взглядов адресата на предмет исследования или же изменение объема известной ему информации.

Образцовый научный текст (его дотекстовые и текстовые единицы, композиционное развертывание, аннотация, заголовок, оглавление и др.) упорядочивается автором таким образом, чтобы создать максимально гибкую и информационно богатую структуру, которая, постепенно разворачиваясь перед адресатом в акте коммуникации, влияла бы на его научную и мировоззренческую картину мира.

Исходя из социальной природы науки, научное творчество следует рассматривать как *диалог* между автором и читателем. При этом труд ученого оказывается более продуктивным, если потребители нового знания, т. е. читатели текста, овладевают открытой истиной с наименьшими интеллектуальными затратами. Отсюда основная прагматическая задача, которую решает автор в процессе создания научного произведения, заключается в достижении оптимального равновесия между информативной насыщенностью текста и его коммуникативной доступностью.

Прагматика научного текста проявляется на разных уровнях его организации — от композиционно-смысловой до поверхностно-речевой: и в чередовании старого и нового знания, и в «порционной» подаче информации, и в отражении или имитации логики решения проблемы с фиксированием отдельных познавательных этапов (проблемы, идеи, гипотезы, «шагов» доказательства и др.), и в избыточности содержания (вариативных повторах). Значит, научный текст лишь в том случае не вызывает затруднений при чтении и воспринимается как образцовый, когда он легко членится с учетом разных измерений (в связи с его многомерностью) и уровней развертывания (в связи с его многослойностью).

Для облегчения восприятия текста опытный автор использует специальные, выработанные в научном стиле в течение длительного времени его развития и проверенные в отношении своей эффективности способы и средства воздействия на читателя, фокусирования его внимания

на определенных моментах содержания, способствующие ориентации адресата в информационном пространстве текста. Эти средства вовлекают читателя в диалог, шаг за шагом раскрывают ход мысли исследователя и таким образом способствуют на каждом этапе изложения синхронизации мышления автора и читателя.

В целом модель эпистемической ситуации в единстве названных компонентов отражает системный характер экстралингвистических факторов научной речи и является ключом к пониманию признаков эталонного научного текста. Эта модель дает возможность подойти к анализу текста «изнутри», охватить его «единым взглядом», рассмотреть глубокое и разностороннее влияние экстралингвистических факторов на формирование глубинной и поверхностно-речевой структуры научного произведения.

Следует оговориться, что эпистемическая ситуация членится на соответствующие смысловые компоненты лишь в целях анализа. В то же время реальный процесс познания проходит при последовательной или параллельной актуализации определенного компонента, связанного с объектной либо субъектной сторонами научной деятельности. (Объектную сторону представляют онтологический и методологический компоненты эпистемической ситуации, субъектную — аксиологический, рефлексивный и коммуникативно-прагматический компоненты.)

В познавательной деятельности ученого содержание эпистемической ситуации представлено целостно — в виде теоретически осмысленного образа действительности. В тексте же содержание сознания «переоформляется», подчиняясь законам текстообразования. Вот как об этом пишет А. И. Новиков: «Развертывание замысла в полный текст должно осуществляться в определенной последовательности... Содержание, которое должно быть выражено в тексте, не может быть представлено в нем в том же виде, в котором оно существует в мышлении. Это содержание, будучи мыслительным образованием, организуется на основе своих закономерностей, направленных на обеспечение оперативности мышления, его экономности и т. д. ...В тексте же

оно может быть выражено только в виде последовательности языковых единиц, репрезентирующих дискретные фрагменты этого содержания. Поэтому мыслительное содержание, подлежащее выражению языковыми средствами, должно быть определенным образом расчленено и организовано в соответствии с закономерностями линейной структуры текста» [Новиков 1983: 25].

Подчиняясь вышеописанной закономерности, мыслительное содержание онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов эпистемической ситуации проецируется в сферу языка. При этом для каждого компонента выбирается свой способ языковой номинации — лексический (посредством слова или словосочетания), пропозиционный (посредством предложения) или дискурсивный (посредством относительно самостоятельного текста). Функциональная и семантическая общность рассредоточенных по пространству произведения языковых номинаций позволяет объединить их в типовые структурно-смысловые единицы текста, выражающие его разноаспектное содержание.

Далее рассмотрим основные единицы смысловой структуры научного текста.

2. Предметное содержание нового знания

Смысловое ядро любой научной концепции, составляющее «тело» текста, формируется предметным (онтологическим) содержанием эпистемической ситуации. Это содержание организуется вокруг двух важнейших составляющих науки — нового и старого знания в их диалектической взаимосвязи. *Новым* будем считать знание, полученное лично автором и впервые изложенное в тексте. *Старым* — знание, полученное предшественниками и зафиксированное в ранее созданных текстах, которые являются предметом критического усвоения автора.

Предметное содержание нового знания представлено в научном тексте в упорядоченной системе понятий,

номинациями которых служат термины. Термин — это слово или словосочетание, точно и однозначно называющее предмет или явление и раскрывающее его содержание. Понятнейшая точность как важнейшее качество хорошего научного текста требует соблюдения *терминологических норм*, к которым относятся системность терминов, наличие дефиниции (определения, толкования), однозначность в пределах терминологического поля концепции, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность.

Терминологическая система текста включает понятия трех типов: 1) *исходные* (базисные) — не определяемые в рамках терминосистемы излагаемой концепции, 2) *основные* — определяемые в рамках данной терминосистемы, 3) *уточняющие* — используемые для развития основных понятий.

Терминосистема, концентрированно выражая новое знание, объединяет и упорядочивает все другие элементы научной концепции, очерчивает границы и внутреннюю структуру «мира» нового знания. Терминосистема текста служит своеобразным «словарем» нового знания, который заключает в себе определенный набор знаков и правил их интерпретации, а также репрезентирует систему научных представлений автора об изучаемом объекте. Понятно, что словарь используемых понятий требует точности и адекватности. Точность связана с однозначностью и определенностью понятий в пределах излагаемой концепции, адекватность — с возможностью их приложения ко всем существующим ситуациям в той предметной области, для которой данные понятия созданы.

Как известно, в каждой отрасли науки создается свой язык, предназначенный для ее описания («язык математики», «язык химии», «язык лингвистики» и т. п.), а значит, формируется и свой словарь. Для языка современной физики, например, характерны три слоя: логический, к которому относятся логические правила, знаки для обозначения кванторов, связок и операций; совокупность математических выражений, обслуживающих физические теории; собственно физические термины (*масса, скорость, электрон* и др.).

Четкость и стройность терминосистемы текста обеспечивается использованием специальных языковых средств, выражающих *логико-семантические отношения* тождества, различия, противопоставления, включения, исключения, причины, следствия и др. Обычно в этой роли выступают глаголы, дифференцирующие виды освоения человеком действительности, например: *вызывать(ся), обуславливать(ся), зависеть, определять(ся), приводить, вытекать, включать(ся), содержать(ся), подразделять(ся), членить(ся), заключать(ся), характеризовать(ся)* и мн. др.

Корректное толкование термина требует определенного мастерства. В зависимости от значимости понятия для выражения нового знания, а также в зависимости от контекста, в который «погружено» понятие, используются следующие типы толкования термина:

- прямая дефиниция, содержащая указание на ближайший род и видовые отличия, напр.: **Полимер** — это вещество с очень большой молекулярной массой, построенное из длинных молекул, содержащих многократно повторяющиеся одинаковые звенья мономеров; В дальнейшем нас будут интересовать только так называемые **базисные решения**, т. е. такие решения системы, для которых значения свободных неизвестных равны нулю;

- вольное толкование, в котором называются лишь главные признаки описываемого явления, напр.: *Ученым удалось обнаружить новый класс титансодержащих минералов, не встречающихся в естественных земных условиях и получивших поэтому название **искусственных титанитов**; НТР порождает новые, неизвестные ранее **проблемы**, которые сегодня принято называть **глобальными**, т. е. это проблемы, охватывающие весь мир и требующие для своего решения объединенных усилий человечества;*

- встраивание термина в синонимический ряд, напр.: **Композиты** — изделия, в состав которых входят, например, стекло, керамика, металлы; **Идиомы**,

устойчивые сочетания, в которые входило слово, оказались сгруппированными в определенных местах;

- *этимологическая справка о происхождении термина, напр.: В практике широко применяются так называемые **сорбционные** (от лат. sorbeo – поглощаю) методы; Термин «**кибернетика**» происходит от греческого слова «кибернетес» (рулевой) и напоминает, что кибернетика – наука об управлении, или, более точно, наука об общих законах преобразования информации в управляющих системах;*

- *попутное определение, вынесенное в сноску или заключенное в скобки, напр.: Если встречались **омографы** (т.е. одинаковые по написанию, но разные по смыслу слова), то...*

Для эталонного научного текста характерно разнообразие способов толкования терминов при сохранении точности и однозначности содержания определяемого понятия.

Развертывание в тексте предметного содержания нового знания отражает основные этапы научно-познавательной деятельности, включающие проблемную ситуацию, постановку проблемы, формулирование идеи или гипотезы, аргументацию, констатацию вывода. Прибегая к аналогии, можно сказать, что речевая фиксация этих этапов формирует своеобразный сюжет научного текста.

В то же время познавательная деятельность протекает и волнообразно, и зигзагообразно, и скачкообразно (если не сказать, не без ошибок), что вызвано логическими и психологическими особенностями мышления (и речи), неполнотой материала, односторонностью метода исследования и т. д. Даже эвристически сильная теория в процессе развития научного знания подвергается «миграции» и может двинуться либо в «историю науки», либо по направлению к «ядру науки». Исходя из этого, «сюжеты» конкретных научных произведений представлены большим разнообразием видов текстовых реализаций.

Если бы существовали жесткие механизмы текстообразования, то все мыслимые структуры научных произведений можно было бы исчислить. Однако такие исчисления

вряд ли осуществимы даже для академических жанров в силу воздействия на текст большого количества объективных и субъективных экстралингвистических факторов: специфики предметной области; типа изучаемого объекта (последний может быть субстратным, т.е. материальным, либо ментальным, т.е. идеальным продуктом человеческого сознания); теоретического или эмпирического ракурса исследования; многоуровневой структуры самой научно-познавательной деятельности; стиля индивидуального мышления ученого и даже его речевой манеры. Все это, безусловно, оказывает влияние на характер изложения полученного знания и отражается на устройстве смысловой структуры текста.

Вместе с тем содержание нового знания, независимо от вида науки и жанра произведения, получает выражение в ряде стандартных блоков научного текста, среди которых обязательными являются следующие:

- формулировка проблемы и/или постановка задачи;
- определение и дифференциация понятий с установлением между ними логико-семантических отношений;
- представление идеи, гипотезы или основного тезиса научной концепции;
- доказательство гипотезы с использованием разнообразных средств аргументации;
- характеристика изучаемого объекта;
- демонстрация эмпирического материала, подтверждающего достоверность нового знания;
- выводы.

Основные блоки научного текста, представляющие развитие нового знания (*Проблема, Идея, Гипотеза, Аргументация, Вывод*), выполняют «стратегическую» функцию в речевой реализации авторской концепции и включают более частные фрагменты, выполняющие «тактические» функции в ходе обоснования концепции. Так, *Аргументация* может включать формализацию, или естественный вывод, типичный для математики; различные виды доказательства (объяснение, опровержение, рассуждение и др.); метафоризацию; аналогию; демонстрацию примеров; нахождение в серии объектов исследования фундаментальной

структуры (например, *планы строения биологических организмов, культурные или хозяйственные типы* и др.); типологическую классификацию как средство упорядочения и понимания разнородного на первый взгляд материала (например, *таблица Менделеева, классификация сильно взаимодействующих элементарных частиц Гелл-Мана*) и др.

Блок *Характеризация объекта* репрезентирует научно значимые свойства изучаемого явления. В качестве средств характеристики обычно используются полные и краткие прилагательные, наречия (в положительной и сравнительной степени), называющие качественные или количественные признаки предмета. Например: ***сложные трехмерные движения плазмы; дозвуковые вихревые движения; абсолютное вращение элементов вещества; плоские возмущения являются наиболее опасными; оксиды химических элементов являются самым распространенным классом неорганических соединений; в высокотемпературной фазе катионы расположены беспорядочно; крупнейшие геоструктуры Азиатского материка; прогиб перспективен на поиски нефти и газа.*** Как видим, посредством выделенных языковых единиц автор описывает наиболее значимые свойства изучаемого объекта, «опредмечивая» в тексте кванты нового знания.

Состав и последовательность текстовых блоков, репрезентирующих новое знание, варьируются в зависимости от жанра произведения; описательно-теоретической, эмпирической или экспериментальной направленности содержания; характера исследуемой проблемы и избираемых способов ее решения.

Однако предметное содержание разработанной в ходе исследования концепции является лишь исходным материалом, из которого автор должен сформировать коммуникативно полноценный научный текст. Для достижения этой цели на первый план выдвигаются другие компоненты эпистемической ситуации, само наличие которых обусловлено активностью субъекта творческой научной деятельности.

3. Методологическая сторона научного знания

Как уже отмечалось, методологический компонент эпистемической ситуации характеризует познавательную деятельность со стороны способов получения, развития и обоснования научного знания, т.е. со стороны орудий и средств познания.

В зависимости от ориентации ученого на получение эмпирического или теоретического знания в его исследовании применяются соответственно эмпирические или теоретические методы, включающие, в частности, поиск неизвестного с помощью анализа и синтеза, индукции и дедукции, наблюдения и эксперимента, идеализации и формализации, измерения и аналогии и т. д.

Методология науки включает четыре уровня. Высший уровень занимает *философская методология* как теория всеобщего, ориентированная на создание единой картины мира. Этот уровень соотносится с общими познавательными принципами научного исследования и категориальным строем науки в целом. Второй уровень составляет *общенаучная методология*, объединяющая методы, принципы и формы исследования в разных областях науки, обусловленные универсальными закономерностями функционирования и развития научной мысли. К третьему уровню относится *специально-научная методология* — совокупность процедур исследования, применяемых в конкретной отрасли знания — физике, химии, лингвистике и др. Специально-научные методы могут применяться в различных областях науки, но их разработка всегда осуществляется на базе тех или иных специальных дисциплин. Наконец, четвертый уровень методологии представлен *конкретными методиками* исследования, используемыми для решения познавательных задач определенного типа.

Методологическая сторона познавательной деятельности значима в нескольких отношениях. Выполняя *нормативную* функцию, методология обеспечивает перевод знания вообще (обыденного, житейского знания как способа

освоения действительности) в статус именно *научного* знания, которое лишь в корректной методологической «оболочке» может занять место в общем фонде науки и быть социально признанным.

В тексте это достигается посредством использования слов широкой семантики: *проблема, задача, вопрос, идея, гипотеза, предположение, доказательство, обоснование, подтверждение, аксиома, теория, концепция, закон, вывод, результат, принцип, категория, понятие, постулат, критерий, признак, параметр, система, структура, функция, свойство, процесс, классификация* и мн. др.; специально-научных терминов, маркирующих формы знания, выработанные в конкретной научной области (например, в математике — *уравнение, функция, формула, теорема, равенство, алгоритм* и др.).

Выполняя *регулятивную* функцию, методология обеспечивает сознательный контроль ученого над развитием своей научной мысли и ходом исследования. Наконец, выполняя *стратегическую* функцию, методология обеспечивает продвижение научной идеи от постановки проблемы к достоверному выводу, от не-знания к знанию.

Стратегическая функция методологии оказывается чрезвычайно важной для понимания законов текстообразования, ибо в научном тексте репрезентируется не только *результат* познавательной деятельности — новое знание, но и *динамика* его получения, включающая фазы проблемной ситуации / проблемы → идеи / гипотезы → доказательства гипотезы (аргументации) → вывода (закона). Методологически выверенная структура познавательного процесса является существенным экстралингвистическим фактором, обуславливающим смысловое развертывание научного произведения: именно в речи (тексте) «кристаллизуется» научная мысль.

Отметим, однако, что представленная схема этапов познавательной деятельности, строго говоря, является идеальной моделью «генетического» развития научной мысли.

Мышление конкретного ученого хотя и подчинено общим логическим законам, но всегда индивидуально, что находит отражение в отклонениях от строго поступательного, методологически правильного процесса. Отклонения, «флуктуации» мысли обусловлены особенностями творческого воображения исследователя, его интуицией, ассоциативностью мышления, которые могут проявиться в различной степени на протяжении любого этапа познавательной деятельности. Поэтому вполне правомерно говорить о влиянии индивидуального начала не только при рождении новой теории, но и при разработке ее отдельных звеньев.

История науки знает немало примеров, как открытия — даже в математике! — совершались, минуя строго логический путь. Вот несколько конкретных описаний такого рода:

Ж. Адамар. Однажды, когда меня внезапно разбудил посторонний шум, мгновенно и без малейшего усилия с моей стороны мне в голову пришло долго разыскиваемое решение проблемы — путем, совершенно отличным от всех тех, которыми я пытался ее решить ранее [Налимов 1978: 12].

А. Пуанкаре. Прибыв в Кутане, мы сели в омнибус для какой-то прогулки; в момент, когда я встал на подножку, мне пришла в голову идея безо всяких, казалось бы, предшествующих раздумий с моей стороны, — идея о том, что преобразования... были тождественны преобразованиям неевклидовой геометрии. Из-за отсутствия времени я ничего не проверил и, едва сев в омнибус, продолжал начатый разговор, но уже был вполне уверен в правильности сделанного открытия. По возвращении в Кан я на свежую голову и лишь ради очистки совести проверил найденный результат [там же, с. 13].

К. Е. Гаусс. Наконец, два дня назад я добился успеха, но не благодаря моим величайшим усилиям, а благодаря Богу. Как при вспышке молнии, проблема внезапно оказалась решенной. Я не могу сказать сам, какова природа путеводной нити, которая соединила то, что я уже знал, с тем, что принесло мне успех [там же].

Как видим, высказывания великих математиков подтверждают, что творческое озарение может выходить за пределы

строго логического мышления. Однако законы коммуникации и ориентация открытия на научный социум вынуждают ученого реконструировать или имитировать в тексте логически эталонный путь развития мысли. В связи с последним замечанием интересным представляется фрагмент воспоминаний А. Эйнштейна:

«Слова, написанные или произнесенные, не играют, видимо, ни малейшей роли в механизме моего мышления. Психическими элементами мышления являются некоторые более или менее ясные знаки или образы, которые могут быть “по желанию” воспроизведены и скомбинированы.

Существует, естественно, некоторая связь между этими элементами и рассматриваемыми логическими концепциями. Ясно также, что желание достигнуть в конце концов логически связанных концепций является эмоциональной базой этой достаточно неопределенной игры в элементы, о которых я говорил. Но с психологической точки зрения эта комбинационная игра, видимо, является основной характеристикой творческой мысли до перехода к логическому построению в словах или знаках другого типа, с помощью которых эту мысль можно будет сообщать другим людям» [там же, с. 15. Разрядка наша. — Е. Б.].

Очевидно, что логическая выстроенность текста определяется «фактором адресата» (термин Н. Д. Арутюновой), необходимостью убедить читателя в правильности расчетов и выводов. Значит, методологически выверенная композиционная структура научного труда, отражающая динамику познавательной деятельности с акцентированием ее основных этапов, является коммуникативно целесообразной и эффективной. Такая структура формирует адекватный ракурс чтения текста, создает четкую перспективу его развертывания, программирует понимание смысла, способствует ясности изложения, упрощает ориентацию читателя в интеллектуальном содержании.

Проблема исследования обычно маркируется соответствующим существительным (*проблема*) либо его контекстуальными синонимами *задача*, *вопрос*. Приведем

примеры: **Одной из основных проблем** на пути полного синтеза антибиотиков... **является изыскание** удовлетворительных методов построения наиболее сложной части молекулы этих соединений...; До сих пор оставался открытым **вопрос** — **а нельзя ли** согласованно и сильно изменить весь набор физических констант, параметров Вселенной (а в принципе и физических законов) так, чтобы получить модели других вселенных, в которых выполнены если не достаточные, то хотя бы необходимые условия для возникновения сложных структур и жизни?; В настоящей работе ставится **задача определить** критическую скорость флаттера крыла с элероном

Как видим, способы введения проблемы в текст достаточно стереотипны. Для достижения большего коммуникативного эффекта авторы используют несколько формулировок проблемы с целью акцентирования на ней внимания читателя. Ясно, что постановка проблемы всегда занимает сильную позицию текста, т. е. располагается в его начале, и тем самым определяет дальнейшее развертывание содержания.

Идея или гипотеза как формы знания, фиксирующие предположительный ответ на проблемный вопрос, вводятся в текст многочисленными языковыми средствами, способными выражать гипотетическую модальность. Типичными среди них являются существительные *идея, гипотеза, предположение*, напр.: *Переходим к **идее** некоторой общей характеристики всего высказывания, называемой нами глобальностью; Поскольку шаровая молния обычно наблюдается «висящей» в воздухе, непосредственно не соприкасаясь с проводником, то наиболее естественный и, **по-видимому**, единственный способ подвода энергии — это поглощение ею приходящих извне интенсивных радиоволн. Примем **такое предположение за рабочую гипотезу; Может быть, было бы не совсем неоправданным и предположение о некоторой** психологической обусловленности речевого строя... текстов.*

Гипотеза маркируется также специальными конструкциями, предназначенными для выражения предположительности, напр.: *предположим, что; представляется (кажется, думается), что; есть основания считать, что; можно предположить, что; не исключено, что* и др.

Отдельную группу средств выражения гипотетичности составляют вводные слова: *вероятно, видимо, возможно, кажется, казалось бы, наверное, по-видимому, на наш взгляд* и др.

Вот как это выглядит в тексте: ***Можно предположить, что*** языковое употребление специально выделяет высказывания...; ***Главное условие*** научного использования понятий функции, ***по-видимому***, в том, что...; ***Очевидно, что*** квалификация ориентируется на те или иные дескриптивные признаки; ***весьма вероятно, что*** энантиоэнантиин В будет обладать биологической активностью.

Научное предположение нередко бывает связано с тем или иным условием, т. е. реальность предполагаемого явления специально оговаривается автором. В этом случае используются условные придаточные предложения, указывающие на гипотетичность высказывания, см.: ***Если считать, что*** речь — это конкретная реализация языка как системы ... ***то следует, по-видимому, признать, что*** основная стилевая дифференциация присуща именно языку; ***возможность*** построения общей теории поля и общей теории систем, ***по-видимому, станет более реальной после того, когда и если удастся*** свести к единым основаниям... теории поля в отдельных науках; ***если*** в природе не существует источников энергии, еще нам неизвестных, ***то*** на основании закона сохранения энергии ***приходится принять, что*** во время свечения шаровой молнии непрерывно подводится энергия.

Разнообразие речевых средств, выражающих модальность сомнения, предположительности, гипотетичности, обуславливается, с одной стороны, лексическими и граммати-

ческими ресурсами языка, с другой — речевой системностью научного стиля, способствующей формированию соответствующих значений в контексте произведения.

Исходя из фундаментальной роли авторской гипотезы в развитии и речевом воплощении нового знания, подчеркнем, что фрагмент научного текста, маркированный «гипотетическим» средством, является коммуникативным фокусом текста, ибо его дальнейшее развертывание определяется задачей доказательства выдвинутой гипотезы.

Для выражения рассуждения на этапе обоснования гипотезы используется широкий круг лексико-грамматических и синтаксических единиц. Среди них типичными являются следующие:

- аргументативные глаголы *доказывать, объяснять, обосновывать, рассматривать, представлять, вводить, допускать, предполагать, находить, зависеть, следовать, получать(ся), вытекать* и др.; каузальные существительные *причина, зависимость, следствие, обоснование, объяснение* и др.;

- клишированные конструкции с причинно-следственной семантикой *это связано с (тем, что...), обусловлено (тем, что...), является следствием (того, что...), подтверждается (тем, что...), отсюда заключаем, что..., из этого вытекает, что..., об этом свидетельствует..., доказательством служит...* и др.;

- союзы и союзные аналоги, выражающие причинные, следственные, уступительные, целевые и другие отношения между суждениями: *так как, постольку... постольку, ибо, потому что, поэтому, если...то, в связи с чем, в связи с тем, что..., значит, в то время как, напротив, хотя, однако, следовательно, таким образом, отсюда, откуда, тогда* и др.

С логической точки зрения гипотеза представляет собой тезис, требующий подтверждения, объяснения, доказательства или опровержения, при этом способ утверждения или, напротив, опровержения тезиса может быть формальным и неформальным.

Формальное доказательство характеризуется использованием специальных символов искусственного языка (формул, уравнений, графиков и др.) и строится по известной логической схеме: сначала вводится тезис в виде теоремы, задачи или постулата, затем с помощью аргументов (доводов) обосновывается его достоверность. Часть содержания этих доводов выражается математическими символами, каждый из которых является либо исходным моментом доказательства, либо дополнительным допущением, либо выводится из посылок согласно строгим правилам преобразования. В результате формируется цепь умозаключений, последнее из которых является выводом из доказательства теоремы или решением задачи.

Приведем пример типичного формального доказательства (доказательства от противного) из статьи по механике:

Уравнения (1) имеют квадратичный интеграл, независимый от интеграла энергии, только в случаях Лагранжа и Е. И. Харламовой.

Доказательство от противного. Пусть (2) — квадратичный интеграл с интегралом энергии. Продифференцируем Φ по t : [уравнение]. Подставим в (3) значения производных p , q , v ... из системы (1) и сгруппируем их. Получим полином не выше третьей степени относительно p , q , тождественно равный нулю. Приравняем их нулю при третьих степенях p , q : [уравнения]. Из уравнений (5) находим, что [уравнения]... Следовательно, F и H имеют вид [уравнения]... Из этих формул и соотношения (6) находим [уравнение]. Приравнявая нулю коэффициенты..., получаем уравнения... Из (7) следует, что [уравнения]. Поэтому [уравнения]...

Поставим (10) в (9) и приравняем нулю коэффициенты при одинаковых степенях... Учитывая только первые члены разложения, получаем серию равенств. Из части этих равенств следует, что если [уравнение], то [уравнения]... Итак, мы установили, что если [уравнения], то мы имеем случай Лагранжа. Тогда существует линейный интеграл, следовательно,

и квадратичный. Нам **осталось рассмотреть** случай $a=0$. **Определим** коэффициенты квадратичного интеграла... **Так как** интеграл определяется с точностью до постоянного множителя, **то можно считать** $k=1$. **Найдем т. Ограничившись** первыми членами рядов, **получим** несколько равенств, **из которых следует, что** [уравнения]. **Из этой системы определим** [уравнение]. **Следовательно, при** [уравнение] **искомый интеграл совпадает с интегралом энергии с точностью до постоянного множителя, если не выполнены условия Е. И. Харламовой или условия аналога случая Лагранжа.**

Как видим, автор демонстрирует логику научной мысли, фиксируя буквально каждое звено в цепочке рассуждений. Все предложения в приведенном фрагменте связаны жесткой условно-следственной зависимостью и образуют сложно организованную систему умозаключений. Предпочтительность использования личных форм глагола в формальном доказательстве (*продифференцируем, подставим, сгруппируем, получим* и мн. др.) связана, скорее всего, с «фактором адресата», однако значение первого лица здесь предельно ослаблено, поскольку личные формы могут быть заменены безличными без ущерба для смысла, ср.: *если продифференцировать, подставить и сгруппировать — то получится...*

Формально-логическое доказательство гипотезы используется не только в математике, но и физике, химии и других естественных науках, в которых широко применяются точные методы исследования, а значит, математический язык.

В гуманитарных науках, отличающихся вероятностным характером знания и оперирующих так называемыми «размытыми» понятиями, применяется неформальное доказательство, т.е. гипотеза получает обоснование с помощью утверждений, обладающих наибольшей очевидностью. Общая логическая схема рассуждения (тезис — аргументация — вывод) сохраняется, но в качестве аргументов широко используются ссылки на достоверное (аксиоматичное) знание; чужая речь, актуализирующая мнение авторитетного

предшественника и подтверждающая собственные выводы автора; наблюдения над эмпирическим материалом и др. При этом логические звенья рассуждения обычно маркируются союзами и союзными аналогами, а также вводными словами *так как, поскольку... постольку, ибо, потому что, поэтому, итак, если... то, в связи с, значит, в то время как, в то же время, напротив, хотя, впрочем, однако, тем самым, наоборот, таким образом, во-первых, во-вторых...* и мн. др.

Важно, что всякое доказательство по своей природе диалогично и обращено к реальному или мысленному адресату. Для достижения диалогичности используются различные риторические приемы, обороты речи, усиливающие убедительность приводимых аргументов. Весьма действенным средством убеждения читателя в истинности выдвинутого тезиса является *вопросо-ответный комплекс*, имитирующий диалог автора и адресата. Вот как он выглядит в тексте: **Возникает вопрос:** *не является ли изложенное выше понимание общего значения фактически возвращением к традиционному перечислению частных значений? Нет, между семантическим содержанием... и перечнем отдельных значений данной формы имеются существенные различия.*

Кроме того, типичными средствами, подчеркивающими авторскую убежденность в достоверности нового знания, являются стандартизованные конструкции типа *отсюда отнюдь не следует, факты заставляют сделать вывод, факты противоречат, нельзя не заметить, не подлежит сомнению, необходимо знать, обстоятельства обуславливают, из ... со всей очевидностью следует* и др. Этой же цели служат усилительные частицы *лишь, только, даже, вряд ли* и др., а также вводные слова *действительно, несомненно, конечно, безусловно, в самом деле* и др. Обычно перечисленные средства выступают в научном тексте в комплексе, усиливая убедительность изложения.

См.: **Не подлежит никакому сомнению, что изучать общение, в том числе (и особенно!) процессы**

формирования общения, можно только имея определенное представление о социальной структуре и социальной психологии общества... Общение, коммуникация есть не только и не столько взаимодействие людей в обществе, сколько, — и прежде всего! — взаимодействие людей как членов общества.

Доказательство гипотезы обычно завершается формулировкой вывода — высказывания обобщающего характера, логически вытекающего из рассуждений автора и концентрированно выражающего новое знание. Следует иметь в виду, что ни один научный текст не может обойтись без выводов, компактно представляющих читателю результат научного поиска. Говорят даже о *культе вывода* в научной прозе.

В качестве маркеров вывода используются стереотипные конструкции, выражающие отношения следования, напр.: *все сказанное свидетельствует о; на основании вышеизложенного (вышесказанного, сказанного) можно сделать вывод о; из сказанного следует, что; в заключение подчеркнем (отметим), что; нами (опытами) установлено, что; в ходе исследования установлено, что; было установлено, что; можно утверждать, что; нетрудно видеть, что; стало ясно, что; подведем итоги; практика (опыт, схема, проведенное исследование) позволяет сделать вывод о том, что; анализ материала показал, что; в результате мы пришли к следующим выводам* и др.

Выводные суждения имеют различную степень категоричности, выражая большую или меньшую уверенность автора в их обоснованности, ср.: *можно отметить — хотел бы отметить — следует (нужно, необходимо) отметить.*

Мы рассмотрели лишь наиболее значимые аспекты выражения в научном тексте методологии исследования. Безусловно, такой анализ может быть продолжен и углублен, поскольку умелая, стилистически корректная репрезентация методологической стороны полученного знания играет решающую роль в создании качественного текста.

В то же время в реальном познавательном процессе новое знание всегда «погружено» в богатый эпистемический контекст — когнитивный, связанный с преемственностью научной деятельности и отношением нового знания к старому; аксиологический, обусловленный ценностной ориентацией ученого в общем фонде имеющегося знания; рефлексивный, связанный с личностным аспектом познавательной деятельности; коммуникативно-прагматический, детерминированный адресованностью знания читателю. Эти составляющие познавательной деятельности также получают реализацию в смысловой структуре текста. Далее обратимся к их лингвостилистической характеристике.

4. Представление старого знания

Функционирование научного знания предполагает его критическое усвоение, интерпретацию и перевоплощение в новых текстах. Каждое научное произведение, вступая в активный творческий диалог с предшествующими текстами, становится «субъектом» интертекстуального взаимодействия. В свою очередь, новая научная концепция, «опредмечиваясь» в тексте, оказывается потенциально предпосылочным знанием для будущих исследователей.

Старое знание имеет большое значение для развития науки в целом, которая «движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения» [Энгельс 1955: 568]. Являясь средством кумуляции (т. е. накопления) знания, научный текст включается в механизм действия традиции. Его автор стремится «встроить» новую концепцию в систему дисциплинарного знания, которое является носителем некоего критерия истинности, признаваемого в данный момент научным сообществом. Поэтому тексты, составляющие корпус дисциплинарного знания, задают образцы для создания новых текстов. Обращаясь к трудам своих предшественников, автор находит в них и образец для подражания, и импульс для развития собственной научной мысли.

Механизм действия традиции регулирует не только порождение, но и восприятие научного произведения, так как

фонд научных текстов обеспечивает общую память автора и читателя, служит материалом, на котором вырабатываются их общие профессионально-речевые навыки. Кроме того, система дисциплинарного знания, представленная образцовыми научными текстами, формирует общий язык, на котором объясняются ученые. Нормативность, характерная для речевых клише научного письма, является дополнительной гарантией адекватного восприятия текста, так как использование стандартных речевых единиц соответствует ожиданиям адресата, владеющего данным функциональным стилем.

В связи с тем что темп развития науки в целом и темп накопления и эволюции научных знаний конкретного ученого чаще всего не совпадают, в познавательной деятельности сформировался способ приведения второго в соответствие с первым. Таким способом становится использование «чужой» информации и отнесение ее в разряд фоновых знаний. По обоснованному утверждению К. Поппера, «знание не может начинаться с ничего — с *tabula rasa* — и даже с наблюдения. Продвижение знания состоит главным образом в модификации прежнего знания» [цит. по: Ильин, Калинин 1985: 20].

Интертекстуальные отношения нового и старого знания так или иначе представлены практически в каждом произведении. Корректное оформление этих отношений является строго обязательной стилистической нормой эталонного текста. Точность и достоверность в указании источников, подчеркнутое выражение преемственности в развитии собственной идеи, акцентирование связи с наблюдениями и выводами предшественников составляют этический кодекс автора, соблюдение которого свидетельствует о его научной добросовестности. Не случайно Р. М. Фрумкина подчеркивает, что «вся жизнь науки возможна только при широко распахнутых окнах и достаточно ярком свете» [Фрумкина 1995: 4].

С учетом вышесказанного нетипичным для научной коммуникации выглядит заявление Л. Витгенштейна, сделанное им в начале «Логико-философского трактата»: «*Я потому*

не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я... Напротив, истинность изложенных здесь мыслей кажется мне неопровержимой и окончательной. Следовательно, я держусь того мнения, что поставленные проблемы в основном и окончательно решены» [цит. по: Степанов 1981: 23]. Рассматривая данный фрагмент в качестве примера нехарактерного для научной речи «догматического» стиля, Ю. С. Степанов обоснованно утверждает, что «стиль полного указания источников... обеспечивает более надежный фундамент, чем тот, который способна обеспечить модная — следовательно, противопоставленная традиции — концепция» [там же].

В образцовом научном тексте старое знание представлено чужой речью, которая вводится специальными языковыми единицами (средствами ввода чужой речи), маркируется сигналами дистанции и сопровождается авторской оценкой.

Приведем наиболее характерные типы содержания старого знания:

Старое знание — понятие: *На основе «тесноты стихового ряда» (термин Ю. Н. Тынянова) здесь возникает кульминация... звуковой стороны; Перечисленные признаки близки к понятиям «внутренняя геоантиклиналь второго рода» по В. А. Николаеву и «центральное поднятие» по В. В. Белоусову.*

Старое знание — дефиниция: *Как очень точно определяет М. И. Лисина, «развитие представляет собой усвоение детьми социально-исторического опыта человечества и материальной культуры».*

Старое знание — умозаключение: *Один из авторов рассуждает так: немецкое *guten Abend* 'добрый вечер' не равняется итальянскому *buona sera*, так как у тосканцев вечер начинается с тринадцати часов дня... Автор уверяет, что расхождения такого рода между языками удаляют их от реальности....*

Старое знание — выводное суждение: *По Пирсону, «...изменения энергии структуры, связанные с ближайшей*

координацией, полностью подавляют меньшие по величине изменения энергии электронов, связанные с эффектами энергетической зоны структуры».

Смысловые и структурные особенности чужой речи, способности ее словесной репрезентации, а также приемы встраивания старого знания в новый текст определяются когнитивными и коммуникативными функциями, которые старое знание выполняет в познавательной деятельности. К этим функциям относятся:

- представление содержания предпосылочного знания, актуального для формирования авторской концепции, с подчеркнутым выражением преемственной связи нового знания с предшествующим;

- отражение проблемной ситуации, т. е. фиксация противоречивости или недостаточности старого знания с целью обоснования проблемы исследования;

- анализ использованных ранее методов, принципов и приемов исследования, нацеленный на выбор наиболее оптимальной методологии; в связи с этим соотношение отобранных автором познавательных процедур с эталонными программами научного исследования;

- демонстрация интеллектуального фона концепции, соотношение полученных результатов с результатами предшественников, определение интертеоретического окружения нового знания с четким разграничением *своего* и *чужого*;

- ссылка на авторитетное мнение предшественника с целью аргументации собственной позиции и подтверждения обоснованности нового знания;

- представление читателю научно-биографической информации об авторах цитируемых текстов;

- демонстрация принадлежности ученого к определенному научному направлению, научной школе, отражение научного кругозора автора.

Не стремясь к описанию всех вышеназванных функций, остановимся далее на механизмах интеграции старого знания в новый текст, а также рассмотрим средства ввода чужой речи в произведение.

Как известно, каноническим способом языковой репрезентации старого знания является воспроизведение чужого высказывания (по М. М. Бахтину — «чужой речи») в формах цитации, пересказа, прямой и косвенной речи. Хотя граница между названными явлениями не всегда может быть проведена достаточно четко, различия между ними существуют. Эти различия сводятся к объему и степени сохранности / искаженности чужой речи, т. е. степени ее соответствия тексту-источнику; способу семантической и грамматической координации с новой средой — авторской речью; характеру сопряжения (монтажа) *своего* и *чужого* в рамках целого текста; способам ввода в произведение и др.

Так, цитата характеризуется абсолютной точностью, или буквальностью, воспроизведения фрагмента первичного текста и всегда маркируется кавычками. Пересказ допускает отклонения от текста-оригинала, лексические замены и разного рода структурно-грамматические преобразования исходного высказывания, а также смещение логических акцентов в соответствии с прагматическими задачами автора нового текста. И в том и в другом случае возможно устранение «ненужной» информации. В частности, наиболее распространенным способом сокращения чужого высказывания является устранение подлежащего.

Выбор способа репрезентации чужой речи варьируется в зависимости от функций старого знания и его значимости, наличия / отсутствия комментария и оценки, а также от языкового вкуса автора, стремящегося разнообразить научное изложение.

Включение старого знания в научное произведение осуществляется двумя способами. Во-первых, посредством «скрепления» чужой речи с новым текстом благодаря использованию различных средств ввода. Во-вторых, непосредственным «погружением» чужой речи в новый текст без помощи специальных средств (нулевой ввод). Во втором случае маркером цитаты обычно выступают кавычки и специальный глагол *сравни* (*Ср.*), фиксирующие внимание читателя на факте чужой речи.

Ввод чужой речи в текст обеспечивается особой конструкцией, содержащей указание на принадлежность цитируемого фрагмента другому тексту. Средства ввода играют двоякую роль: с одной стороны, они соединяют цитату с новым текстом, с другой — выделяют ее как некий инородный элемент, «поддерживают» цитату на поверхности текста, не давая ей погрузиться в авторскую речь.

Приведем типичные средства ввода чужого высказывания в научное произведение.

• Глаголы речи и мысли: *писать, говорить, сообщать, спрашивать, добавлять, продолжать, отвечать, замечать, отмечать, подчеркивать, указывать, констатировать, заявлять, убеждать, утверждать, учить, гласить, полагать, считать, предполагать, заключать, описывать, определять, формулировать, характеризовать, оценивать, комментировать, называть, считать, рассматривать* и др., а также устойчивые глагольно-именные словосочетания типа *исходить из положения / предположения, делать вывод, приходиться к заключению / выводу, обращать внимание на* и др.

Эти средства акцентируют внимание читателя на содержании чужого высказывания. См.: *О. А. Лаптева правильно **отмечает**, что «тема обязывает к употреблению определенного речевого набора»;* *Г. А. Золотова **пишет**, что «коммуникативная функция речи осуществляется не иначе, как посредством синтаксических конструкций...».*

• Существительные со значениями речи и мысли: *высказывание, выражение, слово, мысль, формулировка, замечание, суждение, свидетельство, понимание, истолкование, вывод, идея, заявление, утверждение, точка зрения, наблюдение, определение, характеристика, оценка, расчет* и др. См.: *Г. Пауль... **дает** такое **объяснение** начальной инвертированной реме: «Цитата».*

• Вводные конструкции: *по словам / оценке / замечанию / мнению / определению / выражению / представлению / терминологии / наблюдению N; по /*

согласно *N*; согласно концепции / утверждению / точке зрения / высказыванию / закону *N*; с точки зрения *N*; в понимании *N*; в соответствии с утверждением / выводом / законом / точкой зрения / расчетами *N* и др. См.: **По свидетельству Б. А. Серебренникова**, «наиболее архаичный язык — хеттский — не имеет никаких наклонений, кроме изъявительного и повелительного»; ...совершается переход к «грамматико-лексическому полю» **в понимании Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс**, или к «функционально-семантическому полю» **в понимании А. В. Бондарко**.

- Вставные конструкции (обычно заскобочные), напр.: (термин / выражение *N*), (*N*). См.: Антропоцентризм современной лингвистики обусловил возрастание интереса к языковой личности (термин **Ю. Н. Караулова**).

- Деепричастные обороты: употребляя термин *N*, выражаясь словами *N*, используя выражение *N*, прибегая к сравнению *N* и др. См.: ...говоря словами **Э. Бенвениста**: «то, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить».

- Условные придаточные предложения: Если воспользоваться термином / выражением *N* и др.

- Сочетания инфинитива с модальным словом: можно / надо / необходимо / следует / целесообразно / достаточно / уместно сослаться на *N* / привести слова *N* / вспомнить выражение *N* и др.

- Клишированные конструкции, предваряющие объемный фрагмент чужого текста, напр.: Многоуровневость структуры текста отмечает Лотман. **Стремясь не уклониться от смысла его идеи, намеренно приводим развернутую цитату.**

В качестве распространителей сказуемого в конструкциях ввода чужой речи используются указания на источник цитируемого высказывания: в книге / статье / монографии / учебнике / работе / труде / справочнике и др. (напр.: Проблема соотношения языка и мышления была

затронута в монографии Б.А. Серебренникова, отметившего, что «цитата»; на тему (проблему) исследования (*в одной из статей, посвященных тензорному анализу, N делает вывод о...*) или его название (*В своей «Функциональной грамматике» А.В. Бондарко отмечает...*).

Нередко распространители сказуемого конкретизируют место цитаты в исходном тексте, связь цитируемого положения с содержанием нового знания, отношение автора к мнению предшественника и др. Например, *Рассматривая вопрос об универсалиях, М.М. Гухман отмечает: «Цитата»; Говоря о надежах в латинском языке, Сосюр указывал: «Цитата».*

Автор чужой речи, помимо имени собственного, может быть назван *автором, ученым, исследователем, основоположником школы, главой направления, преемником кого-либо, представителем направления* и др. Как видим, распространители подлежащего могут указывать на заслуги автора, его отношение к определенной науке или научной школе: *исследователь физики звезд С.А. Каплан, основоположник московской лингвистической школы Ф.Ф. Фортунатов, составитель тектонических карт А.Д. Архангельский, известный немецкий физик, один из корифеев синергетики, Г. Хакен; на ученое звание (академик А.А. Шахматов); на государственную принадлежность (представитель сербской стилистики А. Стоянович).*

Распространители подлежащего используются в качестве дополнительных аргументов, подтверждающих истинность старого знания. Кроме того, они косвенно указывают на авторитетность предшественника и свидетельствуют о положительной оценке автором содержания чужого высказывания.

При вхождении старого знания в дисциплинарный фонд науки авторство той или иной концепции нередко принимает обобщенный вид: *принято считать / рассматривать / характеризовать; обычно считают / рассматривают; известно, что; хорошо известно, что; всем известно, что;*

общеизвестно; как известно и др. Напр.: **Известно, что** для получения согласия с экспериментом при описании свойств полупроводника и диэлектрика электронная теория проводимости оперирует понятием эффективной массы.

Наконец, чужая речь может маркироваться ссылками и сносками, которые несут информацию при их соотнесении с библиографическим описанием источника. См.: *Вест и Арпацци [45] исследовали неустойчивость воздуха, к которому для визуализации добавлялся табачный дым... Данные [41, 45] хорошо согласуются с изложенными в этом параграфе результатами; Известны явления избирательности, ограничений и дополнительных специфических особенностей в реализации функций языковых единиц... [см. **Общее языкознание 1970; Русский язык по данным массового обследования 1974; Нечаева 1974; Шмелев 1977; Степанов Г. В. 1979; Акимова 1982 и др.**].*

Библиографические ссылки отвечают нуждам коммуникации в научной сфере, поскольку позволяют лаконично охарактеризовать источниковедческую базу исследования. Кроме того, они обеспечивают точность выражения связей между новым и старым знанием. В то же время ссылки служат «своеобразной валютой, которой ученые оплачивают интеллектуальный долг своим предшественникам» [Разинкина 1986: 115].

Таким образом, в научном стиле выработаны разнообразные языковые средства, позволяющие автору вводить в текст фрагменты старого знания, различные по коммуникативной значимости и объему содержания.

Интересно, что содержание актуального для автора старого знания может быть скрыто, оставаясь в то же время понятным подготовленному читателю. Это происходит в том случае, когда законы, теории, гипотезы, теоремы, принципы, методы и др. входят в науку «под именами» их авторов, становятся *прецедентными текстами* и превращаются в термины, владение которыми «само собой разумеется». Например: *таблица Менделеева, теорема Пифагора,*

теория Дарвина, теория относительности Эйнштейна и др. Ясно, что понимание прецедентных текстов возможно лишь при наличии у адресата необходимого запаса знаний.

Обычно прецедентные тексты актуализируют онтологический и методологический компоненты знания. На онтологическое содержание указывают прецеденты, называющие объект исследования, напр.: *излучение Вавилова–Черенкова*, *планковский спектр*, *пространство Минковского*, *геометрия Лобачевского*, *решето Эратосфена*, *волна де Бройля*, *хаббловская скорость*, *броуновское движение*, *эффект Допплера*, *течение Пуазейля*, *цикл Карно*, *многочлен Чебышева*, *ноосфера Вернадского*, *ergon* и *energia* Гумбольдта, *la langue* Соссюра и др.

Методологическое содержание старого знания получает реализацию посредством прецедентов, называющих а) форму знания: *закон Бойля–Мариотта*, *теория Соссюра*, *уравнение Вандер–Ваальса*, *теорема Гаусса*, *формула Томпсона*, *гипотеза Сепира–Уорфа*, *принцип Ферма*, *постулаты Бора* и др.; б) познавательные средства: *вектор Умова–Пойтинга*, *правила Кирхгофа*, *постоянная Планка*, *марковские модели*, *лагранжева координата*, *сила Лоренца*, *преобразования Галилея*, *ряд Фурье*, *бином Ньютона*; в) инструменты эмпирического познания: *тест Люшера*, *опыты Столетова по фотоэффекту*, *шкала Цельсия*, *шкала Кельвина*, *юлианский календарь* и др.

Примеры показывают, что прецедентные тексты — это личностные знаки, маркированные именами ученых, внесших значительный вклад в развитие науки. Одно упоминание имени оказывается достаточным для того, чтобы читатель извлек из своего интеллектуального «архива» научное содержание, связанное с этим именем. Поэтому, кстати, прецеденты не сопровождаются ни кавычками, ни библиографическими ссылками: последние либо не нужны, поскольку «и так все понятно», либо не важны, поскольку важно содержание.

Как происходит превращение исходного научного текста в прецедентный феномен?

Реконструируя вероятный «исторический путь» того или иного открытия, можно предположить, что, во-первых, это открытие подвергается многократной теоретической и эмпирической проверке. Во-вторых, текст, давший жизнь «революционной» научной идее, интерпретируется и реинтерпретируется, со временем достигая некоего инварианта восприятия и приобретая признаки научной «легенды». В-третьих, познавательная форма (закон, теория, гипотеза и др.), в которой идея была представлена научному сообществу, становится методом исследования новых объектов. В результате апробированное, проверенное практикой знание получает статус фундаментального, а значит, обязательного для профессиональной подготовки новых поколений ученых.

В то же время накопление знания требует упорядочения фактов науки, и самым естественным способом «наведения порядка» в море научных идей является их именная маркировка. Постепенно имя ученого — автора идеи или открытия — начинает отождествляться с содержанием его теории, замещает это содержание и воспринимается как знак, указывающий на хрестоматийное, известное каждому специалисту и потому не нуждающееся в воспроизведении научное знание. Ученые, обогатившие науку плодотворными идеями, приобретают общепризнанный авторитет в научном мире. К их именам новые поколения уже апеллируют как к закрепленному знаку дисциплинарного знания (хотя достоверность этого знания может быть со временем опровергнута). Таким нам представляется возможный генезис прецедентного текста.

Прецедентные тексты *общекультурного* характера (цитаты из художественных произведений, пословицы, поговорки, афоризмы и др.) научному тексту не свойственны, хотя единичные случаи их использования можно встретить в отдельных монографиях и статьях. Приведем примеры.

Прецедент-цитата: *Чтобы понять, как создаются тексты, «из какого сора растут стихи», следует,*

видимо, посмотреть на ту первичную реальность, с которой сталкивается человек на всех уровнях своей жизнедеятельности.

Прецедент-мифологема: *Из сравнительно безмятежной сферы сосюрковского языка... мы переходим в запутанную сферу всей совокупности человеческих взаимодействий, осуществляемых с помощью речевых средств. Именно эту сферу Витгенштейн неосторожно назвал «языковыми играми». Этим он обрек потомков на взаимное непонимание, а заодно и на поиски, которые по большей части напоминают **вычерпывание бочки Данаид**.*

Прецедент-поговорка: *...Синтез есть целенаправленная операция, осуществляемая субъектом деятельности для получения желаемого результата, который и определяет отбор соединяемых элементов по их количественным и качественным характеристикам... Другими словами, в отношении синтезируемых элементов справедлив принцип, выраженный известной поговоркой: «**Из песни слова не выкинешь**».*

Прецедент-афоризм: *Защитники тех или иных неортодоксальных концепций хорошо усвоили тезис, согласно которому **лучший способ защиты — это нападение**; Эта книга адресована тем, кто считает, что «**лучше знать мало, чем понимать плохо**».*

Прецедент-тривиальная истина: *Идея стационарности Вселенной... обладает большой привлекательностью, основанной, вероятно, на инерции мышления. **Человек привык к малым скоростям**.*

Основными функциями прецедентных высказываний культурного характера в научном тексте являются следующие: 1) завершение микротемы посредством общепринятого и потому бесспорного утверждения; 2) сопоставление теоретических понятий с явлениями обыденной жизни для лучшего усвоения материала; 3) иллюстрация теоретических положений концепции; 4) активизация образного и ассоциативного мышления читателя; 5) разрядка интеллектуальной напряженности научного изложения.

В любом случае уместное использование в научном произведении прецедентных текстов из общего культурного архива свидетельствует о яркой речевой индивидуальности автора.

5. Оценка старого и нового знания

Научное изложение характеризуется высокой степенью оценочности. Это свойство научной речи обусловлено отражением в ней аксиологического компонента эпистемической ситуации, который непосредственно соотносится, во-первых, с оценочной природой познавательной деятельности, во-вторых, с ценностной ориентацией ученого-автора в наличном (старом) и получаемом (новом) знании.

Известно, что способность оценивать изначально присуща человеческому сознанию. Однако в научно-познавательной деятельности оценка приобретает особую значимость, так как посредством ее осуществляется поиск, квалификация и апробация знания. В самом деле, оценка регулирует усвоение, систематизацию и преобразование имеющегося знания; стимулирует выдвижение новых идей и поиск новых научных результатов; мотивирует программу конкретного исследования — одним словом, сопровождает знание на всем пути его возникновения, развития и кристаллизации в тексте.

Получая выражение в научном тексте, важнейшими нормами которого являются обоснованность рассуждений и выводов, их непротиворечивость и значимость, новизна и достоверность, оценка активно «участвует» в аргументации, объяснении, обобщении и других познавательных процедурах исследователя.

Аксиологическая деятельность автора научного текста реализуется в оценках двух типов — *рациональных* (логических) и *иррациональных* (эмоциональных).

Рациональная оценка выражает интеллектуализированное отношение автора к старому и новому научному знанию с позиций его соответствия или несоответствия некоторому стандарту, т. е. определенным нормам и требованиям, выработанным в процессе исторического развития

науки. В научной коммуникации стандарт формируется представлением об идеальном научном знании, характеризующемся признаками *новизны*, *значимости* и *достоверности*. Эти ценностные категории конкретизируются в таких частнооценочных значениях, как известность / неизвестность, актуальность / неактуальность, важность / неважность, разработанность / неразработанность, точность / неточность, целесообразность / нецелесообразность, обоснованность / необоснованность, уместность / неуместность, допустимость / недопустимость, возможность / невозможность, ясность / неясность, определенность / неопределенность, оригинальность / неоригинальность и др. Выбор того или иного оценочного значения и способ его речевого воплощения определяются конкретной познавательной ситуацией, связывающей в единое целое субъекта оценки (автора), объект оценки (оцениваемое явление) и оценочное средство.

Иррациональная сфера сознания лежит в основании эмоциональной оценки, выражающей различные оттенки удовольствия / неудовольствия, одобрения / неодобрения, раздражения, восхищения, удивления, осуждения и другие эмоциональные импульсы и реакции автора. Например: *Приведенное определение... не очень-то четко и вдохновляюще; N провел великолепный теоретический анализ проблемы; привлекательные черты однородной модели.*

Закономерно, что в научном тексте, содержание которого отражает теоретическое мышление, преобладает рациональная оценка, составляющая 97,3% всех оценочных средств. Как видим, эмоциональная оценка все-таки остается в научных произведениях. Чем это можно объяснить? С одной стороны, отражением в тексте личностно-психологического компонента познавательной деятельности, связанного с эмоциональным откликом ученого на проблемную ситуацию и способы ее разрешения. С другой — стремлением автора воздействовать на читателя не только силой разума, но и силой чувства, поскольку мысль, заостренная

чувством, сильнее убеждает, чем «объективная», равнодушная, безличная мысль.

Обычно эмоционально-оценочные средства используются для выражения отрицательной оценки старого знания и чаще встречаются в текстах (или разделах текста) полемического характера. На фоне в целом нейтрального, объективированного изложения экспрессивно окрашенные оценочные единицы способны придать рассуждениям автора тот острый и неожиданный характер, который делает критику полемически заостренной и потому легко достигающей цели.

Для примера приведем фрагмент статьи по языкознанию, выделив в нем средства выражения оценки (рационально-оценочные единицы отмечены полужирным шрифтом, эмоционально-оценочные подчеркнуты): ***Слишком буквальное, упрощенное** понимание феномена новизны и данности привели многих лингвистов к **существенным ошибкам**, к **неграмматическому** толкованию интересной и важной проблемы. Это в свою очередь приводит к таким **казусам**, как отнесение всего повторенного в тексте предложения к теме (!). То есть речь идет об отнесении к теме, к безремным предложениям полносоставного предложения... **Как может быть безремным такое предложение, к тому же еще сложноподчиненное?! Такая трактовка не имеет отношения** к грамматике языка... она **неинтересна** для грамматики и просто **ненужна**.*

Пример показывает, что, каким бы высоким ни был накал негативно-оценочной экспрессии, все-таки эмоциональность автора оказывается под контролем его логического мышления. В этом фрагменте эмоционально-оценочное суждение, выраженное вопросительно-восклицательным предложением, «окружено» многочисленными средствами рациональной оценки (***буквальное, упрощенное понимание, существенные ошибки, неграмматическое толкование, трактовка не имеет отношения к грамматике*** и др.), которые логически объясняют критику.

Стандартное оценочное содержание научного текста выражается многочисленными языковыми единицами, образующими специализированный класс оценочных средств научной речи. Так, большую вариативность оценочных значений обнаруживают лексические единицы:

- существительные **важность** проблемы, **значение** концепции, **приоритет** открытия, **роль** исследования, **необходимость** анализа, **удобство** метода, **преимущество** подхода, **предпочтительность** принципа – **противоречие** позиции, **ошибочность** точки зрения, **догматичность** теории, **слабость** позиции и др.;

- прилагательные **стройная** и **последовательная** концепция, **продуктивный** подход, **идея** интересна, **наилучший** метод решения, **важнейшее** условие – **неприемлемый** принцип, **неправомерный** вывод, **слабая** работа, решение **неверно**, выводы **ошибочны**, **наихудший** вариант решения, **наименее удобный** способ и др.;

- наречия **хорошо** сформулированные выводы, **ясно** изложенная позиция – **определил неточно**, **неубедительно** изложенная идея, **непоследовательно** проведенный эксперимент и др.;

- фразеологические сочетания типа **гипотеза имеет право на существование**, **поворотный пункт** в развитии физики, **краеугольный камень** теории, **Альфа и Омега** концепции и др.

Из синтаксических средств оценки типичными являются следующие:

- клишированные словосочетания **особый интерес**, **яркий образец**, **важная роль**, **большая роль**, **положить начало**, **существенный вклад** – **вызывает сомнение**, **нуждается в проверке**, **требует доработки** и др.;

- безличные конструкции **можно / надо / нужно / следует согласиться с тем, что** – **трудно / нельзя / невозможно согласиться с тем, что**;

- отрицательно-противительные конструкции, напр.: **Мы должны искать социальное начало не вне, а внутри личности говорящего человека, понимать самую психологию общения как социальную не по названию,**

а по существу; Не отрицая важность исследований..., мы хотим обратить внимание на необходимость построения общей теории...;

• вопросительные и восклицательные предложения, напр.: *Уже Соссюр выступил с невероятным утверждением, будто бы язык «не создан для выражения понятий». Здесь невольно сразу возникают несколько вопросов одновременно: 1) а для чего же создан язык? 2) если понятия передаются не с помощью языка, то каким же образом они все же передаются? 3) не означает ли тезис Соссюра, что человечеству пора вернуться к доязыковому способу общения?*

Кроме того, оценка может выражаться и предложениями, не содержащими специальных единиц. В этом случае оценочный смысл извлекается из высказывания на основании контекста. Напр.: *По мнению критика, богатство звуков свидетельствует о развитости языка. Такое утверждение совершенно очевидно свидетельствует о том, что критик никогда в своей жизни историей языка не занимался.*

Важную роль в создании аксиологического контекста играют наречия — интенсификаторы оценочных значений, которые используются с целью усиления или ослабления оценки.

Усиление оценки повышает убедительность изложения и свидетельствует об определенности авторской позиции, см.: *эффективный метод — особенно эффективный метод — очень эффективный метод — чрезвычайно эффективный метод; противоречивая позиция — крайне противоречивая позиция; неверное решение — совершенно неверное решение — абсолютно неверное решение* и др.

Ослабление оценки (напр.: *термин не вполне удачен, не очень обоснованный вывод* и др.) имеет иную прагматическую цель — сделать высказывание менее категоричным, показать, что автор не хочет (или не считает себя вправе) выносить категоричные суждения, представлять свою оценку как безапелляционно истинную. Степень

категоричности оценки варьируется также за счет использования модальных слов, ср.: *по-видимому, N прав — очевидно, N прав — бесспорно, N прав.*

Таким образом, сформировавшаяся в научном стиле разветвленная система средств выражения аксиологических значений позволяет автору выразить оценку с учетом всех нюансов его отношения к объекту оценивания.

Хотя объектами оценочных суждений могут быть все компоненты эпистемической ситуации, максимальная плотность оценок приходится на изложение старого знания. И это закономерно. Обращаясь к той или иной идее предшественника, автор всегда «сигнализирует» читателю о познавательной ценности этой идеи.

Оценка старого знания может быть *позитивной* и *негативной*. Кроме того, общая положительная оценка может быть снижена указанием на «отдельные недостатки», а общая отрицательная оценка не исключает плюсов («отдельных достоинств»). В этом случае можно говорить об оценке *смешанного типа*, выражающей частичное согласие либо частичное несогласие автора с позицией предшественника и его намерение развить содержание старого знания.

Приведем примеры различных оценок старого знания, выделив оценочные средства.

Позитивная оценка: *В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» была намечена **совершенно правильная**, на наш взгляд, концепция; книга О. Есперсена по праву может рассматриваться как один из **ярких образцов** функционально-грамматического описания; В своей **пионерской** работе N подчеркивал...; В течение десятилетий эта работа считалась **истинной** теорией бенаровской конвекции.*

Негативная оценка: *N приходит к **неправомерному** заключению...; **ошибочно**, как это делает N, сводить роль языка в познании **только** к функции замещения и закрепления элементов чувственного познания; В этой работе есть **слабые места**; Самый термин «понятийная категория» **не вполне удачен**, нам представляется,*

что целесообразнее использовать другой термин: «функционально-семантическая категория».

Оценка смешанного типа: **Хотя** сложное понятие «мыслительное содержание» остается у автора скорее **на уровне интуитивного толкования**, использование его **весьма актуально**; В концепции **N представляется правильным** определение общего соотношения между стилями и «устно-разговорной разновидностью» языка, **но определение границ последней вызывает серьезные сомнения.**

В современных научных текстах преобладают единицы со значением позитивной оценки (их в 7 раз больше, чем негативно-оценочных единиц), что связано с действием механизма преемственности в познавательной деятельности, а также соблюдением стилистической нормы «некатегоричность изложения». Поэтому автор, даже концентрируя внимание на отрицательных сторонах концепции предшественника, так или иначе отмечает ее достоинства.

Еще одна разновидность аксиологического суждения — имплицитная, т. е. скрытая, оценка старого знания посредством его констатации. В этом случае фрагмент текста-источника, включенный в произведение, вообще не сопровождается авторским комментарием. Однако формально безоценочный ввод чужой речи всегда является способом выражения ее позитивной оценки и к тому же свидетельствует об абсолютной уверенности автора в истинности цитируемого высказывания. Например: *Настоящую статью хотелось бы закончить словами акад. В.В. Виноградова: «Все относящиеся сюда вопросы очень интересны для грамматики. Исследование их, несомненно, будет способствовать более глубокому пониманию всех экспрессивно выразительных синтаксических средств русского языка».*

При изложении нового знания оценке подвергается прежде всего его методологическая сторона. Типичными критериями оценки метода исследования являются его *результативность*, т. е. способность обеспечивать достижение намеченной цели; *надежность*, т. е. способность

с большой вероятностью приводить к получению искомого результата; *экономность*, т. е. способность обеспечивать результат с наименьшими затратами познавательных средств и времени. Кроме того, метод может оцениваться со стороны его известности / неизвестности, простоты / сложности, оригинальности / неоригинальности т. п.

Проиллюстрируем сказанное фрагментами текстов: *погрешности успешно подавляются в результате применения оптимальных методов статистической обработки; удобно пользоваться методом Рунге – Кутты – Мерсона; более предпочтительным является использование методов теплоемкости, которые обеспечивают лучшее приближение к равновесным условиям; применение метода смещения... является неоправданным; для исследования теплообмена применен наиболее полный подход; прочный фундамент для исследования дает теория малых возмущений; мы приводим простой метод доказательства.*

Авторские предпочтения, связанные с выбором способа решения проблемы, могут иметь и эстетическое основание. В этом случае метод привлекает ученого своей «эффектностью», «красотой», «изяществом» и другими признаками, вызывающими у исследователя эмоциональный отклик. Напр.: *есть более изящный способ вывода этих выражений; интуитивно привлекательным представляется энергетический метод.*

Помимо методологии, объектами оценочного отношения автора могут стать разрабатываемые им понятия, проблемы, задачи, гипотезы, уравнения и др., которые оцениваются со стороны их значимости, обоснованности и новизны. В таких оценках проявляется критичность научного мышления и способность ученого контролировать ход исследования. Приведем примеры:

Мы обращаемся к проблеме, лежащей на самом переднем крае исследований сегодняшних дней; Затронутые проблемы подводят нас к задаче огромной важности; Проблема «языка и реальности» – одна из важнейших проблем лингвистики; Для определения

*структуры Вселенной приходится вернуться к **трудной задаче** нахождения средней плотности материи; Это уравнение... может трактоваться как **фундаментальное** для поверхности разрыва двух фаз; Гипотеза эта **нуждается в проверке**; **Неожиданный результат** состоит в том, что выводы **качественно отличаются** от приведенных; вывод оказывается **важным** для дальнейшего изучения оксидов.*

Благодаря оценке нового знания преодолевается его исходная неопределенность и концепция получает более отточенную методологическую форму.

Из всего вышесказанного очевидно, что оценочные средства рассредоточены по всей ткани научного произведения. Вместе с тем «сетка оценок» покрывает текст с разной степенью плотности. Так, скопление оценочных единиц характерно для введения, «истории вопроса», постановки проблемы и обоснования метода ее решения. Максимальная концентрация оценочных средств наблюдается в полемических фрагментах текста. Более «разреженные» участки сетки оценок сопровождают характеристику материала, доказательство гипотезы, а также выводы, содержащие квинтэссенцию нового знания.

6. «Образ автора» в научном тексте

Выражение авторского начала в научном тексте обусловлено рефлексивным компонентом эпистемической ситуации. Рефлексия соотносится с обращением мышления на самое себя, и ее предметом является научная мысль, продвигающая исследование от не-знания (или неполного, неточного знания) к непротиворечивому достоверному знанию.

Автора как познающего субъекта невозможно изъять из создаваемой им научной картины мира. Он является не только проводником логики фактов, но и творцом, активно утверждающим свою позицию в науке. Поэтому идеи, положенные в основу научного результата, не могут обезличиваться в той же степени, в какой обезличивается продукция массового производства.

Рефлексия ученого делает из него одновременно и производителя, и наблюдателя собственных познавательных мотивов и действий. Она позволяет проверить, соответствует ли выбранная эвристическая программа поставленной цели, правильно ли работает научная мысль, действительно ли изучаемый объект обладает приписываемыми ему свойствами и адекватно ли передается в тексте новое научное знание.

В силу непосредственной связи языка и мышления, а также закономерной зависимости лингвостилистических параметров научной речи от экстралингвистических факторов, субъектный компонент знания не может не отразиться на конечном продукте познавательной деятельности — научном тексте, который является производным от личности и человеческой индивидуальности. Действительно, научные тексты не безличны, хотя степень их личностности значительно варьируется и зависит от многих факторов.

Надо признать, что проблема «образа автора» не получила пока всестороннего рассмотрения применительно к научному тексту. Между тем это, безусловно, интереснейший для стилистики вопрос, который ждет своих исследователей. Даже предварительный анализ материала в указанном аспекте позволяет сделать вывод о том, что автору научного произведения свойственна многоликость, обусловленная многообразием функций, которые он выполняет в коммуникативно-познавательной деятельности. В самом деле, автор предстает перед читателем как мыслитель и творец научной идеи, как проводник по сложному лабиринту нового знания и партнер по диалогу, как реальная личность с неповторимой научной биографией, наконец, как стилист и редактор собственного текста.

В результате развития научного стиля в нем сформировался класс стереотипных единиц, выполняющих функцию выражения авторского начала и фиксирующих рефлексии ученого в ходе познавательной деятельности. Эти единицы (слова, словосочетания, предложения, а также отдельные текстовые фрагменты) создают личностный план текста, придающий научной информации статус индивидуального, персонифицированного знания.

Все единицы авторизации можно разделить на три группы: 1) эго-номинации, 2) номинации ментальных состояний, 3) номинации речевой рефлексии. Обратимся к их характеристике.

Эго-номинации представлены словами, называющими автора текста: *автор* (**автор не претендует на исчерпанность выводов**); *мы* (реже *я*) (**нас интересует, мы считаем, я имею в виду**); *наш, мой, свой* (**насколько можно судить по *нашему* опыту, выскажем свои соображения, мой подход опирается на, наша точка зрения заключается в следующем, предложим свой вариант определения, наши наблюдения свидетельствуют о**).

На авторскую принадлежность излагаемого знания указывают также косвенные эго-номинации: *легко / нетрудно / можно видеть / увидеть / заметить / понять (что); можно / легко / нетрудно представить (что); легко / нетрудно сообразить, что; можно вспомнить (что); надо / необходимо / следует учитывать (что); необходимо / надо / следует помнить (что); надо / необходимо / следует иметь в виду (что); надо / следует / необходимо обратить внимание на (то, что) и др.* Выражая осознанную автором возможность / невозможность или необходимость той или иной познавательной операции, эти единицы также участвуют в манифестации его личности.

В контексте это выглядит примерно так: **Насколько можно судить по *нашему* опыту, словоцентрическое описание имеет немаловажные достоинства; Легко представить себе, что в определенных условиях широкий класс начальных состояний будет быстро приводить к одному и тому же равновесному состоянию; Следует иначе трактовать структурно-тектоническую схему; Нетрудно понять, что множество будет представлять собой совокупность связанных кластеров.**

Наряду с локальными языковыми сигналами авторское «Я» иногда получает развернутое речевое выражение

в специальных коммуникативных блоках текста, информирующих о фактах научной автобиографии автора, обстоятельствах, связанных с публикацией труда, и т.п. Обычно информация такого рода содержится в предисловиях к монографиям и вызывает у читателя неизменный интерес. Приведем яркий пример такого рода из монографии И. А. Мельчука «Русский язык в модели “смысл \Leftrightarrow текст”», выделив эго-номинации:

Свои первые в жизни слова я произнес по-русски. И мои последние слова... также будут наверняка сказаны по-русски. Я учил и изучал... и другие языки и так или иначе пользовался ими, однако лишь в русском языке я чувствую себя хозяином. Лишь здесь я знаю... что можно, а чего нельзя, что хорошо, а что плохо... мое мышление, русский язык и я сам неразделимы. Исходя из этого, можно указать два центральных фактора, которые подтолкнули меня взяться за подготовку этой книги...

Первый... фактор таков. Занимаясь лингвистикой, я работал в основном на материале русского языка... Не мне судить о том, насколько интересны и важны мои результаты, но... они были получены, исходя из русских данных... Моя языковая и лингвистическая интуиция – т. е. мой самый ценный исследовательский прибор – сформировалась целиком в русском языке... Это уже само по себе достаточно, чтобы объяснить мое желание представить здесь совокупность лингвистических исследований русского языка, выполненных мною за более чем тридцатипятилетний период.

Второй фактор... был для меня, может быть, даже более существенным... Настоящая книга адресуется вовсе не только... русистам или славистам... Я попытался сделать содержание... доступным для исследователей в самых разных областях лингвистики.

Указанные факторы довольно долго воздействовали на меня... усиливая друг друга. Результат налицо...

Как видим, «образ автора» получает здесь предельную выраженность. Свойственный данному фрагменту

«интимизированный» характер изложения способствует установлению контакта с читателем, настраивая последнего на восприятие основной научной информации. Интимизированный стиль вводной части текста — конечно, при известном мастерстве автора — может оцениваться как эффективная тактика коммуникативного поведения. Однако в академических жанрах научной речи эта тактика используется крайне редко, оставаясь приметой яркого индивидуального стиля.

Номинации ментальных состояний передают сомнение, уверенность, радость, удивление, сожаление — словом, рациональные и эмоциональные переживания автора, сопровождающие получение нового знания.

Стереотипными средствами выражения сомнения являются:

- вводные слова *очевидно, вероятно, вероятнее всего, по всей вероятности, возможно, видимо, по-видимому, пожалуй, кажется, казалось бы, может быть, наверное, на наш взгляд, по нашему мнению, с нашей точки зрения* и др.;

- безличные синтаксические конструкции *думается, что; кажется, что; представляется, что; возможно, что; мало вероятно, что; более чем вероятно, что; не исключено, что; очевидно, что; не совсем ясно, что; не совсем понятно, что; есть основания предполагать, что; можно полагать / считать, что; можно предположить, что* и др.;

- двусоставные и односоставные предложения с глаголами мысли *мы предполагаем; мы допускаем возможность; допустим, что; допускаем, что; предположим, что* и др.

Например: *В традиционной теоретической грамматике преобладающим был, **пожалуй**, все же принцип описания «от языковой единицы к ее значению»; **Видимо**, первоначально многочленно-комплементарной категорией была категория рода; **Мы полагаем, что** в качестве надежной методологической*

основы могут стать положения и законы диалектической логики; **Вызывает сомнение** трактовка эндоэффекта при отжиге; **Вероятно**, температура в 500° является достаточной для возникновения миграции катионов; **Представляется, что** метод красных смещений хоть и менее чувствителен, но более надежен.

Нередко выражение «сомнительности» сопровождается определителями, уточняющими степень сомнения, ср.: *мало вероятно, что — вероятно, что — вполне вероятно, что — по всей вероятности — весьма вероятно, что — более чем вероятно, что.*

Свою уверенность автор научного текста передает посредством следующих единиц:

- вводных слов *безусловно, бесспорно, несомненно, без сомнения, в самом деле, действительно, конечно, естественно, разумеется, само собой разумеется* и др.;

- безличных синтаксических конструкций *ясно, что; понятно, что; естественно, что; несомненно, что; разумеется, что; само собой разумеется, что; представляется несомненным / очевидным, что; совершенно очевидно, что; не подлежит сомнению, что; логично считать, что* и др.;

- предложений типа *мы убеждены, что; убежден, что.*

Например: **Не вызывает сомнения, что** первейшими средством отражения в языке действительности является лексика; **Не подлежит никакому сомнению, что** изучать общение можно только имея определенное представление о социальной структуре и социальной психологии общения; **Представляется очевидным, что** влияние на свойства соединений оказывает характер связи между ближайшими в структуре атомами; **Ясно, что** спектр возмущений богаче; **Действительно**, в экспериментах было обнаружено, что...; **Безусловно**, по мере накопления геолого-геофизических материалов интерпретация аномальных геофизических полей должна усложняться.

Почти все эти средства имеют варианты, которые передают уверенность с разной степенью категоричности, ср.: *представляется несомненным — не вызывает сомнения — несомненно — не подлежит сомнению — не подлежит никакому сомнению* и др.

Если необходимо подчеркнуть, что знание бесспорно и очевидно, то автор использует специальные языковые средства, маркирующие констатацию факта: *известно, что; хорошо / давно известно, что; общеизвестно, что; как известно; как мы знаем; мы знаем, что; как (мы) видим; мы видим, что* и др.

Эмоциональное отношение ученого к содержанию мышления также получает выражение в научном тексте. Однако подчеркнем, что эмоции в науке отличаются «логизированностью» и репрезентируются не эмоционально-экспрессивной лексикой, а нейтральными словами, передающими лишь понятия об эмоциях. Эта группа единиц весьма малочисленна: *представляет интерес, интересно (что), к сожалению, увы, к счастью, странно (что), (не) удивительно (что), оказывается (что), признаться, надо признаться (что)* и нек. др. Вот как они выглядят в тексте: *Исследуя объект, мы с **радостным удивлением обнаруживаем** в нем новые стороны и свойства; **К сожалению**, господствующим в современном языкознании является чрезвычайно упрощенный подход к определению темы и ремы предложения; **К сожалению**, структуры юрского периода не выделяются по материалам сейсморазведки; **Интересно, что** путь от формы к смыслу разбивается на два этапа; **Представляет интерес** вычисление энергии связи в оксидах разного состава; **Не удивительно, что** возник вопрос, не зависят ли силы инерции и тяготения от Вселенной как целого.*

В качестве эмоциональных усилителей могут использоваться частицы *ведь, же*, а также интонационные средства, см.: ***Энтропия иногда падает!** В этом нет противоречия: **ведь** падает энтропия вещества*

в центре ядра, но возникает энтропия нейтрино, улетевших от звезды.

Как видим, «проявление чувств» в научном тексте, действительно, носит логизированный характер, т. е. подчиняется стилистическим нормам эмоционально нейтрального и объективного изложения.

Номинации речевой рефлексии репрезентируют автора как комментатора собственного текста и отражают стремление к продуманному выбору наиболее точной словесной формы для выражения знания с целью его максимально адекватного представления адресату.

Так, при помощи оборотов *можно сказать, если можно так выразиться, так сказать, лучше сказать, строго говоря, короче говоря, в первом приближении будем называть* и др. автор фиксирует внимание на значении употребляемых словесных знаков, стараясь добиться их адекватности содержанию научного знания, напр.: ***Можно сказать, и это будет адекватно сути дела, что пространственные характеристики вообще не применимы к мысли; Способность производить работу по генерации смыслов будем называть (в первом приближении) энергией.***

Вводные конструкции *иначе, иначе говоря, иначе сказать, иными словами, говоря иными словами, другими словами, точнее, точнее говоря, в том смысле, в том смысле, что* и др., а также уточняющие обороты с союзами *или, то есть, а именно* маркируют повтор ранее сказанного, напр.: *В любом речевом акте, **точнее** — в цепочке речевых актов, оптимально участвуют два лица; Функцию стоит понимать как предназначенность языковой единицы, **или, говоря иными словами,** как отношение, связывающее языковую единицу и результат; Рассмотрение малых возмущений решения Шварцшильда говорит о физической невозможности реализовать такие возмущения. **Точнее говоря,** их можно получить, только поместив сферу Шварцшильда во внешнее возмущающее поле.*

Необходимость вариативного повтора оправдана в тех случаях, когда сообщаемое в первой части 1) не вполне точно и адекватно; 2) точно и адекватно, но недостаточно ясно и потому требует толкования; 3) отвлеченно и обобщенно и потому тоже требует иллюстрирующего, конкретизирующего комментирования.

Ремарками типа *так называемый, называемый в литературе, как принято говорить, обычно говорят, обычно называют* и др. автор как бы снимает с себя ответственность за использованную номинацию, подчеркивая, что обозначение не оригинально, а общепринято, напр.: **Так называемое** *адвербиальное употребление надежных форм; Слушающий прежде всего слышит речь и декодирует услышанное, т.е. идет, как принято говорить, в направлении «от формы к смыслу»; Не случаен большой интерес к так называемой синергетике, которую называют новым мировоззрением современного естествознания.*

В отдельных случаях речевая рефлексия автора выражается специальными текстовыми фрагментами, содержащими развернутый комментарий его коммуникативного поведения. Например: *Рассматривая старые и новые концепции, мы сознательно предпочитаем цитирование или близкий к тексту пересказ более свободному изложению, чтобы представить рассматриваемые концепции более объективно.* Подобные высказывания не только демонстрируют стилистические предпочтения автора, но и программируют читательское восприятие. Порой автор прибегает к прямому предписанию, как именно следует читать и понимать текст. Напр.: **Категоричность предлагаемых формулировок отражает только личную убежденность автора и не должна восприниматься как недооценка иных точек зрения; В формулировке «почти однородная плазма» перенесем ударение со слова «однородная» на слово «почти».**

В заключение коснемся вопроса о целесообразности манифестации авторского «Я» в научных текстах.

Известно, что степень выраженности личностного начала в научных произведениях различна (мы имеем в виду стилистически качественные тексты, авторы которых владеют нормами научного изложения). Есть тексты, характеризующиеся менее авторизованной, т. е. неличной, стилистической манерой изложения, и тексты личные, с большей степенью авторизации.

Тексты первого типа максимально рафинированы и «очищены» от следов творческого поиска автора. Как правило, в них содержится общепризнанное или устоявшееся знание, уже прошедшее проверку на объективность и достоверность. В таких трудах мы скорее всего не найдем информации о неповторимом поиске истины, сопровождавшемся, быть может, сомнениями, разочарованиями или, наоборот, радостью. Авторы таких текстов демонстрируют либо рафинированный стиль мысли, где в слогe ценится эlegantность, лаконичность, непротиворечивость, либо подчеркнута алгоритмизированный стиль с безупречностью формально-логических доказательств.

Тексты второго типа представляют собой «автопортрет мыслителя» (В. И. Постовалова). Обычно в них заключено только что полученное и еще не укоренившееся в науке знание: смелая («сумасшедшая») идея, «революционная» гипотеза, новаторский метод и т. п. В речевой ткани таких текстов отражается живая мысль ученого и его рефлексия над каждым «изгибом» мысли. Стиль подобных произведений характеризуется чередованием теоретических, подчеркнута рациональных построений и стихийного потока ассоциаций, который порой обгоняет логический строй рассуждений. Ясно, что в текстах-автопортретах авторское «Я» получает максимальную выраженность, так что читатель чувствует биение научной мысли, «живое философствование живого человека» (А. Ф. Лосев). Нередко в научное содержание вплетаются и размышления автора, выходящие, подобно лирическим отступлениям в художественной прозе, за рамки проблемы исследования.

К какому из двух — полярных! — типов изложения тяготеют современные академические тексты и какой тип

изложения может быть рекомендован как наиболее эффективный для современной научной коммуникации?

Наши наблюдения согласуются с выводами большинства исследователей, что современный научный стиль эволюционирует в сторону неличной манеры изложения. Данная тенденция обусловлена следующими факторами (прежде всего экстралингвистическими): возрастающей производственно-практической ориентацией, технизацией, коллективностью труда в науке, массовостью научных публикаций, обуславливающих рост количества лаконичных жанров (тезисов, обзоров, докладов и т. п.), использованием компьютера в процессе продуцирования текста, информационным бумом, повлекшим за собой повышение требований к информативной насыщенности публикаций, и др. В большей степени эти факторы отражаются на текстах точных, технических и экспериментальных наук, в меньшей — на гуманитарных текстах, всегда отличавшихся более ярко выраженной личностной манерой изложения.

Следует также иметь в виду, что степень авторизованности изложения соотносится с другими стилистическими признаками научного текста. Так, преимущественно описательным произведениям скорее свойственны стандартизация и лаконичность изложения, чем диалогичность и оценочность. Два последних признака, напротив, больше присущи текстам-рассуждениям, что обуславливает и большую степень личности теоретических текстов. Другие факторы, определяющие степень выраженности авторского «Я», — это содержательные особенности того или иного компонента текста (скажем, в полемической части плотность средств авторизации, как правило, повышается), познавательный стиль ученого, а также уровень его общей и речевой культуры.

Нельзя не учитывать воздействия на стиль научных публикаций всех перечисленных факторов. В то же время очевидно, что пренебрежение (или невладение) средствами авторизации приводит к гипертрофированной обезличенности изложения и порождает культурно-речевые дефекты

текста: речевую недостаточность, неопределенность, неясность, невыразительность. Все это чревато потерями содержательного плана.

Таким образом, чрезмерная обезличенность изложения значительно ослабляет коммуникативный потенциал текста, а значит, не может быть рекомендована в качестве общеобязательной нормы научной речи.

7. Адресованность текста читателю

После рассмотрения когнитивных компонентов смысловой структуры научного произведения, связанных с выражением многопланового содержания нового и старого знания, обратимся к прагматической стороне текста, т. е. его направленности на адресата.

Научный текст является не только носителем интеллектуальной информации, но и средством научного общения. Поэтому автор эталонного текста, чтобы быть правильно понятым, «строит» текст, ориентируясь на читателя и стремясь предусмотреть его возможные реакции. Иными словами, отбор, обработка и способ речевого воплощения научной информации осуществляются с учетом «фактора адресата». В зависимости от того, какими знаниями и коммуникативными навыками обладает предполагаемый адресат, автор может позволить себе имплицировать те или иные звенья в раскрытии темы и предоставить читателю возможность самостоятельно восстановить их в процессе восприятия. Либо, наоборот, использовать дополнительные средства развертывания текста, для того чтобы восполнить недостающие знания читателя и тем самым осуществить более плавный переход от одного компонента содержания к другому, что, безусловно, способствует преодолению непонимания между отправителем и получателем сообщения.

Особенность взаимодействия автора и читателя в научной коммуникации заключается еще и в том, что научное произведение читается и воспринимается не пассивно, а творчески, критически, т.е. с ответной реакцией, которую, в свою очередь, стремится предусмотреть автор. Лишь при таком

диалоге автора и читателя можно говорить об эффективности научного общения.

В речевой ткани текста учет адресата выражается в использовании особых единиц, специально ориентированных на читателя, семантически независимых от темы произведения и выполняющих текстоформительские функции. Назовем эти единицы средствами адресации.

В современном научном стиле средства адресации представлены широким кругом устойчивых, «готовых к употреблению» слов и словосочетаний, относящихся к «упаковочным формам» научного содержания. Эти единицы выполняют следующие функции:

- «надстраиваясь» над собственно научным содержанием, оформляют его в виде информативно ясного речевого сообщения;
- обеспечивают контактную или дистантную связь всех компонентов смысловой структуры текста, одновременно фиксируя движение научной мысли автора в ходе решения проблемы;
- маркируют наиболее значимые фрагменты произведения;
- управляют вниманием читателя, создавая смысловые опоры для адекватного восприятия.

В целом сигналы адресации, подобно дорожным знакам, играют роль своеобразных «указателей» на текстовом пространстве, направляют адресата по нужному пути, обеспечивая оптимальное усвоение им научной информации.

На основании семантического и функционального сходства средства адресации можно объединить в три группы: 1) композиционно-ориентирующие, 2) указывающие на степень важности информации и 3) мыслительно-активизирующие.

Использование композиционно-ориентирующих средств адресации связано с необходимостью преодолевать противоречие между протяженностью текста во времени и пространстве и ограниченностью внимания и оперативной памяти читателя.

С одной стороны, текст большого объема характеризуется прерывностью в развитии темы, в то время как читателем он воспринимается последовательно. С другой стороны, адресату свойственно отвлекаться, забывать прочитанное, терять логику развития мысли, не сразу усваивать смысловые отношения между квантами информации. Автор, учитывая эти особенности восприятия текста и намереваясь тем не менее достичь его адекватного понимания, использует специальные сигналы *проспекции* и *ретроспекции*, которые ориентируют читателя: вперед ↔ назад, выше ↔ ниже, раньше ↔ позже. Маркируя логику развития темы, эти сигналы в то же время обеспечивают смысловую связность фрагментов содержания.

Ретроспективная направленность изложения соотносится с отсылками к левому контексту (назад, выше, раньше) и маркируется следующими единицами:

- вводными предложениями: *как мы видели, как отмечалось, как указывалось, как говорилось, как было показано, как было отмечено, как видно из приведенного примера, как следует из вышеизложенных положений* и др.;

- клишированными словосочетаниями: *приведенные выше / ранее (примеры), сформулированные выше / ранее (принципы), отмеченные выше / ранее (положения), рассмотренные выше / ранее (причины), вышеизложенное (понимание), вышеупомянутые (признаки), вышеназванные (тенденции)* и др.;

- предложениями типа: *выше уже говорилось, что; выше отмечалось, что; уже неоднократно отмечалось, что; из сказанного следует, что; о чем говорилось выше; которое было приведено выше; суть которых была рассмотрена в предыдущей главе; о которых речь шла выше; Об этом уже говорилось выше; В предыдущей главе были рассмотрены...; До сих пор речь шла о; Выше мы уже наблюдали* и др.;

- словами, отсылающими к ранее сказанному: *предыдущий (параграф), предшествующее (изложение),*

изложенные (принципы), приведенный (пример), описанное (явление);

- *заскобочными ссылками: (см. выше), (см. выше соответствующий раздел), (см. предыдущую главу) и др.*

В стилистических исследованиях обнаружено, что развертывание научного текста осуществляется путем не равномерного, а скачкообразного, «порционного» включения в него новой информации, т. е. с постоянной опорой на то, что было сказано ранее, и повтором наиболее важных смысловых фрагментов. Возвращение к прочитанному обеспечивает многократное прохождение научной информации через «хранилище памяти» читателя (Р. Клацки), повышая прочность запоминания информации.

Перспекция направлена на правый контекст произведения (вперед, ниже, позже), поэтому средства ее выражения объединены значением 'будущее', среди них:

- *вводные предложения: как будет видно / показано / сказано ниже, как увидим ниже, как будет видно из дальнейшего и др.;*

- *придаточные предложения типа о чем будет сказано ниже; о которых будет речь ниже; что подробно мы рассмотрим в следующей главе; поэтому будет рассмотрено позднее и др.;*

- *предложения констатирующего характера: Об этом подробнее будет сказано ниже. Об этом говорится ниже. О последнем пойдет речь далее. Ниже пойдет речь о... и др.;*

- *стандартные заскобочные ссылки, указывающие на расположение определенного фрагмента текста: (см. ниже), (см. об этом подробнее ниже), (см. далее), (см. главу 3) и др.;*

- *слова со значением следования: последующее (изложение), следующее (утверждение), нижеследующие (разделы), нижеизложенные (выводы);*

- *конструкции типа ниже (эти свойства) будут называться, далее будут использоваться (термины), (это положение) будет ниже проиллюстрировано,*

ниже будет затронут (вопрос о), далее будет (выдвинут тезис о) и др.

Сигналы проспекции и ретроспекции показывают композиционное устройство текста и устанавливают логические связи между его частями (разделами, главами, параграфами и т. п.), способствуя целостному восприятию научной концепции.

Средства адресации, указывающие на степень важности информации, выделяют и усиливают наиболее значимые фрагменты текста и ослабляют менее значимые. В этой роли выступают языковые единицы со значениями ограничения, сужения, конкретизации или уточнения объема излагаемого знания. Среди них типичными являются следующие:

- глаголы *ограничивать(ся), исключать(ся), затрагивать, касаться* и т. д., используемые в устойчивых оборотах типа *ограничимся изложением общих параметров; бегло коснемся еще одного частного вопроса; исключим из определения нерелевантные для нашего исследования признаки* и др.;

- отрицательные и ограничительно-выделительные частицы *не, лишь, всего лишь, только*, сопровождающие глаголы речи и мысли, напр.: *в наши задачи не входит анализ; детальное изучение не предусматривалось; мы не затрагиваем здесь вопрос о; не останавливаемся на проблеме; мы сознательно не касаемся вопроса о; рассматривается всего лишь один компонент; сообщим лишь основные результаты; мы не будем касаться / обсуждать / останавливаться на / приводить / перечислять; коснемся только / лишь некоторых аспектов; имеется в виду только* и др.;

- фразеологические словосочетания: *выходит за рамки (статьи); (не будем) вдаваться в подробности; оставим в стороне; оставим вне рассмотрения; считаем излишним (доказывать); (рассмотрим) узкий круг вопросов; (погрешности) в расчет не принимаются;*

- отрицательно-противительные конструкции типа *в рамках настоящей статьи мы можем привести лишь*

выводы, но не материал; мы не будем описывать.., а ограничимся;

- *безличные конструкции нет возможности / необходимости / резона / оснований + инфинитив глагола, напр.: эта точка зрения уже опубликована, и нет необходимости повторять ее вновь; данный вопрос получил подробное освещение, поэтому нет резона вновь на нем останавливаться и др.;*

- *деепричастные обороты со значением исключения и ограничения: не вдаваясь в анализ / в детали; не имея возможности рассмотреть.., остановимся лишь на; не приводя.., запишем; не рассматривая.., отметим и др.*

Важно иметь в виду, что, ограничивая проблемную область исследования, эти средства в то же время придают высказыванию дополнительный оттенок некатегоричности. Неопытных авторов хочется предостеречь от «злоупотребления» такими конструкциями, поскольку перенасыщение ими научного текста может создать впечатление, что автор не убежден в достоверности своего исследования и поэтому прибегает к вынужденным оговоркам.

Большую роль в смысловой структуре текста играют средства, активизирующие мыслительную деятельность адресата. Фиксируя логику изложения, они управляют вниманием читателя и одновременно членят научную информацию.

Так, с помощью глаголов речи и мысли автор обращается к памяти читателя (*напомним, вспомним, вернемся к и др.*), его воображению (*допустим, представим, предположим и др.*), вниманию (*рассмотрим, проиллюстрируем, покажем, перейдем к, отметим, заметим и др.*); побуждает адресата к познавательным действиям (*сравним, сопоставим, докажем, вычислим, разделим, проинтегрируем, измерим и др.*), вовлекает в логические процедуры (*сделаем вывод, подведем итог сказанному и др.*).

Однако по существу все эти средства фиксируют и собственные познавательные действия автора.

См.: Перейдем к вопросу о... В дальнейшем мы будем придерживаться следующих терминов... Такое раз-

границение будет соблюдаться нами в настоящей работе... Именно на эти важнейшие характеристики мы будем опираться при классификации... Обратим внимание на... Поясним сказанное примером... Разберем подробнее этот пример... Далее рассмотрим... Переходя от... к..., отметим... Теперь обсудим вопрос о... Проанализируем одно из явлений... Остановимся более подробно на... Подчеркнем значимость... Обобщая вышесказанное, подведем итоги... и т. д.

В результате адресат получает возможность не только сосредоточиться на важных моментах развертывания темы, но и вместе с автором пройти весь путь от не-знания к знанию. Более того, у читателя возникает ощущение, что он не просто знакомится с результатами исследования, но как бы *получает их сам.*

Большую группу средств активизации внимания читателя составляют вводные слова и словосочетания, специально предназначенные для подчеркивания хода изложения. Одни из них, напр., *прежде всего, во-первых, во-вторых, в-третьих, наконец, с одной стороны, с другой стороны* и др., репрезентируют градационные отношения в тексте и степень значимости сообщаемого; другие — *кстати, кстати сказать, кстати говоря, заметим кстати, между прочим* и др. — квалифицируют тот или иной фрагмент текста как прямо не относящийся к основной линии рассуждения; третьи — *кроме того, к тому же, притом* и др. — используются при подключении дополнительного аргумента, подтверждающего высказанную ранее мысль; четвертые — *в частности, например, особенно, в особенности* и др. — вводят конкретизирующий или иллюстративный материал. Стереотипные обороты *обобщая вышесказанное, подводя итоги, в заключение скажем, на основании вышеизложенного, резюмируя сказанное, сформулируем вывод о* и др. сигнализируют об обобщении и выводах.

Поскольку средства активизации внимания читателя специально предназначены для акцентирования «шагов» рассуждения, их максимальная плотность наблюдается

в аргументативных фрагментах текста: при обосновании выдвинутого тезиса, доказательстве гипотезы, решении задачи или уравнения.

Как уже отмечалось, все средства адресации участвуют в оформлении научной информации в виде связного текста. Эта их функция получает выражение в приемах текстообразования.

Автор эталонного текста строит свое произведение, учитывая смысловую иерархию элементов содержания, стремясь высветить наиболее важные аспекты концепции и наиболее выгодно расположить их на текстовом пространстве (в начале, середине или в конце развития темы; в ряду однотипных фрагментов или вне такого ряда; в связях или противопоставлениях одного фрагмента другим и т. д.). В результате изложение научного материала оказывается не только последовательным во времени и пространстве, но и отражает движение мысли, моменты перехода от одного суждения или умозаключения к другому. Лишь в этом случае содержание текста может быть адекватно понято, усвоено и прочно закреплено в хранилище памяти адресата.

Так, следует отметить обычный для научного произведения зачин, в котором указывается цель сочинения, а также обосновывается проблема исследования. Нередко в начале текста автор формулирует тезис, который служит как бы отправным пунктом движения мысли. Подобное вступление способствует созданию необходимого для смысловой цельности произведения «эпистемического фона».

Далее развертывание текста осуществляется путем логического расчленения тезиса, выделения и уточнения отдельных звеньев научной мысли. По средствам связи можно понять, что последующий абзац присоединяется к предыдущему по признаку общности содержания (*так же, то же самое, такой же* и др.); уточняет (*точнее говоря, другими словами, конкретизируем сказанное, в другой терминологии* и др.); служит аргументом к тезису (*действительно, безусловно, вполне понятно, докажем, обоснованием может служить* и др.); иллюстрирует тезис (*приведем примеры, проиллюстрируем*

сказанное, например, в качестве иллюстрации используем и др.) и т. д.

Наличие такого композиционного блока произведения, как вывод (выводы), маркированного стереотипными сигналами *наконец, таким образом, в заключение, обобщая сказанное, подведем итоги, Выводы* и др., придает изложению законченность, а также фокусирует внимание читателя на важнейшем смысловом моменте текста — обобщении, так как именно в нем концентрируется основное содержание нового знания.

Абстрагированные от собственно научного содержания, средства адресации представляют собой логические цепочки различной длины, которые устанавливают отношения между смежными, близкими или дистантными фрагментами текста. Научная статья может содержать одну сквозную цепочку, указывающую на последовательность раскрытия темы (начало → продолжение → завершение), в монографии же, как правило, подобные цепочки обеспечивают связность внутри разделов, глав или параграфов.

Приведем примеры логических цепочек, использованных в «естественнонаучной» (1) и «гуманитарной» (2) монографиях.

(1) *Запишем (уравнение), выбрав (следующие единицы)...* → *Тогда получим...* → *(Для исследования) введем...* → *Как будет видно в следующем параграфе...* → *Остановимся сначала на...* → *Перейдем теперь к обсуждению...* → *Далее речь будет идти о...* → *Как видно...* → *Таким образом...* → *Отметим (некоторые особенности)* → *Заметим, что...* → *Как видно из рис...* → *В результате...* → *Обсудим теперь...* → *Приступим к обсуждению...* → *Отметим прежде всего...* → *Остановимся сначала на...* → *Перейдем теперь к рассмотрению...* → *Подчеркнем, что...* → *В результате видно, что...*

(2) *Мы говорили пока в основном лишь о... и только мимоходом отмечая...* → *Между тем...* → *Здесь нет места перечислять (все формы)...* → *Но необходимо установить (основные черты)...*, а также указать... → *Далее...* → *Наконец...* → *Среди всех... надо специально остановиться на...* → *В общем виде можно сказать,*

что... → Таким образом... → (Характеристика) здесь дана не будет... Однако здесь необходимо отметить... → Еще раз подчеркнем, что... → В свете только что сказанного излишним представляется... → Значит... → Таким образом...

Как видим, средства адресации маркируют этапы рассуждения, выделяют ключевые моменты и «повороты» мысли, сигнализируют о повторах, отмечают переходы от одной части произведения к другой — одним словом, фиксируют логико-композиционное развертывание текста, в то же время поддерживая устойчивое внимание читателя.

К особенностям языкового выражения цепочек хода мысли можно отнести явную стереотипность составляющих их единиц, выбор которых практически не зависит от содержания излагаемого знания. Сказанное еще раз подтверждает атематичность единиц адресации и их специфическую роль в текстообразовании как универсального коммуникативно-прагматического средства организации научного текста.

В заключение отметим, что использование средств адресации диктуется также «кодексом речевого поведения», следование которому является залогом успеха в любой сфере коммуникации, особенно в научной. Выступая в роли «топографических знаков» текста, эти средства обеспечивают его логичность, ясность и доступность, облегчают (или — при недостаточном владении ими — затрудняют) «вхождение» читателя в мир нового знания, помогают адресату преодолеть интеллектуальный барьер и, в конечном счете, обеспечивают эффективность научного диалога.

* * *

Представленная выше комплексная модель смысловой структуры научного текста имеет предельно обобщенный характер. Однако данная модель объясняет особенности стилистической природы и внутреннего устройства эталонного научного произведения. Знание этих особенностей и понимание закономерностей текстообразования в позна-

вательной деятельности позволит автору развить речевое мастерство, чтобы максимально адекватно воплотить свой научный замысел и создать гармоничный текст, написанный хорошим стилем и убеждающий читателя в истинности изложенной концепции.

Завершая эту главу, рекомендуем прислушаться к поучительным советам одного из опытных редакторов американских научных журналов: «Научное исследование, как бы ни были замечательны его результаты, не закончено, пока результаты не опубликованы, поэтому ученый должен уметь их хорошо излагать. Хорошая наука и хорошее изложение — почти одно и то же. Краеугольный камень научного исследования — воспроизводимость результатов. Для этого в тексте должен быть представлен способ его получения. В противном случае это не наука. Поэтому главное в научном изложении — его организация и упорядоченность: последовательный переход от целей, материала, методов к экспериментам и их результатам, переход, которому ничто не должно мешать» [Day 1979. Цит. по: Рябцева 1996: 43. Разрядка наша. — *Е. Б.*].

ГЛАВА II

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ РЕДАКТИРОВАНИЯ

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕДАКТИРОВАНИЮ НАУЧНОГО ТЕКСТА

1. Общречевые и функционально-стилевые свойства научного текста

Текст (от лат. *textus* — ткань, сплетение, соединение) — последовательность языковых единиц, представляющая собой речевое произведение, имеющее заголовок, завершенное по отношению к содержанию этого заголовка, состоящее из взаимообусловленных частей, объединенное авторским замыслом и характеризующееся целостностью содержания. Лишь тексту целого произведения присуща особая системная организация, обусловленная его экстралингвистической основой. Эта системная организация целого текста проявляется и в содержании, и в композиционной форме, тем самым пронизывая всю текстовую ткань произведения.

В отношении культуры речи при порождении текста важно иметь в виду, что общее понятие «текст» представляет собой лишь абстракцию, имеющую место в сознании людей в отвлечении от конкретных текстов, созданных в соответствии с тем или иным функциональным стилем речи — научным, официально-деловым, публицистическим, художественным и др.

Текст предполагает прежде всего наличие таких его свойств, как целостность и связность. В лингвистике целостность текста понимается как свойство структуры его смысла, соотносимое с интегрирующей, глобализирующей (объединяющей) функцией текста; связность речи (текста)

трактуются как свойство, выражаемое языковыми единицами, объединенными функцией передачи как расчленения (отграничения), так и связи текстовых единиц — самостоятельных предложений, сверхфразовых единств, абзацев и др. Вместе с тем научностилевой подход к тексту с неизбежностью привел исследователей к выводу, что эти общетекстовые свойства проявляются *в соответствии со спецификой* научного текста. Так, общеизвестно, что содержание текста, понимаемое как результат познавательной деятельности автора, соотносится с *единой концепцией* исследования, поэтому воспринимается читателем в целостности, т. е. как целостность.

Целостность текста можно рассматривать применительно к композиции содержания. При этом можно отдать предпочтение либо формальной стороне текста, либо его содержанию (смыслу). Понятно, что любой текст не монолитен ни в формальном, ни в содержательном отношении, однако, несомненно, представляет собой целостное образование. Поэтому целостность текста можно понимать как единство расчленения (или разделения) целого и связи его компонентов. В таком случае вопрос заключается в том, на каком основании (что учитывается), на какие компоненты делится содержание текста, какие отношения устанавливаются между ними и какими средствами выражаются эти отношения. Если сделать акцент на содержании текста, то придется учитывать все то, что обуславливает специфику содержания текста: прежде всего отношение к научному знанию, кроме того, эмпирический или теоретический характер содержания, методологию исследования, уровень развития данной области науки, жанр научного произведения, даже стиль мышления ученого — дискретно-логический или континуально-психологический.

Несмотря на разнообразие этих факторов, они взаимодействуют и — в лучшем случае — приводят к построению гармоничного, целостного научного текста. Естественно, что целостность текста имеет разные доминирующие основания и эксплицируется (выражается) различными средствами.

Например, в современных естественно-научных статьях описание эксперимента имеет четкую рубрикацию, нередко сопровождаемую графическими средствами, которые стандартизируют последовательность расположения компонентов (метод, материалы, ход эксперимента, его результаты), что свидетельствует об их тесной связи (целостности) в рамках смыслового компонента.

Целостность текста — понятие многомерное и разноаспектное. Целостность научного текста соотносится прежде всего с его логико-семантическим единством, которое достигается благодаря системе терминов. В тексте целого произведения терминированные понятия организованы в систему: *исходные* понятия, т. е. не определяемые в тексте; *основные*, т. е. связанные с исходными и развиваемые в данном тексте; *уточняющие* понятия, непосредственно относящиеся к развиваемым. Системный характер терминированных понятий, т.е. терминосистема текста, предопределяет отбор используемых терминов. Именно отбор обеспечивает целесообразное соотношение исходных (базовых) понятий, формирующих основу, фундамент излагаемого знания, а также — что особенно важно — основных понятий (их минимум) в развиваемом фрагменте знания и понятий уточняющих, которые являются необходимыми и достаточными для получения нового знания.

Терминированные понятия связаны в тексте логико-семантическими отношениями пространства, времени, причинно-следственными, целевыми; тождества, сходства, аналогии, противоположности и др., а также ассоциативными отношениями типа «часть-целое», «род-вид» и др. Сеть логико-семантических отношений реализуется не только в предложениях, но и в абзацах, более сложных фрагментах и целом тексте.

Целостность текста — это «стратегическое» свойство текста, ориентированное на отдельное произведение во всей его полноте. При таком взгляде на целостность легко оценить значимость периферийных, сопутствующих текстов: заглавия, оглавления, аннотации, введения, выводов и т. п., —

поскольку в свернутом виде в них представлено то же содержание, что и в основном, хотя по форме оно и вариативно. Дело в том, что периферийные тексты *специально* ориентированы на адресата, коммуникативно заострены. Они эксплицируют авторский замысел и результат реализации этого замысла в свернутой форме. Объединяющая функция периферийных текстов является одной из основных в создании целого научного произведения. Благодаря этой функции формальная, внешняя, членимость научного произведения даже такого сложного жанра, как монография, по существу, не мешает восприятию текста, что, несомненно, обусловлено прежде всего внутренней, смысловой целостностью текста.

Целостность текста присуща разным произведениям в неодинаковой степени. В частности, в объемных исследованиях по существу недостижима смысловая гармония (исключения подтверждают общее правило), поэтому текст не может соответствовать идеальному, эталонному представлению о разворачивании замысла в целостную форму текста, например, текста теоретического характера. Отклонения от «эталонного представления» имеют лингвистические причины. Такой причиной могут явиться неразработанность проблемы или даже недостаточно строгое отношение к специфике именно научного знания.

Итак, целостность имеет наиболее общий характер, а все другие из названных свойств — частный. Членимость, логичность и связность пронизывают содержание текста, а значит, способствуют смысловой целостности в разных направлениях, «встречаясь» при этом на текстовой «пересеченной местности». Целостность текста обусловлена его содержанием, представляющим собой именно научное знание; логичность — понятийной природой научного мышления; связность — многомерностью, гетерогенностью содержания, отражающего полифонию коммуникативно-познавательного процесса.

Перейдем к другому свойству текста — его логичности. В соответствии с моделью эталонного текста под логичностью мы понимаем и его соответствующее качество —

структурно-логическую схему — и соответствующее свойство развертывания этой схемы, обусловленное тем, что языковые средства, «максимально отвечая требованиям логического мышления, выражают чисто понятийное мышление» [Сенкевич 1976: 35].

Как было сказано выше, одним из важнейших свойств любого текста, особенно научного, является связность. Средствами выражения связности речи выступают такие специализированные языковые единицы, как союзы *и, а, но, да, однако, так как, потому что* и т. п., а также единицы, получающие добавочную функциональную нагрузку в речевом контексте: имена существительные в роли повторов, личные и указательные местоимения, некоторые наречия, конструкции связи.

Общий лингвистический (общетекстовый) подход к связности речи охватывает одну сторону проблемы — средства выражения связи самостоятельных предложений на лексическом и синтаксическом уровнях. Здесь учитываются только отношения между элементами текста, в то время как функционально-стилистический подход предполагает учет экстралингвистических факторов, которые обуславливают эти отношения и употребление языковых единиц, выражающих связность речи. Связность речи проявляется вариативно в текстах той или иной функционально-стилевой направленности.

Надо сказать, что качественный состав языковых единиц, осуществляющих межфразовую связь, и количественное их употребление различаются по стилям. В частности, в научном стиле речи используются обстоятельственные наречия местоименного происхождения *сюда, отсюда, тогда, тут, там, так, туда, оттуда, здесь, откуда; отчего, оттого, из-за того, почему, потому, зачем, затем* и др., а также некоторые наречия неместоименного происхождения с пространственным и временным значениями типа *теперь, сейчас, сначала, дальше* и др., однако с ослабленным лексическим значением. Кроме того, в научных текстах широко употребляются специфические словосочетания и конструкции связи типа *необходимо*

заметить, что; следует подчеркнуть, что; надо сказать, что; как мы отмечали; как известно и многие другие (в других стилях речи они тоже используются, но реже и при этом в иной функции).

В контексте научной речи актуализируются те значения и оттенки значений языковых единиц, которые могут выражать связность речи, подчеркивать логические отношения между элементами информационно-познавательной стороны научной речи, а также логику мысли автора, ход его рассуждений, т.е. особую логико-эпистемическую сторону научной речи. Разноплановость научного знания может быть преодолена и автором, и читателем только благодаря установлению и адекватному выражению логико-семантических отношений между высказываниями в форме предложений и абзацев. Сложное содержание предопределяет необходимость специального «стягивания» и «связывания» его компонентов.

Связность речи (текста) проявляется в виде связи самостоятельных предложений и абзацев; по меткому выражению Н. И. Жинкина, «именно на стыке двух предложений лежит то зерно, из которого развивается текст». Связность речи обусловлена такими факторами, как, с одной стороны, сложная, можно сказать, «громоздкая» реальность научного знания, с другой — неизбежная так называемая «скачкообразность» научного мышления. Отсюда сформировалась антитеза «скачкообразность мышления — связность речи», причем связность речи в соответствии с культурой письменной научной речи, т. е. нормативно-стилистически, должна быть подчеркнута, акцентированно, логически точно выражена в тексте. Логически точно — значит посредством языковых единиц, соответствующих логическим отношениям между высказываниями.

Например: *Существует ряд характеристик, которые присущи определенным типам вопросов, независимо от ситуации, в которой они употребляются. С учетом этих характеристик вопросы делятся на два основных типа: открытые (1) и закрытые (2). В первом случае адресату предлагается предоставить*

сведения или указать на спрашиваемый предмет. **Во втором** – согласен он или не согласен с предложенным содержанием вопроса. В русском языке **эти два типа вопросов** выражаются грамматически различным образом.

Как видим, каждое предложение присоединяется к предыдущему посредством языковых единиц, выполняющих связующую функцию, поскольку эти единицы прикрепляются к определенным «точкам» предшествующих предложений. В этом и подобных случаях наблюдается тесная, непосредственная связь утверждений. В других случаях, когда имеет место «скачок» в рассуждении, необходимо установить логические отношения между суждениями и эксплицировать, выразить их языковыми единицами с соответствующим значением. При этом перед автором иногда возникают затруднения, связанные с отбором и употреблением единиц, наиболее точно передающих логические отношения.

Приведем примеры. Вводные словосочетания *с одной стороны* – *с другой стороны* являются парными, значит, предполагают употребление (особенно в письменной речи) как одного, так и другого компонента. Поэтому требуется «шлифовка» начала статьи (приводим полностью первый абзац):

• *Растущее число судебных исков о покушении на честь и достоинство граждан вызвало к жизни определенную реакцию со стороны журналистов, против которых эти иски нередко обращены: журналисты становятся заметно осторожнее и нередко избегают прямых оскорблений, за которые их можно привлечь к суду. **С другой стороны**, приходится встречаться со случаями, когда журналист упорно ищет обходные пути, стремясь выдвинуть против своей «жертвы» как можно более резкие обвинения и в то же время самому избежать судебного преследования.*

С какой целью употреблено вводное словосочетание *с другой стороны*? Чтобы выразить противопоставление.

Противопоставление каких утверждений? Поскольку в первом предложении противопоставляемый компонент не акцентирован (вот тут-то и нужно первое из парных вводных словосочетаний *с одной стороны*), определить его можно, опираясь на контекст, к которому относится вводное словосочетание: *с другой стороны, приходится встречаться со случаями...* Значит, предшествующий контекст должен включать утверждение о том, что, *с одной стороны*, значительно уменьшилось/сократилось число случаев... Пропуск этого уточнения делает **избыточным** приведенное начало второго предложения, поскольку элиминирован один из парных компонентов, противопоставляемых по смыслу.

Приведем примеры точного (1) и неточного (2) использования другого союзного словосочетания – *вместе с тем*.

(1) *На процесс формирования правовых качеств личности существенное влияние оказывает правовая деятельность. **Вместе с тем** необходима целенаправленная работа по организации юридического всеобщего образования населения, оказанию ему юридической помощи...*

Союзное речение *вместе с тем* ясно выражает присоединительные отношения между высказываниями, значит, оно использовано вполне целесообразно. А в примере, приведенном ниже, то же самое союзное речение можно квалифицировать как неуместное, поскольку оно призвано передать ассоциативные отношения общего и частного (а не присоединительные):

(2) *Комплексное использование накопленного в теории правовой культуры необходимо прежде всего для того, чтобы обеспечить всестороннее изучение проблемы. **Вместе с тем** в каждом конкретном случае на первый план выдвигается строго определенный критерий в понимании данной разновидности культуры.*

Не совсем удачным представляется следующий контекст, в котором употреблено словосочетание *в этой плоскости*, функционирующее здесь как союзное речение, хотя и сохраняющее основной первоначальный смысл:

Представить в полной мере сущность правовой культуры нельзя, не выделяя ее логическую структуру. В этой плоскости [лучше: в этом отношении. — М. К.] правовая культура представляет собой юридические понятия и категории, оценки (оценочные суждения) и деонтические модальности.

Подчеркнем, что для создания действительно *связного* текста (текста, обладающего связностью) необходимо выбрать из синонимического ряда и использовать языковые единицы, специально ориентированные в контексте на выражение связи самостоятельных предложений и абзацев, причем связи с точно установленными логико-семантическими отношениями.

Наряду с такими свойствами текста, как целостность и связность, научному тексту присуще еще одно специфическое свойство — отвлеченно-обобщенность, или абстрактность. В науке для выражения понятийно-логического мышления отбираются из языковой системы и создаются в процессе речевой деятельности наиболее отвлеченно-обобщенные единицы, и прежде всего абстрактная лексика.

Тенденция научной речи к абстрактности проявляется столь сильно, что оказывает своеобразное давление на автора, который может потерять чувство меры в употреблении абстрактной лексики, а также в раскрытии ее содержания. Абстрактность как специфическое свойство (терминологически — стилевая черта) научного текста носит системный характер, что обязывает автора (как, впрочем, и читателя) развивать в этом отношении «стилевое чутье». Последнее совершенно необходимо для овладения культурой письменной научной речи.

Именно абстрактность содержания научного текста с неизбежностью требует от автора необходимой и достаточной полноты изложения. Можно считать ошибочным мнение автора о том, что созданный им текст соответствует параметру «предельная полнота — гармоничная полнота — смысловая “стянутость”» изложения мысли именно в той мере, в какой она соотносится с гармоничной полнотой.

В противном случае автор внес бы соответствующие коррективы.

Абстрактное содержание научного текста требует при восприятии так много внимания, что порождает заблуждение читателя, доверчиво воспринимающего любой научный текст (не всегда высоконаучный) вполне соответствующим нормам письменной речи. Конечно, если иметь в виду формально-грамматический аспект текста, то нормы литературного языка обычно соблюдаются, можно сказать, неукоснительно. Хотя и они не всегда учитываются; см. например:

- *В России защищены три докторских диссертации по юрислингвистической проблематике (вместо: три докторские диссертации);*

- *Возможны превращения, приводящие к изменению типа структуры, но оставляющие без изменения КЧ в обоих модификациях (вместо: в обеих модификациях) — неверное согласование числительного с существительным женского рода;*

- *Материалом для исследования явилась 1000 современных русских коммерческих наименований разных типов — материалом для исследования явились коммерческие наименования, поэтому глагол согласуется не со словом тысяча, а со словосочетанием 1000 современных русских коммерческих наименований;*

- *Распространение скрытой рекламы и «черных» паблик рилейнз через СМИ возможно из-за неразработанности нормативной базы, а также [логический скачок. — М.К.] отсутствие четкого подхода к выделению PR-текстов — нужна форма Р. п. существительного — **отсутствия**;*

- *Нужно к тому же иметь в виду, что само понятие вида духовной социокультурной деятельности в неявном виде содержит представление... — тавтология;*

- *В современном речеведении это учитывается, например, в типологии языковых личностей особо выделяется инвективный (он же агрессивный) тип*

личности — пунктуационная ошибка: в бессоюзном предложении с отношениями пояснения необходимо двоеточие, без которого происходит смысловой сдвиг. Предложение должно иметь вид: *В современном речеведении это учитывается: например, в типологии языковых личностей особо выделяется инвективный (он же агрессивный) тип личности.* Без двоеточия при чтении происходит «наложение» смыслов: а) *В современном речеведении это учитывается, например, в типологии языковых личностей;* б) *например, в типологии языковых личностей особо выделяется инвективный... тип личности.*

Обратимся к содержанию текста, обусловленному научным знанием. В этом случае выявим совсем другие отклонения от нормативно-стилевой культуры письменной речи в плане необходимой полноты изложения научного содержания. Необходимая и достаточная полнота изложения призвана обеспечивать легкое и плавное восприятие целостного содержания текста читателем.

При этом зафиксированы отклонения двух типов: 1) в сторону предельной полноты, насыщения абстрактной лексикой, приводящих к избыточности выражения мысли, что способствует созданию «вязкости» текста:

- *Интерпретация текстов такой сложности, как литературно-критическое эссе, прежде всего требует актуализации текстовых смыслов* — смысл может быть передан проще: *Интерпретация таких сложных текстов, как литературно-критическое эссе, требует прежде всего актуализации текстовых смыслов* — исправлен подчеркнутый оборот *такой* (какой? — М. К.) *сложности, как литературно-критическое эссе*, а также неоправданная инверсия: *не прежде всего требует, а требует прежде всего актуализации;* 2) в сторону неоправданной сжатости, точнее, «стянутости» компонентов мысли, что приводит к неясности речи:

- *Первый параметр можно назвать антропологическим, это — ...Второй параметр — лингвистический, т.е. [скачок. — М. К.] язык и речь [скачок. — М. К.]*

Данный автор основное внимание уделяет первому параметру.

Отклонения от нормы изложения на первой стадии порождения текста нередко остаются незамеченными автором, поскольку его цель — поскорее достичь результата, т. е. на фундаменте «старого» развернуть «новое» знание, полученное самим автором. На этой стадии создания текста автор еще не вступил в коммуникацию с читателем, попросту не думает о нем и *не стремится быть понятым*. Можно сказать, что автор, уйдя «от себя», до адресата пока не дошел. В отличие от позиции автора, обусловленной именно стадией создания текста, позиция читателя неизменна: он стремится *понять* текст.

Культура письменной речи автора научного произведения обусловлена многими факторами. Основными из них являются: 1) владение нормой литературного языка, т. е. умение выбрать нужное слово, сочетаемое с другими по смыслу, правильно построить словосочетания, из них — предложения, в итоге — композиционно правильно и целесообразно оформить целый текст; 2) владение нормой функционального стиля — научного; иначе говоря, текст научного произведения должен быть подвергнут автором функционально-стилевому редактированию.

За пределами специального рассмотрения оставляем вопрос о соблюдении норм литературного языка, лежащих в основе владения письменной речью и чрезвычайно важных в плане общей речевой культуры каждого человека. В пособии сосредоточим внимание на одном аспекте текста, а именно реализуем объяснительный подход к его редактированию.

2. Объяснительный подход к редактированию

2.1. Трансдисциплинарный подход

В функциональном аспекте редактирование рассматривается не как итог законченного, закрытого процесса, а как продолжающийся, открытый процесс, вовлеченный в творческую, а значит, осмысленную, текстопорождающую

деятельность. Такое понимание редактирования представляется плодотворным потому, что предоставляет возможность найти объяснение погрешностей, допущенных в опубликованном тексте.

Именно в связи с этим понимание редактирования как открытой системы предполагает толерантность к авторскому использованию языка для выражения нового, неизвестного ранее (до этого, сиюминутного речения) знания. При этом бесспорно, что новое знание всегда включает в качестве необходимого компонента «старое», известное. Наиболее аргументированно об этом сказано Н.В. Данилевской [1992, 2005].

Разумеется, что только благодаря крупницам того, чего не было ранее, как еще не было сказано, и происходит развитие языка, соответствующее потребностям углубления и расширения знания. В то же время толерантность не тождественна вседозволенности употребления языка, поскольку не уполномочена противоречить глобальным эволюционным законам формирования языковой картины мира. В связи с этим уместно привести выразительное суждение Анри Фрея, высказанное им в 1929 г.: «...силы, которые руководят рождением языка, проявляются в рамках “продолжительного творения” и, конечно же *в разной дозировке*, в современном лингвистическом функционировании (курсив наш. — М.К.)» [Фрей 2006: 18]. Только языковое чутье редактора и может уловить «разную дозировку» изменений в функционировании языковых единиц.

Объяснительный подход к речевым погрешностям по существу является трансдисциплинарным, так как объединяет анализ текстовых ситуаций с разных позиций — лингвистических, эпистемических, формально-логических, психологических. В рассматриваемом отношении важно, что многоплановое междисциплинарное обращение к тексту позволяет не только установить речевые погрешности, но и объяснить причину их «оседания» незамеченными в тексте.

Лингвистический взгляд на текст фиксирует такие отклонения от речевой нормы, которые можно считать

традиционными «школьными» ошибками [мы здесь не рассматриваем традиционные орфографические, грамматические (типа нарушений управления: *объектом для наблюдений* — надо *объектом наблюдений*; *метод поисков и подготовки* — надо *метод поиска и подготовки*; *оригинальный подход рассмотрения* — надо *оригинальный подход к рассмотрению* и др.), а также пунктуационные (типа отсутствия запятой после вводного слова *так, например* или неверной постановки знаков тире и двоеточия в бессоюзных предложениях и др.)].

С эпистемических позиций нетрудно выявить погрешности в употреблении слов широкой семантики типа *факт, явление, феномен, проблема, процесс, фактор* и др. (они являются избыточными) без учета специфического содержания научного текста.

- Далее производился **процесс сушки** плодов; Рассмотрение производного слова позволило обосновать понимание **феномена иконичности** как важнейшего направления **процесса семиозиса**;

- На завершающем этапе обработки данных констатировался уже не только **факт** общего **восприятия** текстов, а **факт** различного **восприятия подтекста** — лексемы *процесс, феномен, факт* являются лишними.

Нечеткая формально-логическая развертка содержания при порождении текста приводит к погрешностям, связанным с неточным выражением отношений как между членами предложения, так и между самостоятельными предложениями.

- При этом **понятие** речевого произведения **отграничивается от узкой трактовки** понятия текста — надо: При этом понятие речевого произведения отграничивается от понятия текста в узкой трактовке;

- В работе акцент делается **именно на процессе** восприятия подтекста, а **не процессе его понимания** — надо: В работе акцент делается именно на восприятии подтекста, а не его понимании;

• **Неполнота** исходных данных является в целом прагматической предпосылкой употребления данных глаголов. **Различие же** между ними проходит по другим семантическим признакам — несопоставимые признаки **неполнота** и **различие** не могут входить в отношения противопоставления, выраженные союзом **же**.

Психологический компонент объяснения погрешностей связан с тем, что личность ученого (несмотря на массовый характер современной науки) по-прежнему является уникальным генератором творческой идеи, научное познание в немалой степени обусловлено личностно-интеллектуальными особенностями исследователя. Как писал Ф. Энгельс, «для опыта имеет существенное значение, *какой ум приступает к изучению действительности. Великий ум делает великие наблюдения и усматривает в пестрой игре явлений то, что имеет значение*» [Маркс и Энгельс, т. 20: 520]. Не случайно психолог А. М. Улановский считает, что «сам подход, при котором в фокусе оказывается не только текст, но и личность, породившая его, по своей сути является прежде всего психологическим, что предполагает анализ не только текстовых структур (предложений, внутри-текстовых связей и т. д.), но неких внетекстовых, собственно психологических структур (целей, мотивов, установок и т. д.)» (Улановский 2006: 53 — 54). Продолжая эту мысль, можно включить в психологические структуры типы личности ученых, установленные с учетом мировоззрения (реалист, романтик) и когнитивного стиля (аналитик, классификатор и др.), а также виды внимания, сопутствующие специфическому редактирующему чтению (нами установлено волнообразное, челночное, скачкообразное, спиралевидное — см. с. 36—45).

Именно психологический компонент объяснения позволяет объединить такие разные явления, как, с одной стороны, контаминация, с другой — тавтология, плеоназмы, случайные каламбуры, поскольку причиной их «допуска» в научный текст является внимание автора, недостаточно концентрированное на текстовой форме. Эта же причина лежит в основе несогласования подлежащего и сказуемого

в числе, однородных определений и определяемого слова и др. — *очевидных* отклонений от нормы.

Трансдисциплинарный объяснительный подход к речевой деятельности ученого и ее продукту — научному тексту мы видим, по меткому выражению Е. Вучевой, не как соперничество между отдельными дисциплинами, которые взаимно оспаривают эпистемологический статус, а как возможность дополнения и взаимодействия в рамках единого антропологического подхода к речевой деятельности (и тексту) [Вучева 2005: 84—85].

2.2. Системный подход

Функционально-стилистические исследования, одним из основных принципов которых признается единство собственно лингвистической и экстралингвистической сторон, неизбежно учитывают такие когнитивные феномены, как структуры знания, память, внимание и др. Тем самым возникает необходимость обратиться к научному психологическому знанию. В результате может быть создана теоретическая основа для изучения редактирования научного текста, в частности проблем, порождаемых когнитивной системой человека в его коммуникативно-познавательной деятельности.

Научный текст как готовый продукт речевой деятельности не может быть отчужден от коммуникативно-познавательной ситуации, ее закономерностей, а структура содержания в определенной мере обусловлена структурой получения нового знания. В процессе редактирования своего текста автор может реконструировать мыслительные процессы, соотнести их с коммуникативно-познавательной стратегией, а затем и улучшить, усовершенствовать текст. При этом ясно, что для улучшения текста научного произведения необходима концентрация *целостно-композиционного мышления*.

Целостно-композиционное мышление при редактировании научного текста, оперирующее потоком информации, нельзя вместить в сознание, не упрощая этого сложного феномена. Упрощение же достигается двумя всем извест-

ными путями — фрагментарным, связанным с делением объекта на части, и системным. Мы избираем второй путь, считая целесообразным использовать методы системного моделирования, так как осознаем необходимость «панорамного» взгляда на предмет рассмотрения.

Нельзя не согласиться с обобщением Ю. Т. Рубаника: «Люди никогда не видят “чистой”, “истинной” реальности. Видение и понимание окружающего нас мира определяется понятийными фильтрами (ментальными моделями), т. е. концепциями, представлениями... Их можно уподобить линзам, призмам в перископах, через которые мы рассматриваем окружающий нас мир... Искусство системного мышления дает возможность увидеть и понять мир (в частности, мир текста. — М. К.) в единстве, в широкой, глубокой и образной перспективе» (Предисловие к русскому изданию книги: О’Коннор 2006: 15 — 16).

Мы принимаем системный подход к объекту как инструмент изучения текста и применяем концепцию системного мышления к редактированию текста, так как именно системное мышление дает возможность перейти от простой фиксации речевых событий (отклонений от нормы) к пониманию структурных взаимосвязей, порождающих последовательности (паттерны) таких событий. Кстати, позитивно оценивая системное мышление, Дж.Е. Беллингер пишет, что «на системное мышление можно положиться» [там же: 18].

Почему мы считаем целесообразным применить системный подход к описанию редактирующего мышления автора научного текста? Во-первых, системный подход к объекту — тексту — представляет собой единую методологическую основу для понимания специфического предмета — редактирования текста. Во-вторых, системный подход предоставляет перспективу совершенствования научного текста в процессе углубления в его смысловую структуру и концентрации внимания на соотношении мысли и речи (содержания и формы). В-третьих, обращение к пониманию редактирования научного текста в аспекте общей теории систем полезно в плане развития технологии редактирования.

Принципы системного подхода позволяют обосновать трансдисциплинарное понимание редактирования. Для развития такой трактовки необходимо, чтобы в ней «взаимосвязанно сосуществовала пара языков» [Митина 2006: 42]. В данном случае такую пару языку лингвистики составляет язык кибернетики. В результате сосуществования этой пары языков возникает новая информация о редактирующем мышлении с присущей этой информации условной эквивалентностью вместо тождества соотносимых понятий. Интересно, что неточное соотношение смыслов текста в сознании автора и читателя, т. е. непонимание, составляет один из существенных элементов всякого творческого мышления. В связи с этим считаем совершенно справедливым афористичное суждение О. В. Митиной: «Абсолютно понятный текст в то же время и абсолютно бесполезен» [Митина 2006: 45]. Психолог Д. А. Леонтьев также отмечает, что «понимание не гарантировано, оно ограничено; всегда существует определенная граница понимания», и ориентирует на «толерантность к собственному непониманию» [Понимание 2006: 24]. *Хороший* научный текст — это функциональная гетерогенная система открытого характера, имеющая внешний источник энергии в окружающей как лингвистической, так и экстралингвистической среде.

Открытый характер научного текста как функциональной системы более 30 лет назад проанализирован на материале статьи Д. Дж. Прайса, работу которого «Тенденции в развитии научной коммуникации — прошлое, настоящее, будущее» Э. М. Мирский и В. Н. Садовский обобщают следующим образом: «Статья в научном журнале, которая с конца XVIII века и в течение долгого времени являлась основным средством коммуникации на переднем крае науки, ни исторически, ни логически не может быть жестко связана с выполнением этой функции. С одной стороны, исторически более ранними средствами оперативной коммуникации на переднем крае науки были письма, а затем — монографии (сама статья первоначально представляла собой письмо в редакцию журнала), а с другой стороны, сегодняшние

исследователи все чаще обращаются за оперативной информацией к рефератам, а не к самим статьям. Таким образом, коммуникационная система науки (тексты. — М. К.) каждый раз пополняется новыми средствами, однако старые при этом не исчезают — изменяются их функции, но они сохраняются в рамках целостной системы» [Коммуникация 1976: 7].

Системный подход к пониманию процесса редактирования текста акцентирует внимание на тех взаимодействиях, которые становятся причиной возникновения новых свойств, присущих системе в целом, а не ее элементам. Такими эмерджентными свойствами текста являются смысловая целостность и связность выражения содержания. Целостный «узор ковра» создан автором благодаря отбору и сочетанию всех его элементов.

Применим системное мышление к пониманию текста. В таком случае важно прежде всего подчеркнуть, что научный текст представляет собой сложно организованную систему, которая состоит из множества элементов, или подсистем, и все они способны пребывать в разных состояниях, изменяющихся в ответ на то, что происходит с другими частями. Стремясь конкретизировать это общеизвестное утверждение, представим употребление модальных слов:

Здесь необходимо построить новый дом [*Заменить* старый]

Здесь можно построить новый дом [*Построить* новый или *оставить* старый]

Здесь невозможно построить новый дом [*Оставить* старый]

Как видим, смысл высказывания имеет принципиально различные варианты. Сложная система пронизана множеством связей, поэтому можно представить ее «в виде особого рода *паутины*, каждый элемент которой связан со многими другими и влияет на них. Чем больше в ней элементов, тем выше сложность детализации. Чем шире круг их возможных состояний, вариантов формирования

временных альянсов [читатель может и не замечать или игнорировать их. — М. К.], тем больше число возможных связей между ними и тем выше динамическая сложность данной системы» [там же: 39].

Интересно, что «система действует как мощная эластичная сеть: когда перетягивают какой-нибудь узел на новое место [или останавливают на нем внимание. — М. К.], он остается там лишь до тех пор, пока его удерживают. Стоит его отпустить, и он немедленно займет прежнее положение» [О’Коннор 2006: 40]. *Эластичность* — не только объяснимое, но и неизбежное свойство системы.

«Хороший пример — решения, принимаемые в Новый год. Представьте, что есть привычка, от которой вы хотели бы избавиться. Она вам не нравится и кажется чем-то “посторонним”, что можно просто отбросить, и сразу станет лучше. Но она элемент системы поведения и связана с множеством других элементов вашей жизни. В Новый год вы принимаете решение измениться, но привычка каким-то образом сохраняется, если не проявлять постоянной бдительности. Вы будете в напряжении — в буквальном смысле слова. Как ни старайтесь, толку не будет. Дело не в том, что привычка или стиль поведения так уж сильны сами по себе. Сила сопротивления изменениям обусловлена проявлением других связанных с этой привычкой элементов вашего поведения. Попытка удалить ее тянет за собой изменение остальных привычек и особенностей образа жизни, которые с ней связаны. С позиций системного мышления следует признать, что решения, принимаемые в Новый год, трудно выполнить» [там же: 41].

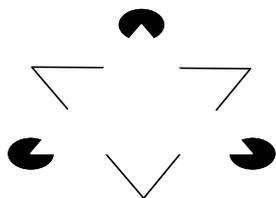
Внимание к одному элементу текста как системы связано с испытанием «запаса эластичности» системы. Примером может служить более широкая, чем в наличном тексте, разработка того или иного понятия в процессе саморедактирования текста. Такое расширение (уход в сторону) может привести к изменению не только фрагмента, но и всей концепции, а значит, всей системы текста. Запас эластичности

системы оказался исчерпанным, система распалась, что потребовало не доработки, а *переработки* системы. Без переработки, т. е. формирования по существу новой системы, текст потеряет одно из основных свойств — логичность речи.

Важно определить ключевые связи элемента (например, понятия) системы с другими элементами этой системы и либо «обрубить» их, либо «ослабить». О’Коннор считает такое отношение к связям внутри системы «главным принципом системного мышления», поскольку «имея дело с системой, невозможно осуществлять точечные изменения». Связанность элементов системы порождает возникновение закономерных побочных эффектов, причем чем сильнее «лекарство», тем вероятнее проявление побочных эффектов.

Понимание текста в качестве системы-паутины с неизбежностью вынуждает поставить вопрос о том, как изучать такую паутину. Здесь-то и может прийти на помощь понятие *контурное мышление*. Контурное мышление предполагает обратную связь. «Словосочетание “обратная связь” часто используется для обозначения любой реакции, но на самом деле оно означает восприятие результата наших действий, влияющее на последующие действия, т.е. двустороннюю связь. Обратная связь реализуется в контуре, который можно представить в виде петли, поэтому мышление в категориях обратной связи — это *контурное мышление*» [там же: 49]. Понятие контурного мышления вполне применимо к анализу текста, так как даже не получая сигнала об обратной связи непосредственно, мы его домысливаем, т. е. в восприятии читателя непременно образуется контур петли обратной связи. Несомненно, что «наличие обратных связей — неотъемлемая характеристика систем: нет обратных связей, нет и систем» [там же: 53].

Вместе с тем существенно подчеркнуть, что при формировании петли обратной связи могут возникнуть заблуждения, основанные на иллюзиях восприятия мира (в нашем случае — текста). Сначала приведем очень яркий графический пример из книги О’Коннора — пример убедительной иллюзии наличия белого треугольника, которого нет на рисунке [там же: 82].

Треугольник Канижа

Основной иллюзией автора является представление об адекватном прочтении текста читателем. Это заблуждение автора проиллюстрируем предложением, в котором заложена вариативность смысла. Ясность в интригу вносит глагол, который вместе с тем требует синтагматической и интона-

ционной перестройки высказывания.

• **В связи с этим важным постулатом / настоящей работы / является тезис о том, что...** — что неверно; надо: **В связи с этим / важным постулатом настоящей работы является тезис о том, что...**

Интересно, что в английском тексте в аналогичной ситуации была бы поставлена запятая. Как пишет Н. К. Рябцева, «английская пунктуационная система, в отличие от русской, двигалась в направлении *делimitации тех зон*, в которых отсутствие знаков приводит к затруднениям понимания или двусмысленности» [Рябцева 2005: 195].

Как видим, стечение форм твор. п. указательного местоимения в предложном сочетании *в связи с этим* и субстантив-атрибутивного сочетания *важным постулатом* требует вмешательства либо самого автора (при саморедактировании), либо редактора. В данном случае достаточно опустить связочное сочетание или заменить его другим — *исходя из этого*. Иллюзия адекватного восприятия текста читателем может привести к небрежности при выражении мысли; см., например, в отношении связи между предложениями:

• *В центре современных лингвистических исследований — концепт языковой личности. Это связующее звено* [или: это / связующее звено..? — М. К.] *между человеком и языковой системой. Он* [концепт или человек? — М. К.] *включает данные исследований о зарождении, развитии, восприятии речи.*

Таким образом, редактирование научного текста представляет собой, безусловно, системный процесс реконструкции коммуникативно-познавательной деятельности.

Этот процесс включает такие эксплицитные (представленные в наличии) элементы, как субъект познавательно-коммуникативной деятельности (S_1 — он же автор), и реальный текст. Кроме того, в процессе редактирования незримо присутствуют имплицитные (не выраженные специальными языковыми средствами, но подразумеваемые) элементы: смысл текста, выражаемый автором; субъект познавательно-коммуникативной деятельности (S_2 — он же читатель); смысл текста, формируемый читателем; другие тексты, с которыми в разных отношениях связан данный текст; экстралингвистическая среда, прежде всего эпистемическая, связанная с научной познавательной деятельностью, как источник смыслового богатства текста. Важно подчеркнуть, что даже частичное (временное) «выпадение» какого-либо элемента из рассматриваемой системы редактирования научного текста приводит к сбоям, отклонениям от нормы хорошего текста.

В норме, в практической деятельности, редактирование протекает преимущественно неосознаваемо. В значительной степени неосознаваемость предопределяется тем, что механизм идентификации данного, конкретного текста с нормами литературного языка и его использования в речи (тексте) действует прежде всего в автоматическом режиме. Автоматизация этой деятельности обеспечивается овладением нормами (знанием норм) литературного языка, а также функционально-стилевыми нормами порождения научного текста. Автоматизированное редактирование осуществляется до тех пор, пока интерпретация текста на соответствие (или несоответствие) нормам — орфографическим, пунктуационным, стилистическим — не вызывает затруднений, пока для субъекта редактирования текстовые единицы являются стереотипными, не требующими реакции «стоп!» Кстати, стереотипными можно считать не только конвенциональные правила, но и случаи их нарушения из-за незнания этих правил. Такие нарушения легко исправляются опытным редактором, так как обработка соответствующей информации и ее преобразование соотносятся с четким, компрессированным алгоритмом его мысли.

Напротив, автор научного текста, имея коммуникативное намерение выразить научное знание, использует язык прежде всего осознанно. Хотя не только. Именно в тех случаях, где, кажется, нет необходимости с напряжением удерживать внимание, чтобы не допустить погрешностей в речи, оно ослабевает и пропускает отклонения от норм смыслового и грамматического согласования, управления и т. д. Многие ситуации, связанные с порождением текста, требуют не столько научной (содержательной) компетенции, сколько психологической настроенности на создание хорошего текста, коммуникативного намерения достичь необходимого качества текста. Мысль ускользает — и это приводит к неполноте выражения; «топчется на месте» — к избыточности; притягивает какой-либо компонент из другого «слоя абстракции» — к смысловому несогласованию; какой-либо компонент высказывания дистанцируется — разрыву связи и т. д. Подчеркнем, что объяснительный аспект концепции редактирования опирается на *психологические* основания самого материала исследования. Важно и то, что погрешности в опубликованных научных текстах имеют не индивидуальный, а стереотипный характер, что позволяет типологизировать эти погрешности и описать их с целью предупреждения.

3. Эпистемические причины погрешностей

Перейдем к рассмотрению отступлений от нормы с эпистемических позиций — в отношении коммуникативно-познавательной деятельности, связанной с речетворчеством, т.е. в динамическом аспекте культуры научной речи. Кстати, тенденция к творчеству, характерная для русской языковой культуры, как отмечает Е. Н. Ремчукова, обычно исследуется или по отношению к художественному, прежде всего поэтическому тексту, или по отношению к определенному идиостиллю. В то время как «речетворчество может быть соотнесено с любым “творческим” высказыванием» [Ремчукова 2002: 98–99].

Изучая проблемы лингвокреативного мышления, отнесенные в область грамматических значений и категорий,

Е. Н. Ремчукова справедливо подчеркивает, что «русская грамматика, обладая, несомненно, богатейшей палитрой создания эффектов разного рода, как бы “подталкивает” говорящего к необходимости использовать ее возможности» [там же: 109].

Легко предположить, что в таком достаточно «жестком» стиле речи, как научный, речетворчество может активно проявиться в синтагматике, а именно в отношении лексико-синтаксической сочетаемости. Лексико-синтаксическая сочетаемость осуществляется говорящим (пишущим) под «напором» необходимости «соответствовать» таким важнейшим стилевым чертам (характеристикам), как отвлеченно-обобщенность, подчеркнутая логичность, преемственность и другие.

1. Отвлеченно-обобщенность содержания обусловлена формированием терминосистемы текста, представленной терминами-словами и терминами-словосочетаниями — простыми и композитивными. При этом естественно, что терминосистема взаимодействует с речевой средой, в которой в разной степени, но неумолимо — под действием закона притяжения однородного — также проявляется отвлеченно-обобщенность. Вместе с тем закономерно, что творческий поток сознания автора вовлекает в этот процесс как необходимые, так и избыточные для выражения актуального смысла языковые единицы.

Хотя мы исходим из того, что порождение научного текста — всегда творческий процесс, тем не менее важно подчеркнуть, что творческое мышление автора не всегда гармонично и может захватывать отнюдь не весь процесс текстопорождения, т. е. и содержание, и форму. Отсюда в текстах можно видеть либо лаконичную форму, доходящую до такого отступления от нормы, как неполнота выражения мысли, либо полноту выражения мысли, доходящую до избыточности формы.

В отношении отвлеченно-обобщенности приведем примеры, иллюстрирующие бесконтрольное действие механизма притяжения абстрактных слов.

• *Актуальность исследования определяется самим фактом обращения к одному из фундаментальных в языке функционально-семантических полей.*

Факт обращения имеет значение 'действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло'. Однако модальный аспект обращения к одному из... полей не подвергается сомнению, не требует особой аргументации либо акцентирования, поэтому номинация *факт* является избыточной.

• *Теоретическая значимость проведенного исследования определяется ролью принятого в работе функционально-семантического подхода...*

Проведенное исследование, а также неточно употребленное определение *принятый* (лучше *осуществленный подход*) передают значение реальной модальности. Но ведь 'то, что было действительно проведено, осуществлено' — в контексте не оспаривается и не требует подтверждения, значит, определения здесь избыточны.

• *Задача статьи — рассмотреть смысл текста с позиций синергетического подхода.* Отыменный предлог *с позиций* не утратил полностью лексического значения, поэтому не может образовать словосочетание с отглагольным существительным **с позиций... подхода*. Необходимо раскрыть трансформацию и контаминацию *с позиций синергетики — синергетического подхода* и исправить предложение.

Наблюдения показывают, что именно в речевой среде, на периферии от терминов, происходят функциональные, естественные в контексте, т. е. мутационные, изменения в употреблении тех или иных лексем. Действительно, лексема по существу может освободиться от лексического значения, «оставив» себе лишь оболочку и ту или иную наиболее общую, абстрактную «идею», или гиперсемию.

• *Например: В целом, многообразии зафиксированных и рассмотренных в ходе исследования лексических средств выражения интенсивности свидетельствует о гибкости возможностей языка, обеспечивающей открытый характер состава анализируемой*

лексики, в свою очередь, свидетельствующей о широте познавательных процессов «в мире человека».

Надо сказать, что понимать такие тексты можно, «включая» смысловое восприятие, отвлеченное от лексических значений слов, удерживая лишь самые абстрактные смыслы-идеи. В противном случае многое будет задерживать внимание: *гибкость возможностей, многообразие свидетельствует о гибкости, гибкость обеспечивает открытый характер состава, лексика свидетельствует о широте... процессов* и др. Степень абстрагирования автора от содержания научного текста слишком велика. В то же время мощная динамика смыслового пространства научного познания должна обеспечиваться наличными языковыми ресурсами. И это противоречие углубляется, причем не только в лингвистике, «авангардной» области развития научного стиля речи, но и во всех других областях научного знания. См., например:

- *В истории известны факты, когда аналогичные ухудшения социально-экономической обстановки резко поднимали агрессивность людей, приводили к социальному взрыву.*

Тенденция к абстрактизации научного изложения оказывается столь сильной, проявляющейся лавинообразно, что вступает в противоречие с традиционной, сложившейся нормой научного стиля речи — разумеется, динамичной, действительно гибкой, учитывающей и специфику познавательной деятельности, и стиль мышления, а также индивидуальный стиль речи ученого. Однако при этом норма текста (подчеркнем: в отношении абстрактизации речи) ослабляется, пределы ее действия расширяются.

Благодаря абстрактности содержания научного текста, когда частное интегрировано в общее, в предмете рассмотрения выделяются лишь «те опоры, без поддержки которых несостоятельна объективируемость сущего» [Катышев 2005: 83]. Это важнейшее качество научного текста способствует обобщению, *укрупнению* единиц смысла в тексте. Вместе с тем именно укрупнение предмета восприятия

и осмысления порождает трудности формирования таких единиц и выражения логико-семантических отношений между теми или иными текстовыми единицами разной степени сложности.

Рассмотрим примеры.

- *Не менее важным направлением в современном языкознании является когнитивный подход, фокусирующий внимание исследователей на познавательной деятельности человека.*

Поскольку *подход* не является *направлением*, т.е. между этими номинациями понятий нет отношений тождества, то номинацию *направлением* можно считать избыточной.

Несколько иная погрешность допущена в следующем предложении:

- *В частности, активно изучается процесс метафоризации, являющийся одной из основных ментальных операций, способом познания и объяснения мира.*

Как и в предыдущем примере, здесь нет отношений тождества между номинациями понятий *процесс метафоризации* и *операция*, поэтому целесообразно заменить причастие *являющийся* причастием *представляющий собой*, соотносящим два разных смысловых плана, «переводящим» понятие из одного в другой смысловой план.

- Еще пример: *Достоинством такого подхода к феномену текста является стремление ученых интерпретировать сущность формальных текстовых единиц в текстовой связи с их содержанием.*

Ясно, что *достоинством является интерпретация*, а не *стремление ученых*...

- *Вследствие анализа словарей мы пришли к выводу, что авторы и составители по-разному подходят к принципам отбора слов.*

Здесь не причинно-следственные отношения, которые вполне можно было бы выразить предлогом *вследствие*, а отношения основания — следствия, которые требуют

использования других языковых единиц, например, предлогов *в результате* или *на основании*.

• В процессе порождения речи говорящим осуществляется выбор слов, который обусловлен **в том числе** и субъективными вероятностными характеристиками слов.

Здесь нет отношений общего — частного, поэтому употребление союза *в том числе* со значением включения в данном предложении нецелесообразно; также нецелесообразно употребление союза *и*, поскольку отсутствует первый член возможного сочинительного ряда. Значит, союзное речение *в том числе и* в этом предложении избыточно.

• См. также: *Материалы для этого были получены в том числе в результате опроса старшекурсников-филологов.*

• Или: **На основе фиксации** симптоматических реакций и физических состояний в языковой картине мира **формируется** представление о той или иной эмоции.

Здесь наблюдается контаминация смыслов, выраженных словосочетаниями *на основе симптоматических реакций* и *благодаря фиксации*, поэтому следует отредактировать предложение следующим образом: **Благодаря фиксации симптоматических реакций...** формируется представление о той или иной эмоции.

• Еще пример: *Особый «пласт» психологического обеспечения традиционного хозяйствования в Сибири составляют вопросы* экономической социализации.

В этом предложении допущена неоправданная компрессия одного словосочетания из двух сопоставляемых: **проблема психологического обеспечения — вопросы экономической социализации**. Предложение следовало бы отредактировать следующим образом: **Особый «пласт» проблемы психологического обеспечения...составляют вопросы...** (соотносятся понятия *проблема* и *вопросы*, а не *«пласт»* и *вопросы*).

2. Формирование терминосистемы текста предполагает не только обозначение самих научных понятий, но и точное выражение их взаимосвязей и связей с другими понятиями в когнитивной среде. Вместе с тем смысловые логико-семантические отношения между терминованными и другими понятиями в тексте не всегда четко дифференцированы (установлены) и определены автором. В таких случаях к употреблению единиц, выражающих логико-семантические отношения, применен не дискретный, а смысловой, дискретно-континуальный подход, при котором смысловые грани оказываются размытыми. Интересно то, что континуальность, впрочем, наряду с дискретностью, присуща мышлению, можно сказать, по определению, хотя в научном изложении автор стремится к точности выражения не только грамматических, но и логико-семантических отношений. Однако, по-видимому, излишняя «толерантность к континуальности» речи порождает «ослабление» нормы научного стиля изложения: то, что неукоснительно подвергалось редактированию, в последнее десятилетие, по-видимому, даже не привлекает внимания ни автора, ни редактора.

• *Теоретическая значимость исследования **состоит в попытке** конкретного обоснования взаимобусловленности художественной формы и содержания — вместо: Теоретическая значимость исследования **соотносится** с обоснованием художественной формы и содержания.*

• *Высказывания, **включающие** синтаксические модели, формируемые каузативными глаголами... — очевидно, что высказывания не включают, а реализуют те или иные модели.*

Можно привести пример отклонения от традиционной нормы формирования сочинительного ряда на основе смысловой однородности.

• *В позитивном плане есть отдельные **примеры и реальные возможности** использовать или учитывать этнический фактор.*

Именно континуальность смыслов, которыми оперирует ученый в процессе научно-познавательной деятельности, способствует формированию той когнитивной среды, в которой может проявиться творческое начало, речетворчество (не всегда удачное), — среды, которая в то же время представляет собой «мутационную сферу» (термин заимствован из: Резанова 1996, Нагель 2005) и служит основой для возникновения естественных изменений в семантике используемых языковых единиц.

4. Психологические причины погрешностей

Системный подход к тексту и его редактированию ориентирует нас на разработку такой ментальной модели текста целого научного произведения, которая обладала бы силой общей идеи, формирующей системное мышление и автора, и читателя. Понятие *ментальной модели текста* соотносительно с более широкими понятиями *коммуникативный идеал* [Дементьев 2006] и *тип текста* [Чернявская 2004]. Последнее используется «для обозначения культурно-исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием» [там же: 35]. Несомненно, что «каждое конкретное текстовое произведение — экземпляр текста — существует как представитель соответствующего типа текста» (там же), однако с тем уточнением, что при редактировании тип текста (понятие определенной степени абстракции) опосредован ментальной моделью (понятие более низкой степени абстракции) научного текста, «обитающей» в сознании автора (в качестве редактора) или редактора. В данном случае важно, что ментальная модель (общая идея) текста выступает в качестве посредника между редактируемым и отредактированными текстами. При этом базовая ментальная

модель членится на совокупность взаимосвязанных частных моделей. В соответствии с общей теорией систем системное мышление можно понимать как сеть (паутину) многомерных элементов, рассматриваемых в разных ракурсах: это не просто комплексное и всестороннее, но и вертикальное, и горизонтальное, и глубокое, и цикличное мышление.

Отсюда ясно, что системное мышление — с данной утилитарной целью, т. е. для обобщения процесса редактирования, — необходимо схематизировать, упростить, иначе говоря, сконструировать базовую ментальную модель текста.

Наличие ментальной модели, т. е. абстрактной, отвлеченной от реального текста, само по себе не гарантирует качества заполнения этой модели языковым материалом в процессе порождения текста. Ясно, что автору прежде всего важно сформировать модель, соответствующую гармоничному тексту, т. е. модель

а) *минимизированную*, состоящую из вполне обозримого количества элементов;

б) *гибкую*, эластичную, в которой без нарушения связей элементов можно расширять или сужать любой элемент, а также усиливать или ослаблять его связи с другими элементами;

в) *динамичную*, в которой динамика достигается за счет вариативности элементов (эффекта мультипликации).

Гармония многолика, не всегда очевидна, но всегда труднодостижима. Предваряя рассмотрение модели эталонного текста, приведем пример из истории науки, иллюстрирующий мысль о том, что вхождение научного открытия в общий фонд знания из-за неучета тех или иных элементов системы «окроплено как общепризнанной мудростью, так и разбитыми надеждами» [О'Коннор 2006: 81]. Этот пример подчеркивает зависимость от качества текста такого важного аспекта научной деятельности, как своевременная оценка и признание результатов проделанного исследования.

Речь идет о «вхождении» в научное знание открытия, положившего начало молекулярной биологии в зарубежной

науке. Открытие было представлено в статье О. Эвери с соавторами, опубликованной в 1944 г. Статья пользовалась меньшей известностью и признанием, чем того следовало ожидать в свете имеющихся теперь представлений. Г. В. Вайятт, изучавший причины такого положения, констатирует следующее. Во-первых, в заголовке статьи не содержалось ключевых слов, которые способствовали бы ее признанию в то время. Во-вторых, содержание заключения к статье также не способствовало этому: «Представленные данные укрепляют уверенность в том, что нуклеиновая кислота дезоксирибозного типа играет основную роль в трансформации пневмококка типа III». В заключении «нет упоминаний ни о генах, ни о мутации, ни вообще о каких-либо терминах, позволяющих связать сделанное Эвери и его соавторами открытие с общими идеями генетики». В-третьих, «если у Эвери в резюме содержится лишь беспристрастное изложение фактов, то у Херши и Чейз (на эту же тему, однако позднее, в 1952 г. — М. К.) изложение фактов перемежается с их интерпретацией». Автор заключает: «... нет никаких оснований надеяться, что статья, аналогичная работе Эвери, вновь не встретит такой же прием. Напротив, при увеличившемся числе публикаций ситуация может оказаться еще более трудной... Новая информация усваивается лишь тогда, когда она без особого труда укладывается в общепринятые представления. Информация не признается в качестве таковой, пока она не превращается в знание» [Вайятт 1976: 374–388].

Подчеркнем, что любая модель — это не копия, она дает лишь контурное представление о чем-либо. Живое наполнение модели имеет динамический характер, поскольку она ориентирована на модификацию (вариативность). Поэтому можно считать, что именно с возможностью модификации и соотносится основное достоинство модели.

Из литературы по функциональной стилистике, лингвистике текста, стилистике текста и другим направлениям, в рамках которых изучается целый текст, известны его феноменологические свойства. На основе целого ряда зафиксированных свойств реальных текстов построим модель

как единство «замкнутых» контуров обратной связи — цепей причинно-следственных связей, открытых для реального заполнения языковыми единицами. Это минимизированная (схематичная) модель качества эталонного текста, представленная совокупностью его взаимосвязанных свойств.

Схема 2

Качество текста

- монолитность _____ ● членимость
- логичность _____ ● ассоциативность
- связность _____ ● прерывистость
- целостность _____ ● композитивность

-
- понятность
 - «мучительное непонимание»

Системе «Качество текста» соответствует метафора *системы-паутины*, отражающей связи элементов (частных качеств текста). Схематичное представление системы подчеркивается термином *контур*, обозначающим частное качество (понимаемое как одна из характеристик текста). Контур — внешнее очертание чего-нибудь, контурная линия — прерывистая, из точек. Вместе с тем термину *контур* мы придаем объемное значение, применяя термин к содержанию и форме того или иного качества. Контур — это ориентир для наблюдения за тем или иным качеством речи в пространстве текста *целого* произведения. См., например, связность: нельзя в одном фрагменте контролировать выражение связности (в частности, связи двух смежных предложений), а в другом — не обращать на нее внимания; это качество текста проявляется на протяжении всего текста. Так же и логичность, которая проявляется и внутри предложения, и между самостоятельными предложениями, и между более сложными единицами.

Как видим, контуры системы, названной нами «Качество текста», образуют (на схеме) по горизонтали пары, взаимосвязанные на градуальной основе; см.: монолитность — членимость, логичность — ассоциативность, связность — прерывистость, целостность — композитивность, понятность — непонятность как «мучительное непонимание». Те же контуры системы, если рассматривать их на схеме в разных направлениях, оказываются связанными как по вертикали, так и перекрестно; см.: логичность — связность — целостность; членимость — ассоциативность — прерывистость — композитивность; членимость — логичность, членимость — связность, членимость — целостность, логичность — прерывистость, логичность — композитивность и др.

Система «Качество текста» может быть представлена метафорой *системы-паутины*, поскольку имеет полипараметральный характер (многоконтурный), ей присущи *эластичность* (внимание к одному свойству / элементу может изменить форму всей «паутины»), а также *открытость* и *релятивность*, поскольку ни один из контуров этой системы не является абсолютным, проявленным в высшей степени, «до конца».

Эта система имеет открытый характер не только потому, что «совершенствованию нет предела», но и потому, что в соответствии со специфическим — контурным — мышлением при редактировании в действие приводятся, или актуализируются, лишь те или иные (в зависимости от опыта и компетенции автора или редактора) контуры системы и составляющие их «петли обратной связи». При этом важно, что в процессе восприятия текста происходит самодостраивание целостной структуры текста благодаря целостно-композиционному мышлению и интеллектуальной интуиции [Князева 1996: 109].

Данную модель текста можно рассматривать прежде всего как описательную, служащую для формирования определенного конструкта из «старых», известных, имеющих, но еще не собранных после «нахождения», установления компонентов. Но не только описательную. Эта

модель текста по существу является метамоделью, поскольку выполняет познавательную, а именно объяснительную, функцию; эта модель способствует пониманию *других*, ранее не известных текстов — пониманию, связанному с дальнейшим «манипулированием» свойствами текста. [Данное утверждение опирается на суждение философа Б. О. Майера о том, что «в современной науке выделяется два мета-направления: “манипулятивная наука” и “наука для понимания”» (Майер 2006: 27)]. При этом считаем необходимым привести методологически важное замечание психолога А. В. Брушлинского: «Любые... компоненты живого мыслительного процесса (зафиксированного в тексте. — М. К.) настолько органически, неразрывно взаимосвязаны, что их нельзя рассматривать так же, как... отдельные друг от друга детали машин или элементы множеств, лишенные генетических связей» [Мышление 1982: 18 — 19].

Чтение как стихия интеллектуальной деятельности порождает управляемый самим субъектом деятельности поток сознания. При редактирующем чтении этот поток контролируется имеющейся в сознании субъекта моделью эталонного, идеального текста.

Модель эталонного текста соотносится нами с его формально-содержательным единством как «смыкающим компонентом акта коммуникации» адресанта и адресата [Брудный, Садыкбекова 2006: 17]. В связи с этим не только реальный текст, но и модель эталонного текста хранит отпечаток психологических характеристик, обусловленных *восприятием* текста со стороны коммуникантов. Почему имеется в виду восприятие со стороны адресанта, т. е. автора текста? Потому что автор предполагается не во всем объеме присущих ему свойств, а лишь в ипостаси лица, редактирующего свой, уже созданный текст. В свою очередь, адресат предполагается также как выполняющий определенную функцию — редактирование текста целого произведения определенного жанра (статьи, монографии, автореферата, диссертации и др.).

На основании сказанного под эталонным текстом, предназначенным для использования в качестве инструмента редактирования, понимается текст, обладающий *целостностью* содержания как эмерджентным свойством, возникающим в результате преодоления линейности текста благодаря его перестройке, т. е. *композитивности* содержательной стороны текста.

Следует учесть, что эталонный текст далеко не монолитен, поскольку хранит жанровую структуру (структуру описания эксперимента, истории вопроса, теоретической аргументации и т. д.), которая складывалась, «затвердевала», освобождаясь от реально-практического участия создателя того или иного текста.

Здесь возникают два вопроса: 1) о личности автора как индивидуума с присущими ему свойствами, понимаемой в качестве фактора обоснования текстопорождения; 2) о роли креативного компонента в текстопорождающей деятельности как форме научного творчества.

Раскрывая личность автора как фактор обоснования текстопорождения, мы абстрагируемся от сугубо индивидуальных (вплоть до уникальных) и фиксируем типичные свойства личности, особенно важные, доминирующие в научно-познавательной и текстообразующей деятельности. Психологами установлено, что фундаментальными личностными характеристиками являются познавательные (когнитивные) стили, поэтому ниже мы и обращаемся к этому основанию при определении некоторых типов личности автора текста. Другим, не менее важным основанием дифференциации типов личности является отсутствие или наличие эмоций в процессе познавательной и текстообразующей деятельности. С учетом исследований психологов представляется возможным установить — условно, т. е. в рабочем порядке, лишь с определенной целью (в контексте данного исследования) — по первому основанию (познавательный стиль) такие типы личности автора, как *созерцатель*, *классификатор* (систематик) и *синтетик* («комполитор»), по второму основанию — *реалист* и *романтик*.

Зафиксировав отклонения от нормы, реконструируем смысл, который необходимо было выразить иначе, и сопоставляем полученные варианты языковых (текстовых) единиц. Такое сопоставление позволяет диагностировать стремление (осознанное или неосознанное желание) проявить наиболее сильную, *доминирующую черту* когнитивного стиля автора. Поскольку нашей целью является прежде всего лингвистический анализ текста (точнее, редактирование), то мы лишь основываемся на суждениях психологов о тех или иных понятиях, специально разрабатываемых в психологии познавательной деятельности. Мы осознаем, что «нельзя судить о личности» по одной черте, хотя бы и очень важной, и разделяем мнение психолога М.А. Холодной «о природе индивидуального ума»: «Следует принимать во внимание комплекс когнитивных контролей, который и был обозначен термином “когнитивный стиль”» [Холодная 2004: 65]. Мы имеем в виду актуальную в данном случае черту того или иного когнитивного стиля.

Обращаясь к вопросу о роли креативного, творческого компонента в научно-познавательной деятельности при порождении текста, важно уточнить, что мы учитываем *первичность* получения нового знания. Высокая степень новизны (не для науки, а для конкретного автора текста) сопряжена с трудностями выражения именно нового знания в рече-текстовой (языковой) форме. Как отмечает М.Н. Кожина, «чем сложнее содержание, подлежащее сообщению, тем богаче должен быть набор вариантов и *труднее выбор* (Курсив наш. — М. К.). [Кожина 1979: 18].

При ориентации автора на знание, при подчинении мысли *содержанию* высказывания ускользает внимание с формы выражения. Интересно, что в данном случае оказывается незначимой первичность или вторичность жанра (например, диссертации или автореферата диссертации), поскольку во вторичном жанре автореферата внимание скользит по «поверхности знания» уже по другой причине — в силу закрепления стереотипной речевой формы знания.

Исходя из того что источником речевых погрешностей является автор, в частности когнитивный тип его личности,

соотнесем выявленные речевые погрешности с определенными типами личности:

СОЗЕРЦАТЕЛЬ, ориентированный на выявление наблюдаемых, т. е. несущественных, признаков явлений, их феноменологическое описание; поэтому широко используются:

а) аналитические конструкции типа *происходит фильтрация* — независимо от субъекта; ошибки: *происходит познание, происходит изучение* — осуществляет субъект;

б) языковые единицы, находящиеся «под рукой», т. е. употребительные в обыденной речи, например: *по факту, выйти на причины, работать на читателя, задействовать, имеют место быть*;

в) индифферентные знаки — предлоги с неточным значением *со стороны — с точки зрения, с целью — в направлении* и др.; связочные глаголы *является — становится*, уточняющие союзы *в том числе*.

Созерцателю свойственно употребление разговорной лексики и фразеологии:

- *Рамочные клише работают на читателя, помогая ему ориентироваться в тексте, находить нужные рубрики; Объяснение... связано с преодолением границ между точкой зрения автора, читателя и героев для развития смысла художественного текста и выхода на внутренние и внешние причины того или иного явления;*

- *Все названные категории задействованы при анализе женской прозы во второй главе диссертации;*

- *Писательницы 2000-х годов... не проблематизируют категорию женского.*

- *Гиперреальный характер стимула свидетельствует о том, что перед нами своего рода «симулякр»... — то, чего нет и никогда не было по факту, но то, что правдоподобно и что можно наблюдать или что имело место быть в реальности культуры.*

В свою очередь, КЛАССИФИКАТОР, стремящийся к выявлению существенных связей и установлению формально-

логических отношений между понятиями; вместе с тем нередко нецелесообразно использует языковые единицы, призванные выражать те или иные логико-семантические отношения между понятиями.

- *Предметом исследования в реферируемой диссертационной работе **становится** женская проза 1980–2000-х годов (надо: является);*

- *Специфика предмета исследования обуславливает методологию, которая связана **в том числе** и с общей теорией систем... (присоединительно-уточняющий союз в том числе и избыточен);*

- *Возможность выделения ФМ-системы в рамках звукоизобразительной системы языка обусловлена **в том числе** и нивелировкой отдельных универсальных законов.*

СИНТЕТИК, ориентированный на целостность видения предмета и «семантическую краткость» [Фрей 2006] выражения, в чем проявляется результат действия двух процессов: расширения смысла (до родового) и его сужения (до видового): **процесс формирования мысли; в период двадцатых годов XX века; процесс сушки плодов.**

Речи **синтетика** присуща семантическая транспозиция, т. е. использование отдельного слова или словосочетания с нечетким значением. Как было замечено французским лингвистом Анри Фреем, в разговорной речи говорящие избегают себя от необходимости называть все тонкости значения. Продолжая эту мысль, можно сказать, что научный стиль речи стремится ограничить, уточнить семантику знаков (слов и словосочетаний), а разговорная речь — расширить ее; см., например: **Основным компонентом лекарственного препарата **ВИНИБИС** является перга... — Дай мне это лекарство.**

Обобщение знака, расширение его возможностей для номинации предметов и явлений, не затрудняющее коммуникации в обыденном (ситуативном) общении, в научной речи может быть неоправданным и даже недопустимым, если «семантическая краткость» (термин Фрея) достигается

за счет не только уточнения, «сужения» семантики обозначения, но и его расширения.

Семантическая краткость обусловлена потребностью в скором и объемном взаимообмене мыслями, поэтому связана с действием языковых законов экономии и аналогии. Закон экономии речевых усилий опирается на механизмы памяти человека, в связи с чем фиксирует стабильность, неизменяемость. Интересно, что под воздействием законов экономии и аналогии в научной речи, «немножко иностранной», наблюдается не только сужение значения номинаций типа *сложные предложения, одночленные сложные предложения, одночленные сложноподчиненные предложения, подчинение посредством союзных слов* и т.д., но и расширение значения за счет связи со словом широкой семантики (родовым словом) типа *анализа сложного предложения*. В плане речевой культуры здесь автора подстерегает соблазн усилить контекст и употребить добавочное слово широкой семантики; см., например: *процесс анализа сложного предложения, процесс сушки плодов*. Здесь *процесс* — избыточное слово. «Инстинкт аналогии» привел к погрешности в выражении мысли. См. также:

- *описываются формальные и семантические отношения, возникающие в рамках контекста между причастиями и предикативными формами глаголов; в рамках контекста — избыточное словосочетание.*

Семантическая краткость, сжатие номинаций при выражении мысли нередко является результатом «борьбы семантики с морфологией». Например: *имеют разный взгляд на один и тот же вопрос, не отвергая возможности различного подхода к определению.*

- *синтетик («композитор»)* склонен «видеть» понятия в их целостности, единстве. Типичный случай объединения понятий связан с установлением и выражением родо-видовых отношений. Однако при этом данные отношения могут отсутствовать, значит, допущена неточность выражения мысли; например:

- *Актуальность* темы исследования обусловлена двумя основными **моментами**: во-первых **обращением** лингвистики к изучению когнитивных структур...; во-вторых, **недостаточностью** исследования такой группы русской глагольной лексики, как многоприставочные глаголы, **отсутствием** комплексного описания указанных глаголов на материале русского языка.

При изложении материала проявляется рефлексивность, критичность мышления, а также подчеркнутая, или открытая, логичность и связность речи. При этом может быть нарушена плавность изложения содержания, допущены «лакуны» (например: *нетрудно убедиться* [в том. — М. К.], *что в данной области реальные достижения психофизиологии более чем скромны* либо, наоборот, употреблены избыточные слова (обычно так называемые слова широкой семантики); например: *Далее производился процесс сушки плодов при температуре...*

В данном случае кажется уместным привести примеры «неконтролируемой речи»:

- **Незнание** определенных этапов творческой деятельности мозга **возникло** в процессе эволюции в связи с необходимостью противостоять консерватизму сознания и тенденции частого использования накопленных знаний;

- **Характер** композиционно-стилистических **особенностей**, определяющих **характер** высказывания, **является** доминирующим **компонентом** речи.

РЕАЛИСТ, для которого характерно подчинение одной идее, ограничение «самого себя» во имя главного; изложению материала в этом случае присуща особая стройность, логичность, последовательность. Однако стремление автора к упорядочению, подчинению мысли какому-либо общему понятию может столкнуться с трудностью лексико-семантического и грамматического согласования.

- Например: **Анализ** композиционно-смысловой структуры автореферата и ее стереотипных компонентов (К-блоков) **установил** отсутствие макси-

мальной степени жесткости жанровой нормы **и привел к выводу**, что тексты АКД позволяют выделить их композиционный инвариант, но представляют собой явление синкретичного плана... и обнаруживают многочисленные отступления от инвариантной модели. В частности, нецелесообразно элиминировать субъекта деятельности, поскольку такая элиминация приводит к неточности выражения логико-семантических отношений между понятиями, что, в свою очередь, затрудняет адекватное понимание текста читателем. См.:

Исследователь осуществляет анализ — [основание]

[на основании анализа] устанавливает — [следствие, оно же основание]

[на основании установления]... к выводу — [вывод]

Здесь произошел логический сдвиг: вместо контекстуально обусловленного выражения отношений «основание — вывод» посредством высказывания ‘исследователь [посредством анализа] приходит к выводу’, эксплицировано отношение «средство — цель» (см.: *анализ приводит к выводу*).

РОМАНТИК, для которого характерны «разброс» тем, ассоциативность, множество попутных замечаний. При этом, естественно, необходимо «собрать» достаточно разрозненную информацию и объединить ее посредством языковых единиц, выражающих процесс мысли автора. В противном случае возникают погрешности типа несогласования глагольных форм в отношении тех или иных грамматических категорий.

• **Возможны** две интересующие нас композиционные формы. В первом варианте изложение содержания **начинается** с краткого описания основных вопросов работы. Затем **показываются** методы, главные результаты исследования и научные достижения.

Каждую рекомендацию **необходимо** четко **сформулировать, указав**, в каком состоянии **находился** рассматриваемый вопрос к моменту исследования, что **достигнуто** диссертантом (какой вклад вносится в науку) и какое практическое применение **можно найти** выдвигаемым положениям.

Внимание автора может быть сосредоточено на «макро-смыслах», их целостности; такое внимание обуславливает «крупноблочную» форму содержания. Отсюда «скольжение», «скачки» мысли, приводящие к неточности (и даже неправильности) выражения связи компонентов одного словосочетания, словосочетаний в предложении, а также предикативных единиц в сложном предложении.

- Среди конкретных мер можно назвать: **восстановление** нравственно-психологических норм совместной жизнедеятельности в различных этнических группах...; **поддержка** мотивов традиционных видов деятельности...

Как видим, погрешность имеет явно психологическую причину происхождения: вместо формы существительного В. п. — можно назвать **поддержку** — в результате «скольжения» мысли употреблена форма И. п. (в силу дистантного расположения: *можно назвать... поддержка*).

- Отмечается, что глагол *think* может употребляться **во внутренней речи и с сенсорными данными** (где? и с чем? —

ср. аналогично, когда сочинительный ряд включает неоднородные члены: Машины стоят в гараже **и** с выключенными фарами).

- Нам, однако, встретился один **случай** употребления глагола *appear* с прилагательным, указывающим на удаленность объекта, **который** можно считать показательным —

дистантное употребление союзного слова *который* привело к неясности: какое имя существительное — *случай*, глагол или объект определяется, уточняется придаточным предложением.

• *Подобного подхода придерживаемся и мы, впервые в отечественной неографии создав **систему ориентированных на этот вид словарных продуктов параметров** –*

вместо: *...создав **систему параметров, ориентированных на этот вид словарных продуктов**, т. е. необходимо устранить контактность двух одинаковых падежных форм – «генитивную цепочку» не связанных между собой членов предложения **продуктов параметров**.*

Несомненно, «скачок» в движении мысли и стяжение ее фрагментов в грамматически неправильную конструкцию имеют место в следующем предложении:

• ***Формирование и изменения в речевой вероятности** находятся в прямой зависимости от изменений в текущем речевом опыте индивида –*

вместо: ***Формирование речевой вероятности и изменения в ней** находятся в прямой зависимости от...,* поскольку отглагольные существительные *формирование* и *изменения* управляют разными падежными формами.

• *Во втором параграфе анализируется характер взаимосвязи субъективной **частоты** слова и **временем ассоциативной реакции** на него.*

Мы склонны считать погрешность в этом предложении, как и в приведенных выше примерах, погрешностью именно психолингвистического характера, а не соотносить ее с нормативно-языковой либо нормативно-речевой компетентностью, – в связи с ее грамматической прозрачностью. Именно «скольжение» внимания приводит к тому, что автор и сам «не заметил», как произошла контаминация словосочетаний по известному типу *оплатить за проезд:*

связи *частоты* и времени

взаимосвязи между частотой и *временем*

= взаимосвязи частоты и временем (неверно)

Представляется, что рассмотренные речевые погрешности, «проскользнувшие» в тексты массовой научной коммуникации, обусловлены такой особенностью мышления, как дискретность, которая обеспечивает формирование и использование отдельных номинаций (слов, словосочетаний),

но требует вмешательства континуальной, и даже более строгой — синтезирующей стороны мышления, реализующей грамматические связи в предложении и шире — в тексте. Отсюда совершенно ясна необходимость подвергнуть текст прежде всего саморедактированию.

Погрешности, имеющие психологическую природу, могут быть обусловлены тем, что внимание автора сосредоточено на *главном* — терминосистеме, т. е. несущей конструкции текста как целостного сооружения. При этом без достаточного «надзора» оказывается *периферия* содержания, ее лексическое и грамматическое выражение. См., например, вкрапление паронимических оговорок, нарушение закона «смыслового согласования», нарушения согласования подлежащего и сказуемого в числе, управления формой имени существительного со стороны глагола и т. п.

- *Что-то ушло безвозвратно, что-то сохранилось в несколько измененном виде, а что-то по сей день имеет непроходящее значение* (вместо: *непреходящее*).

- *Азербайджанское и армянское общества поддерживают свои традиции и принимают усилия к их сохранению и развитию* (вместо: *предпринимают усилия*).

- *Материал обнаруживает несомненное преобладание средств выражения высокой интенсивности...* (вместо: *позволяет обнаружить*).

- *Рассмотрение средств выражения интенсивности в аспекте их употребительности обнаруживает...* (вместо: *позволяет обнаружить*).

- *Выражение интенсивности при помощи реализации образа перемещения в пространстве...* (вместо: *Выражение интенсивности при реализации...*).

- *Сопоставление традиций и опыта прошлого с актуальными проблемами сегодняшнего дня высвечивает три важных вопроса в реформировании общества, которые весьма трудно решить изолированными средствами экономики или психологии...*

В этом предложении нарушен закон «смыслового согласования» (**неверно**: *сопоставление традиций с проблемами; сопоставление опыта с проблемами*), а также допущена

неоправданная инверсия, послужившая причиной затемнения смысла (неясно, к какому члену предложения относится придаточное определительное, присоединяемое союзным словом *которые*).

Предложение после редактирования может иметь такой вид: *В отношении реформирования общества сопоставление проблем прошлого и современности высвечивает три важных вопроса, которые весьма трудно решить изолированными средствами экономики и психологии.*

Представляется, что этот список не закрыт.

В связи с вопросом о редактировании научного текста существенно подчеркнуть значимость эталонной модели текста, которая накладывается на конкретный текст и позволяет редактору выявить отклонения, требующие его вмешательства в совершенствование текста.

Здесь рассмотрены погрешности в построении текста, обусловленные психологическими особенностями автора, в частности особенностями его когнитивного стиля. Понятно, что приведенный выше список (отнюдь не классификация) доминирующих признаков не исчерпывает вариативности познавательной структуры ученых. Вместе с тем этот перечень ориентирует на объяснение причин отклонений от нормы научного функционального стиля, соотнесенной с эталонной моделью научного текста. Дело в том, что доминирующая черта когнитивного стиля ученого активно воздействует на порождение текста, в результате чего происходят те или иные «перекосы», вплоть до погрешностей.

Можно считать, что особенности когнитивного стиля автора оказывают влияние на формирование его речевой манеры и характер отклонений от культурно-речевого эталона научной коммуникации.

На схеме 2 (с. 144) после отточия приведены такие частные качества текста, соотносимые с контурами системы, как понятность — «мучительное непонимание». Отточие сигнализирует о том, что данные контуры установлены на другой основе — с учетом интерпретации текста либо автором, либо читателем. Так, понятность текста для автора несомненна, вместе с тем ясно, что затруднения при выражении мысли

обусловлены ее несовершенством, неясностью связей между элементами мысли, «мучительным непониманием ее сущности». Как считает Д. А. Леонтьев, «понимание не гарантировано, оно ограничено» [Леонтьев 2006: 24]. Естественно, что понимание текста читателем сталкивается с другими барьерами, прежде всего связанными с неопределенностью, нечеткостью терминированных понятий и их связи в терминосистеме текста.

Интересно, что к своему непониманию авторы относятся по-разному. Одни скрывают его, выражая мысль «мягко», гипотетично, эксплицируя сомнение, неуверенность, т.е. проявляют «толерантность к собственному непониманию» [Леонтьев 2006: 24]. Другие игнорируют непонимание, предпочитая констатирующую форму речи. Третьи покрывают его флером уверенности, предпочитая категорично-экспрессивную форму речи. В случае непонимания хода авторской мысли редактору следует устранить «темные места» и заполнить их связующими конструкциями.

В плане культуры письменной речи отметим, что с понятностью-непонятностью речи не соотносятся какие-либо определенные языковые либо текстовые единицы. Это эмерджентное качество речи можно считать контекстуальным, поэтому требующим весьма пристального внимания автора и редактора.

В заключение подчеркнем следующее. Несомненно, что научный текст обладает речевой системностью. В свою очередь, для выявления, объяснения и устранения погрешностей целесообразно применить к нему также системный подход, позволяющий гармонизировать систему «Качество текста».

5. Тенденция к формированию новой нормы научного стиля речи

История научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв., широко представленная в статьях, очерках и монографиях как в отношении лексики, морфологии, синтаксиса научной речи, так и в отношении существенных

свойств научных текстов, свидетельствует о значительных изменениях в функционировании языка в научной сфере коммуникации.

Отступления от сложившихся исторически норм научного стиля изложения, зафиксированные в опубликованных современных научных текстах, мы сочли за *погрешности* стиля речи. Анализ, обобщение и объяснение полученного материала приводит к выводу о неоднородности самих погрешностей, разнообразии причин их проникновения, формировании тенденций к некоторым изменениям норм научного стиля изложения. Причинами возникновения погрешностей в научных текстах мы считаем некоторые особенности речи и мышления, в частности *линейный* характер речи, об особой значимости которого писал Ф. де Соссюр, и усиление когнитивной, ментальной стороны речи. Отсюда скользящее, не фиксирующее всех внутритекстовых связей, смысловое чтение текста, при котором автору «все ясно», а читателю — «не все понятно».

Линейность речи, несомненно, оказывает сильное воздействие на «строй» текста, вместе с тем она не может контролировать, т.е. не обуславливает таких речевых явлений, как: 1) стереотипность единиц, 2) образование композитивных словосочетаний из стереотипных, 3) усложнение словосочетаний за счет десемантизированных компонентов и др. Эти явления приводят и к погрешностям, и к дальнейшему продвижению именно погрешностей к норме.

«Крупноблочное» мышление посредством композитивных единиц, а также уплотнение познавательного процесса, сжатие видовых эпистемических ситуаций в общую родовую, стремление объединить все стороны познавательной ситуации приводят к усложнению словосочетаний за счет слов широкой семантики: **модель функциональной грамматики, понятие среды, понятие «функционирование языковых единиц», теория функциональной грамматики, система грамматических единиц, анализ взаимодействия системы и среды, проблема соотношения направлений грамматического описания «от формы» и «от семантики»** и др.

При редактирующем чтении поток сознания автора (редактора) контролируется имеющейся в сознании субъекта эталонной, идеальной моделью текста, соотносимой с «нормой текста». Понятие «нормы текста» уже определено. В частности, Г. Г. Молчанова трактует его «в качестве... вспомогательного методологического конструкта, то есть абстрактной усредненной нормы жанра, определяющей целостные комплексы стилеобразующих факторов» [Молчанова 1990: 21]. Интересно суждение Г. Г. Молчановой об отклонениях от этих норм, которые приводят к появлению «новой нормы» (автор пишет о художественном тексте). Понятие «новой нормы» представляется возможным использовать в методологических целях при рассмотрении погрешностей в научных текстах, поскольку с мнением Г. Г. Молчановой вполне можно согласиться: «“Новая норма” основана на том, что текстовые аномалии, при всей кажущейся бессистемности употребления и хаотичности возникновения, являются в какой-то степени системными, кодифицированными и, следовательно, узнаваемыми, — отклонения от норм сами подчиняются определенным нормам» [Молчанова 1990: 21].

Интересно, что слова широкой семантики *проблема*, *вопрос* и др. в научных текстах зафиксированы в общепотребительном значении ‘трудность’, хотя эпистемическое, познавательно-научное, значение лексемы *проблема* — ‘противоречие, требующее научного исследования’. См., например, *проблема изучения спектроскопии* — вместо: *изучение проблемы спектроскопии*; *проблема изучения естественного интеллекта* — вместо: *изучение проблемы естественного интеллекта* и др. Мы склонны объяснять такое употребление определенной интеграцией значений этих лексем именно в научном стиле изложения.

6. Дотекстовый и текстовый подходы к редактированию научного произведения

Текст — объемное, многомерное, полиструктурное образование. Самое общее разграничение: текст имеет форму и содержание. Совокупность взаимосвязанных на лексической

и грамматической основе языковых единиц представляет собой форму целостного содержания (целостности), которое, в свою очередь, может быть дифференцировано на разных основаниях, в частности с учетом эпистемической (научно-познавательной) специфики именно научного знания, являющегося содержанием научного текста. Предполагается, что автор научного текста в достаточной степени владеет нормами русского литературного языка, поэтому в пособии эти нормы излагаются не систематически, а, можно сказать, спорадически — именно в той мере, в какой это оказалось необходимым в связи с выявленными погрешностями. К причинам погрешностей можно отнести невниманье к различению:

- общеупотребительного и специфического (общенаучного) лексического значения многозначных слов, что приводит к возникновению такой погрешности, как **избыточность** словоупотребления типа ***проблема** поиска, **факт** повторяемости, **явления** коррупции* (лишнее слово следует убрать!);

- лексического значения слов по уровню абстракции, что приводит к объединению слов с общим и частным значениями в один сочинительный ряд типа *изучение и анализ* (слово с общим значением следует заменить!), либо включению основных понятий в разряд частных; см., например: ***Проблема** иконичности принадлежит к числу фундаментальных семиотических **вопросов***;

- лексической сочетаемости слов при образовании композитивных словосочетаний из простых, что приводит к погрешностям типа *Этот раздел посвящен **проверке** теоретических положений **на** большом объеме фактического материала* [здесь все простые словосочетания построены правильно; см.: *проверка теоретических положений, на большом объеме, фактического материала*; погрешность же возникает при невнимании к результату объединения простых словосочетаний — композитивному словосочетанию (исправить на: ***проверке** фактическим материалом большого объема*)];

Поскольку многие глаголы в научной речи десемантизированы, во всяком случае глагольная форма может передавать лишь общее, весьма абстрактное значение свойства, признака (а не действия), то формально двусоставные предложения можно приравнять к словосочетанию; например, предложение *Человеческая речь отличается от средств общения других животных* вполне можно заменить композитивным словосочетанием *Отличие речи от средств общения [других — это избыточное слово убрать!] животных*.

Именно при объединении простых единиц (слов, словосочетаний) в более сложные (слов — в простые словосочетания, простых словосочетаний — в композитивные словосочетания или предложения) возникают погрешности типа вставок избыточных определений *другой, различных*.

- *Этим объясняется соединение в одной записи различных имен художников, литературных персонажей...*), приводящие к **неточности** речи. См. еще примеры, с одной стороны, с избыточным словом, появившимся на стыке словосочетаний, с другой — с опущенным: *Взаимообусловленность категорий **схемы** когнитивной модели ситуации...* (Исправим так: *Взаимообусловленность **категорий, объединенных моделью** ситуации*);

- *Возникают различного рода сомнения по поводу **масштаба** приведенной выше цифры* (вместо: **числа** чего? — неполнота выражения мысли).

При образовании композитивных словосочетаний наряду с избыточностью может иметь место неполнота выражения мысли:

- *В период между мировыми войнами возникло первое содружество **ученых двух дисциплин**, имевшее целью изучение двух аспектов эволюции...* — здесь требуется предложное словосочетание *содружество ученых **в области двух дисциплин***; неполнота возникает именно на стыке двух простых словосочетаний *содружество ученых* и *двух дисциплин* при «укрупнении», объединении простых словосочетаний в одно сложное (композитивное,

или молекулярное): *возникло в области двух дисциплин, содружество в области двух дисциплин, содружество ученых, первое содружество > в области двух дисциплин возникло первое содружество **ученых, имевших** целью...* (попутно изменяем порядок слов, чтобы причастный оборот следовал непосредственно за определяемым словом: *содружество **ученых, имевших** целью...*).

Кроме того, при образовании предложений может возникнуть неоправданная инверсия, приводящая к нарушению необходимого синтаксического параллелизма и, в свою очередь, к **неясности** речи:

- *В обеих дискуссиях **антропоцентризм** литературоведения **во главу угла не ставится**, а **дискутируется методология** исследований, давшая название дискуссиям.* (Исправим так: *В обеих дискуссиях по литературоведению **во главу угла не ставится антропоцентризм**, а **обсуждается методология** исследований, давшая название дискуссиям).*

- *Думается, что социологический **подход приемлем** и для учебных курсов истории литературы, что будет плодотворной интерпретация художественного текста и через призму социологии.* (Этому предложению целесообразно придать следующий вид: *Думается, что социологический **подход приемлем** и в учебных курсах истории литературы, что через призму социологии **интерпретация** художественного текста **будет плодотворной**).*

Важно, что названные факторы (причины) оказывают воздействие на формирование единиц как дотекстовых (словосочетаний и предложений), так и текстовых (сложных синтаксических целых, тематически связанных фрагментов текста, совокупности основного и периферийных текстов). Поэтому необходимо контролирующее чтение текста автором или редактором. Такое чтение представляет собой медленное, «пошаговое» чтение, характеризующееся ретроспективно-челночным восприятием как формы, так и содержания текста. По-видимому, длина «шага» и вперед, и назад

должна зависеть от новизны содержания, формальной длины и содержательного объема дотекстовых и текстовых единиц. Пристальное чтение призвано обеспечить чистоту «узора» текста, которая достигается точным, ясным выражением связей всех использованных языковых единиц — от слова, словосочетания и др. до текста. Редактирование, и особенно саморедактирование, ориентировано на анализ внутри-текстовых процессов, когда образуются различные цепочки, «сети» элементов, переплетение которых и формирует ткань текста.

Подчеркнем, что редактирование научного текста требует прежде всего именно поэлементного чтения, при котором внимание сосредоточивается на отобранных и использованных автором лексических единицах, словосочетаниях и отдельных предложениях. Такой подход к редактированию является **дотекстовым**, поскольку изъятые из текста, изолированные от него слово, словосочетание и предложение не представляют собой текста. Однако и они нередко нуждаются в редактировании; с этой целью важно обратить внимание на 1) необходимость, целесообразность употребления слова, 2) уместность, 3) точность выбора слова, 4) правильность связи компонентов словосочетания, 5) оправданность порядка слов и другие лексические и синтаксические «ловушки». Приведем примеры дотекстовых погрешностей при изложении научного содержания:

- *Можно считать (свою — избыточное слово) цель выполненной* (вместо: *достигнутой*);
- *Модель превращения предполагает, что катионы смещены в пределах цепи* (вместо: *В соответствии с моделью превращения предполагается, что...*);
- *речевого воздействия... в результате лингвистической дискриминации* (вместо: *языковой*);
- *ряд сущностей, определяющих исход коммуникативного взаимодействия, стоят за пределами конфликтного высказывания* (вместо: *ряд сущностей стоит*);
- *Охлаждение до -8° и последующее нагревание при $20-60^\circ$ приводило к нормальным значениям теплоемкости* (вместо: *приводили*).

Как видим, для понимания и редактирования этих и подобных речевых единиц совершенно не требуется более широкий, чем приведенный, контекст. Хотя, естественно, необходимо владение лексическими, грамматическими и стилистическими нормами (последними в пределах практической стилистики).

Редактирование дотекстовых единиц обеспечивается лексическими и синтаксическими нормами, которым посвящена обширная литература, включающая грамматики, справочные пособия и различные словари (правильностей, трудностей, управления, паронимов и мн. др.). Поэтому в случаях лексических и синтаксических затруднений при построении и редактировании текста целесообразно обращаться к соответствующей лингвистической (особенно справочной) литературе.

Типичные погрешности словоупотребления

1. Нужны ли выделенные слова?	Не нужны
<p><i>Анализ существующей практики лексикографического описания промысловой лексики в словарях разных типов показал, что имеющийся разнбой в определени...</i></p>	<p><i>Анализ практики лексикографического описания промысловой лексики в словарях разных типов показал, что разнбой в определени...</i></p>
<p><i>Эти особенности рекламы как типа текста также говорят о самой возможности осуществления манипулятивного воздействия...</i></p>	<p><i>Эти особенности рекламы как типа текста также говорят о возможности манипулятивного воздействия...</i></p>
<p><i>Мы в своей работе рассматриваем рекламный текст с позиций адресанта.</i></p>	<p><i>Мы рассматриваем рекламный текст с позиций адресанта.</i></p>

<p>2. Уместны ли в данном контексте выделенные слова?</p>		
<p><i>Системная организация лексики художественных промыслов Среднего Урала характеризуется противопоставленностью компонентов ЛСП на одном уровне сразу по нескольким признакам.</i></p>		<p><i>Системная организация лексики художественных промыслов Среднего Урала характеризуется противопоставленностью компонентов ЛСП на одном уровне одновременно по нескольким признакам.</i> <i>(Сразу — из разговорной речи; в литературном языке — одновременно)</i></p>
<p><i>Словообразование и перенос наименования обнаруживают практически одинаковую продуктивность.</i> <i>(практически — наречие из разговорной речи; оно десемантизировано, т.е. не уточняет смысла).</i></p> <p><i>Эти понятия не соответствуют обязательно реальным когнитивным процессам, характеризующим деятельность человека.</i> <i>(обязательно — частица из разговорной речи; синонимична частице <i>только</i>);</i></p>		<p><i>Словообразование и перенос наименования обнаруживают одинаковую продуктивность.</i></p> <p><i>Эти понятия соответствуют не только реальным когнитивным процессам, характеризующим деятельность человека.</i></p>
<p><i>Настоящая диссертация входит в круг проблем современной лингвистики. (<i>Настоящая</i> вместо <i>эта</i> — из делового стиля).</i></p>		<p><i>Диссертация входит в круг проблем современной лингвистики.</i></p>

<p>3. Точно ли употреблены выделенные слова?</p>		
<p><i>Встречаются в изучаемой лексике и отличия в продуктивности мотивировочных признаков, используемых номинаторами.</i></p>		<p><i>Встречаются в изучаемой лексике и различия в продуктивности мотивировочных признаков, используемых номинаторами.</i></p>
<p>Следует различать паронимы отличия чего от чего? и различия между чем и чем?</p>		
<p><i>Когнитивно-функциональный подход позволяет органически соединить и синтезировать достижения...</i></p>		<p><i>Когнитивно-функциональный подход позволяет органично соединить и синтезировать достижения...</i></p>
<p>Следует различать паронимы органически и органично.</p>		
<p><i>Внимание к языку как средству формирования государственной политики особенно актуализируется в периоды социальных потрясений.</i></p>		<p><i>Внимание к языку как средству формирования государственной политики особенно активизируется в периоды социальных потрясений.</i></p>
<p>Следует различать паронимы актуализироваться – становиться актуальным, очень важным для настоящего момента и активизироваться – становиться активнее, деятельнее, оживиться.</p>		
<p><i>Для реализации указанных задач были выбраны следующие методы исследования.</i></p>		<p><i>Для решения указанных задач были использованы следующие методы исследования.</i></p>
<p>Допущено смысловое несогласование в словосочетании <i>для реализации задач</i>; словосочетание <i>выбрать методы исследования</i> предполагает уточнение цели посредством другого словосочетания, а именно <i>с целью (для) применения, использования</i>. Если задан контекст <i>для решения задач</i>, то целесообразно употребить глагол <i>использовать (или применить)</i>.</p>		

4. Правильно ли связаны слова в словосочетаниях?		Необходимо исправить управление
...иллюстрируется на следующих примерах...		...иллюстрируется – (чем?) следующими примерами...
Что? иллюстрируется чем?		
Крайне интересным представляется наблюдение автора о том , что...		Крайне интересным представляется наблюдение автора над тем , что...
Наблюдать что? Наблюдение над чем? за чем?		
Именно в направлении преодоления трактовок о неконкретном характере словесного знака...		Именно с целью преодолеть трактовки неконкретного характера словесного знака...
Преодолеть с целью, для чего? Трактовка чего? (не: о чем?)		
Ключевая проблема о необходимости разграничения... была поставлена		Ключевая проблема о необходимости разграничения... Кроме того, здесь следует устранить избыточное слово; получим исправленный текст: Ключевая проблема разграничения... была поставлена
5. Оправдано ли изменение прямого порядка слов (инверсия)?		Требует исправления
Одной из главных причин их возникновения не только на территории Пермского Прикамья, но и России в целом является недостаточная изученность скоростного строения пород.		Одной из главных причин их возникновения на территории не только Пермского Прикамья, но и России в целом...
Союз <i>не только... но и</i> соединяет однородные члены типа <i>не только Пермского Прикамья, но и России</i> (неверно: не только на территории..., но и России).		

<p><i>Несмотря на стремление сблизить науку с идеологией марксизма, в частности языкознание, Н. Я. Марр все же давал приоритет науке...</i></p>		<p><i>Несмотря на стремление сблизить науку, в частности языкознание, с идеологией марксизма. Н.Я. Марр все же отдавал приоритет науке...</i></p>
<p>Уточнение в частности языкознание относится не к идеологии марксизма, а к науке и должно следовать непосредственно за уточняемым членом предложения.</p>		
<p><i>Актуальность исследования также определяется интересом современного языкознания к маргинальным явлениям языка.</i></p>		<p><i>Актуальность исследования определяется также интересом современного языкознания к маргинальным явлениям языка.</i></p>
<p>См. правильное употребление союза также: <i>Тагильская роспись по металлу насчитывает уже 250 лет своего развития. Резьба по дереву также является одним из древнейших и наиболее распространенных видов декоративно-прикладного искусства.</i></p>		

Наряду с редактированием дотекстовых единиц (словосочетаний, предложений), автору научного текста либо редактору приходится концентрировать внимание на содержании в его целостности. В этом случае осуществляется **текстовый**, а именно научно-стилевой, подход к редактированию.

Как было сказано выше, содержанием научного текста является научное знание — всегда фрагментарное, но представляющее собой объемный, многомерный и в то же время целостный в композиционном отношении конструкт. В соответствии с поставленной целью обратимся к вопросам редактирования с позиций текстового подхода к нему, учитывая целостность текста.

Целостность научного знания (именно как содержания научного текста) предполагает проявление в текстопрождении композиционного мышления ученого. Представляется методологически ценной мысль художника А.В. Свешникова о том, что к теме «композиционное мышление» необходимо подойти с нетрадиционной точки зрения, определяя термин «композиция» не только как главную форму [картины], но и как главную форму художественного диалога между творцом и зрителем. При этом основной задачей

композиционного мышления А. В. Свешников (2001) считает организацию формы такого диалога.

Диалог творца и зрителя, творца и читателя (в сфере художественного творчества), автора-ученого и компетентного читателя (в сфере творческого научного познания) является эффективным, если обеспечивает понимание в соответствии с целью коммуникации. Характер понимания, в свою очередь, определяется целостностью содержания, соответствующей модели, лежащей в основе диалога, который осуществляется автором и читателем в пределах смысловой структуры научного текста.

ГЛАВА III

РЕДАКТИРОВАНИЕ ДОТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ

1. Словосочетание

Внимание к словосочетанию внутри предложения мы соотносим с «точечным» подходом к редактированию текста. При этом словосочетание как «точка» оказывается объемной дотекстовой единицей: оно имеет лексико-грамматическую форму, его компоненты связаны семантически, словосочетание функционирует в составе предложения. Отсюда вытекает необходимость рассмотреть словосочетание, «поворачивая» его той или иной стороной — лексической (семантической), лексико-грамматической, функционально-семантической (последняя в пособии не рассматривается). Дело в том, что каждая из этих сторон готова «расставить ловушки» автору при формировании даже простых словосочетаний, не говоря о построении словосочетаний композитивных. Особые трудности их оформления обусловлены *линейностью* текста, вследствие которой компоненты словосочетания оказываются разрозненными, рассыпанными, удаленными друг от друга, потому связь их не очевидна и требует контроля со стороны автора или редактора.

1.1. Лексическая сочетаемость

Абстрактизация научного стиля речи обусловлена прежде всего психологически и связана с законом экономии. На бессознательном уровне он проявляется в том, что освобождает память от необходимости держать в себе множество частных знаков и удовлетворяет стремлению человека к «семантической краткости» [Фрей 2006:122].

Языковая система, откликаясь на эту потребность человека, сформировала такие общие, родовые знаки, применимые к одному частному значению другого знака в пределах одной части речи; например: *человек, вещь, явление; делать* и др. Среди глаголов группа связочных глаголов есть не что иное, как родовые глаголы (*быть, иметь, становиться, делать*).

Подчеркнем, что негативные явления в тексте в связи с тенденцией к «семантической краткости» относятся не к замене родовыми глаголами или именами существительными (словами широкой семантики), а *совместным* их употреблением. Это, по-видимому, имеет причину в том, что абстрактизацию в научном стиле речи можно понимать как результат действия двух процессов: расширения смысла (до родовой номинации) и его сужения, уточнения (до видового признака). В этом участвуют разные части речи; см. например: схематическое представление *процесса формирования* мысли; *проблема разной степени* жанровой нормы; сам *факт наличия* множества парадигм *в период двадцатых годов XX века*; *свойства иконичности* словообразовательной формы; понимание *феномена иконичности*; актуальность *проблемы знания* языка и владения им; *изучение происходит; познание происходит...*

Абстрактизация содержания в научной речи осуществляется за счет расширения значений, включает индифферентные знаки, позволяющие взаимозаменять противоположности и потому «сэкономить на антонимах» [Фрей 2006:122] — см. предлог *благодаря*, имеющий как положительное, так и — при расширении — отрицательное значение. В функциональном отношении существенно то, что такое расширение не всегда допустимо, поскольку оно сталкивается с другими факторами, оказывающими противоположное действие. В частности, предлог *благодаря* сохраняет свое позитивное лексическое значение, поэтому с номинацией неблагоприятных условий не употребляется; предлог *в направлении* также сохраняет, хотя и частично, лексическое значение, поэтому не может употребляться вместо предлога *с целью* (см.: *Именно в направлении*

[надо с целью. — М.К.] *преодоления трактовок...); предлог с точки зрения* также сохраняет лексическое значение, поэтому неверно употреблять его в контексте типа *с точки зрения системной организации лексики художественных промыслов* или *рассмотрение словообразовательной подсистемы языка с точки зрения когнитивно-функционального подхода*.

В отношении лексической сочетаемости при построении словосочетаний, характерных именно для научной речи, наибольшие затруднения вызывает употребление слов широкой семантики. Речь идет о словах типа *процесс, факт, аспект, проблема, вопрос, явление, наличие, существование* и др. Существительные широкой семантики легко образуют словосочетания, которые становятся стереотипными, например: *аспект изучения, анализа* и др.; *проблему решать, проблему ставить, проблему разрабатывать, проблему формулировать* и др.; *факт установлен, факт рассмотрен, факты подтверждают* и т. д. Вместе с тем понятно, что многообразие познавательных ситуаций требует от автора «выхода» за пределы стереотипных средств выражения мысли, т. е. все новых и новых номинаций. Причем наиболее пригодными в этих условиях являются именно словосочетания. Однако при создании словосочетаний со словами широкой семантики автор не всегда учитывает научно-стилевые особенности значений этих слов, а именно методологическую и аксиологическую их значимость.

Метод познания регулирует практическую реализацию познания, охватывая методику и технику исследования. Именно стратегическая функция метода обуславливает то, что знание как продукт познавательной деятельности предстает перед читателем в определенной познавательной форме. В процессе развития знания его форма усложняется: *факт, классификация, типология, гипотеза, концепция, теория, закон*. Действительно, классификация опирается на описание фактов (включает их), типология представляет собой не что иное, как классификацию по существенным свойствам предметов (явлений), теория

и гипотеза различаются лишь в противопоставлении (гипотеза — недоказанная теория). Поскольку каждая более высокая форма включает в себя (в снятом виде) определенный метод получения знания, «усваивая» также и характер его выражения в тексте, то методологический аспект знания можно рассматривать не только в эпистемическом плане, но и в языковом, в частности текстовом.

Например, общеупотребительное слово *факт* имеет значение «действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло», в то время как в научной речи факт — это не только единичное явление с присущими ему существенными признаками, но и результат обобщения изучаемых явлений, зафиксированный посредством утверждений. Важно, что те или иные научные утверждения включают номинации форм знания, необходимых для фиксации его развития.

Учитывая это обстоятельство, подчеркнем, что автор должен контролировать употребление слов широкой семантики не в общеупотребительном значении, а именно в научно-познавательном. В противном случае такие слова являются избыточными, лишними, причем проявляется лексическая «не-сочетаемость». В приведенных ниже примерах в квадратные скобки заключены избыточные компоненты словосочетаний:

• [*В ходе реализации*] *параметрической методики анализа эффективности [рассматриваемого явления]* *выявляются взаимосвязанные характеристики коммерческих названий* — здесь допущены следующие погрешности: 1) в словосочетании *эффективности... явления* обнаруживается лексическая несочетаемость, поскольку эффективностью может характеризоваться не явление, а какое-либо действие (см.: *эффективность применения методики...*, *эффективность использования методики* и т.п.); 2) каламбур *явления выявляются...*; 3) избыточность неинформативных в предложении словосочетаний *в ходе реализации, рассматриваемого явления*;

лучше: *Применение параметрической методики* [из контекста ясно, что речь идет об *анализе коммерческих*

названий] позволяет выявить взаимосвязанные характеристики коммерческих названий.

• Впервые [**факт**] устойчивости словосочетаний в функции наименования был засвидетельствован Ф. Ф. Фортуновым.

Ясно, что была замечена и засвидетельствована, описана *устойчивость*, а значит, слово *факт* использовано в общеупотребительном значении, поэтому является избыточным. (Ср. в шуточном контексте, построенном на избыточности: *Факт наличия присутствия Алеши Иванова на лекции.*) То же самое можно сказать и о следующем предложении со словом *факт*:

• *Признание коммуникативной нормативности основывается на факте общественного одобрения, а также на основе массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации.*

В этом предложении слово *факт* избыточно, кроме того, допущена тавтология *основывается на основе*. Еще примеры:

• [**Феномен** — избыточное слово] *разнообразия форм существования эмоций в психике и художественном предмете не изучался в психологии искусства ни в теоретическом, ни в эмпирическом ключе, хотя в ряде исследований отдельные аспекты данной проблемы [какой?] затронуты достаточно глубоко и детально* [семантическая несочетаемость];

• *Представление результатов факторизации... трансформирует проблему [анализа] эффективности коммерческих названий...*

• *...разграничение темпоральных и аспектуальных значений проводилось в аспектах морфологической и синтагматической семантики, семантики предложения, темпорального и аспектуального контекста... Выявление темпорально значимых и аспектуально значимых компонентов в названных семантических параметрах [лучше заменить, повторив: в аспектах...] дало возможность определить...*

Иногда не учитываются различия между общеупотребительным и научно-стилевым значениями слов *проблема* и *вопрос*. Отсюда возникают научно-стилевые погрешности в использовании этих слов в следующих контекстах:

• *В.В. Виноградов... решает проблему характеристики стиливых особенностей произведения А.С. Пушкина «Пиковая дама».*

Данный контекст формирует смысл: «трудности характеристики», в то время как более широкий контекст подсказывает, что речь идет о принципах изучения стиливых особенностей произведения, следовательно, мысль выражена автором неточно, а слово *проблема* избыточно. Подобная речевая ситуация возникает и в следующих предложениях:

• *Проблемы изучения текстуальности речевых произведений* (актуализируется значение ‘трудности’).

• *Вопрос об изучении наименований лиц по профессии..., о рассмотрении их как системы имен... до сих пор не решался.*

Лексическая несочетаемость имеет место в тех случаях, когда слово широкой семантики вовлекается в процесс контаминации типа

выполнять функцию — играть роль
выполнять роль (неверно)

или:

оплачивать проезд — платить за проезд
оплачивать за проезд (неверно).

Например:

• *[Свою] регулятивную роль публицистика выполняет [в значительной мере] посредством поиска путей решения проблем* (смысл этого предложения может быть передан так: *Регулятивную функцию публицистика выполняет, осуществляя поиск путей решения проблем*).

• *[Роль] жанровой гипотезы адресата... состоит в «формулировании» вопросов — вместо: Жанровая гипотеза адресата состоит в «формулировании» вопросов;*

а также: [**Необходимость**] развития учения о толковании уголовного закона **представляется перспективной** – **вместо: Учение** о толковании уголовного закона **представляется перспективным**, (поскольку не сочетается **необходимость представляется перспективной**); контаминация здесь проявляется следующим образом:

Необходимо развивать учение о толковании уголовного закона – Развитие учения о толковании уголовного закона **представляется перспективным** > объединение компонентов двух предложений приводит к порождению неверной конструкции **необходимость представляется перспективной**.

- **Перед переводчиком** стоит задача выявить и передать [**типы**] отношений между отдельными концептами – **вместо: ...выявить и передать отношения между отдельными концептами.**

- Это обуславливает актуальность и целесообразность [**использования**] функционально-семантического [**направления**] при анализе грамматических категорий... – **вместо: Это обуславливает актуальность и целесообразность функционально-семантического анализа грамматических категорий...**

- Предложенная дифференциация темпоральных и аспектуальных значений претеритальных форм французского глагола и разработанная на основе [**использования** – избыточность] единого подхода к анализу глагольных словоформ в разноструктурных языках классификация...

- Каждый тип жанра определяется не только под влиянием [**выполняемой им**] **целеустановки** – **вместо: под влиянием целеустановки** (не сочетается выполнять целеустановку).

В следующем предложении:

- Представления о возможности произведений искусства производить эмоциональные свойства благодаря **их** [произведений или свойств?] знаковой природе... – допущены неточность словоупотребления

(нельзя **производить** эмоциональные свойства, иметь **представления** о возможности), тавтология (о возможности **произведений** искусства **производить**), неполнота (**производить** эмоциональные **свойства** — чего?), нечеткое соотнесение притяжательного местоимения *их*.

Итак, слова широкой семантики *факт, явление, аспект, проблема, функция* и под., а также глаголы *осуществлять, происходить, производить* и др. имеют в научном тексте значения, отличающиеся от общеупотребительных. Использование этих слов в общеупотребительных значениях приводит к их избыточности.

Слова широкой семантики *факт, явление, состояние, свойство, признак, динамика, процесс* и другие используются лишь как абстрактные (из-за обобщенности) «заместители» номинаций частных понятий. См., например: *этот факт, это явление, такое состояние, все эти свойства, эти признаки, установлена динамика этих действий, стеклообразование — этот процесс* и мн. др. Слова широкой семантики образуют так называемые восполняющие словосочетания, с необходимостью «притягивающие» распространители — управляемые слова: *Решить задачу — решение задачи — процесс решения задачи* (не всегда уместно) — **такое решение задачи — такое решение — этот процесс**.

Вместе с тем распространители, а значит, они же конкретизаторы, в силу своей *абстрактности*, причем *большой, чем присуща определяемым словам*, по существу не являются конкретизаторами. Отсюда вывод: они избыточны. Поэтому представляется неоправданным употребление слова крайне широкой семантики *происходящая* в сочетании с термином (абстрактным по семантике словом) *динамика*:

• Информирование о [*происходящей* в недавнее время] динамике...

Однако ясно, что и без конкретизаторов такие термины, например, отглагольные и отадъективные существительные типа *действие* — от *действовать*, *динамика* — от *динамичный* и др. не могут употребляться. На этом основании

рассматриваемое предложение оказывается неверным, несмотря на то что мы устраним избыточное словосочетание *происходящий в недавнее время* и получим:

Информирование о динамике — это осведомление читателя о событиях и процессах в обществе, о *ходе* и результате ее *протекания*, о месте, причинах и целях *этой динамики*.

Чтобы научиться избегать лексической несочетаемости слов широкой семантики, важно пристально рассматривать — отдельно от контекста — словосочетания с ними. Например:

• *Это требует от переводчика углубленной деятельности по освоению новых («чужих») понятий специального знания, включающей те же параметры, которыми характеризуются деятельность автора исходного научного текста.*

Рассмотрим погрешности: 1) смешение паронимов *действие* — *деятельность*; *деятельность по освоению понятий* — **вместо:** *действия по освоению понятий* либо *деятельность, связанная с освоением понятий*; 2) управление: *понятий специального знания* — **вместо:** *понятий* (в области чего?) *в области специального знания*; 3) неточность словоупотребления: *деятельности..., включающей те же параметры* — **вместо:** *деятельности..., соответствующей тем же параметрам.*

Отредактированное предложение имеет вид:

Это требует от переводчика углубленной деятельности, связанной с освоением новых для него («чужих») понятий в области специального знания и характеризующейся теми же параметрами, что и деятельность автора исходного научного текста.

Со словами широкой семантики образуются стереотипные словосочетания; см., например: *аспект изучения, разработка проблемы, достижение цели* и др.

Кроме того, слова широкой семантики требуют точного (правильного) грамматического оформления в составе словосочетания. Приведем пример предложения с лексическим и грамматическим «перевертышами»:

• Модель Ю. Борева дает **центрированное представление** (чего? **вместо:** о чем?) **смыслового расслоения текста**. Отредактированный вариант: *Модель Ю. Борева дает представление о центрированном расслоении текста.*

Еще пример:

• **Предпосылкой этому** (следует — чего? **этого**) мы считаем изучение законов **динамики** различных **аспектов** (лексическая несочетаемость: **динамика аспектов**) **текста** (следует: **аспектов исследования текста**), **взаимодействие которых** (законов или аспектов?) **ведет к многообразию форм текстового развития.**

Ясно, что редактирование приведет к упрощению предложения: *Предпосылкой этого мы считаем изучение законов динамики текста* (далее по тексту). Слово-сочетание *предпосылкой этому* (где должна быть управляемая форма в Р. п.) возникло, по-видимому, как результат контаминации со словосочетанием *объяснение этому*, возможным наряду со словосочетанием *объяснение этого*. См.:

предпосылка этого — объяснение этому

предпосылка этому (неверно).

Напрашивается вывод: лексическая сочетаемость нуждается в «поддержке» со стороны грамматической сочетаемости.

Внимание автора и редактора привлекают также словосочетания со словами, которые условно можно назвать **словами ограниченной семантики**. Мы имеем в виду прилагательные **разные, различные**, при употреблении которых «правит бал» их семантика, на первый взгляд, совершенно не предвещающая трудностей в употреблении этих слов. Однако наблюдения показывают, что эти прилагательные употребляются лишь в форме множественного числа, за исключением словосочетаний с собирательными существительными типа *разный народ*. Поэтому ошибочным является употребление словосочетаний *различный подход, различным образом, характер...*

будет различным в единственном числе в следующем контексте:

- *Необходим **различный подход**, например, в юридической практике к внешне аналогичным проявлениям инвективности в разных коммуникативных сферах [**например** — избыточное вводное слово];*

- *...жанровых норм, **различным образом** [точнее: по-разному] кодифицированных;*

- *...данный речевой жанр имеет четырех адресатов..., поэтому **характер** информативного воздействия каждого из них **будет различным** [лучше: данный речевой жанр имеет четырех адресатов..., поэтому их информативное воздействие будет различным].*

Интересно употребление глаголов *совпадает* (что с чем?) и *совпадают* (что с чем? и что?), а также *сравнивать* (что и что? или что с чем?). Например:

- *В межкультурном взаимодействии **код**, избранный коммуникантами для [осуществления — избыточно] совместной речевой деятельности, **совпадает** частично — неполнота: код совпадает с чем?*

- ***Сравнивая логику** развития указанных концепций... — необходимо уточнить: **сравнивая логику** и что? или: **сравнивая логику** с чем?*

Лексическая не-сочетаемость имеет место в случаях смешения **паронимов**: например:

- *Результаты **предпочтительности** того или иного коммерческого наименования... согласуются с принципом актуализации потребностей —*

Вместо: *результаты предпочтения* (отглагольное существительное); допущено смешение паронимов *предпочесть — предпочтение* и *предпочтительный — предпочтительность*.

Лексическая сочетаемость нарушается при **тавтологии** (неоправданном повторе); например:

- *Нужно к тому же иметь **в виду**, что само понятие **вида** духовной социокультурной деятельности в неявном **виде** содержит представление...;*

Наряду с **использованием** эксплицитных лексических средств создания конфликтного смысла в текстах широко **используются** импликации; Условно соотношение... признаков коммерческой номинации можно **изобразить** следующим образом;

- Оценка текстов-сценариев речевого поведения [производится в **предельных границах**]: положительные сценарии, построенные в соответствии с коммуникативной нормой, и отрицательные, демонстрирующие нарушение нормы.

Освободившись от абстрактного компонента аналитического словосочетания оценка **производится** и избыточного тавтологического словосочетания *в предельных границах*, последнее предложение примет следующий вид:

Тексты-сценарии речевого поведения оцениваются либо как положительные, построенные в соответствии с коммуникативной нормой, либо как отрицательные, демонстрирующие нарушение нормы.

Еще примеры:

- Некоторые авторы... выделяют два параметра, **характеризующие** причины и **характер** конфликта;

- В конструкциях последнего типа особое **значение** при реализации **значения** времени имеет темпоральная семантика вспомогательного глагола... — **вместо:** ... при реализации значения времени особую **роль играет** темпоральная семантика...;

- Главной же, неотъемлемой **характеристикой** деятельности является ее осознанный **характер**...

1.2. Лексико-грамматическая сочетаемость

Лексическая сочетаемость, даже если она вполне оправдана языковой нормой, без чувства меры может привести к излишествам. Это относится к сложным композитивным словосочетаниям. Мы имеем в виду прежде всего «**генитивные цепочки**», или цепочки имен существительных в Р. п.; например:

• Нельзя не указать на необходимость продолжения (Р. п.) изучения (Р. п.) языковой политики (Р. п.) советского государства (Р. п.) –

лучше: Следует отметить необходимость продолжить изучение языковой политики советского государства;

• Диалогичность выражается в разнообразных формах – способах отражения (Р. п.) **характера** (Р. п.) **взаимодействия** (Р. п.) смысловых позиций (Р. п.) общающихся (Р. п.) –

лучше: Диалогичность проявляется в разнообразии способов, которыми представлены в текстах смысловые позиции общающихся;

• Понятие жанровой модели адресата ввел М. М. Бахтин для **выявления** (Р. п.) [**характера** (Р. п.)] **воздействия** (Р. п.) этого **фактора** (Р. п.) на продуцирование того или иного речевого жанра –

легко заменяется на: с целью выявить воздействие этого фактора...

• Изучение свойств (Р. п.) жанровой модели (Р. п.) адресата (Р. п.) и выработки (Р. п.) типологии (Р. п.) текстов (Р. п.) с учетом различий (Р. п.) этой модели (Р. п.) особенно необходимы в журналистике –

в начале этого предложения лексико-грамматическая сочетаемость выдержана: правильно построено композитивное словосочетание *изучение свойств жанровой модели адресата*, соответствует грамматической норме, если рассматривать его изолированно, без контекста, словосочетание *выработки типологии текстов*. Лексико-грамматическая сочетаемость нарушена в следующих случаях: 1) неправомерно объединены в один ряд однородных членов компоненты разных словосочетаний *изучение свойств и выработки*; 2) недостаточен в смысловом отношении компонент-словосочетание *с учетом различий этой модели* – требуется уточнение: *различий чего с чем?* или *чего и чего?*; 3) отрыв компонента *с учетом различий этой модели* от определяемого слова *изучение* (см. *изучение свойств жанровой модели адресата*...

с учетом различий (лучше было бы использовать слово *вариантов*) *этой модели*. Не изменяя смысла, но исправив эти погрешности, получим предложение:

В журналистике необходимо изучить свойства жанровой модели адресата и на ее основе разработать типологию текстов.

Лексико-грамматическая связь, можно сказать, отсутствует или, точнее, «невыражена», когда один из компонентов семантической валентности опущен:

совпадает что с чем? *совпадают* что с чем? что и что?

Потому неверно:

- *Взаимодействие представителей одной лингвокультурной общности заведомо более успешно, поскольку их языковой код совпадает [в большей степени – избыточно], нежели код представителей разных лингвокультур.*

Лексико-грамматическая несовместимость может возникнуть при употреблении сочетания существительного с предлогами *с точки зрения, за счет*, которые частично сохраняют лексическое значение. Так, определенную «шероховатость» редактор может зафиксировать в предложении:

- *С точки зрения правового пространства естественного русского языка инвективность и инвективные средства выполняют функцию вербализации языковой агрессии или языкового насилия.*

С учетом рассмотренных погрешностей можно исправить предложение следующим образом:

С правовой точки зрения (или: с точки зрения права), инвективные единицы функционируют как средства вербализации языковой агрессии или языкового насилия.

Погрешности: 1) лексически не сочетается *с точки зрения пространства*; 2) *естественного русского языка* – в контексте статьи нет противопоставления *естественного – искусственного, русского – других языков*, значит, данное уточнение избыточно; 3) *инвективность*

(абстрактное, категориальное понятие) не может *выполнять функцию* вербализации.

См. также:

- *Языковой код представляет интерес с точки зрения принадлежности* субъектов коммуникации [к] той или иной лингвокультуре;

- *Лирический герой Лермонтова становится узнаваем именно за счет сохранения* на протяжении всего лирического контекста целого ряда сопутствующих ему мотивов... —

вместо: *Лирический герой Лермонтова на протяжении всего лирического контекста становится узнаваемым благодаря сохранению* целого ряда сопутствующих ему мотивов...

или: *На протяжении всего лирического контекста лирический герой Лермонтова становится узнаваемым именно за счет* целого ряда сопутствующих ему **мотивов...**;

- *Мотив взгляда связующего создает [некую] иллюзию коммуникации за счет того, что в поэтический текст, помимо фигуры лирического героя, вводится [еще] фигура другого субъекта, чаще всего героини* —

вместо: *Мотив взгляда связующего создает иллюзию коммуникации, благодаря тому что* в поэтический текст, помимо фигуры лирического героя вводится фигура другого субъекта, чаще всего героини;

И наоборот, **вместо:**

- *Сфера действия* этих типов детерминации **расширяется**, причем не только **на активность**, но и **на образование** подсистем индивидуальности-системы... целесообразно употребить предлог **за счет**:

Сфера действия этих типов детерминации **расширяется за счет активности** индивидуальности-системы, **а также образования** ее подсистем.

[Союз *а также* здесь предпочтительнее потому, что он имеет присоединительное значение, а не соединительное,

присущее союзу **и**, употребление которого было бы неточным];

• [Факт] стилистической дифференциации свидетельствует **ко всему прочему** [кроме всего прочего] о том, что... —

вместо: Кроме всего прочего, стилистическая дифференциация свидетельствует о том, что...**или:** имеет место стилистическая дифференциация. **Этот факт** свидетельствует, кроме всего прочего, о том, что...

Таким образом, при «составлении» даже атомарных, т. е. минимальных, словосочетаний автор должен обращать внимание на их лексико-грамматическую сочетаемость, т. е. лексическое значение отобранных для выражения мысли слов и грамматическое оформление связи этих слов. Ясно, что авторского и редакторского контроля требуют и композитивные словосочетания, составленные из простых словосочетаний. В добавление к приведенным примерам см. также:

• **Целый ряд лингвистических понятий, категорий и явлений** могут [нужна форма ед. ч.] изучаться одновременно или параллельно, но с разных сторон. Здесь номинации понятия, категории и явления не могут составлять ряд однородных членов, так как **понятия** и **категории** — гносеологические сущности, а **явления** — онтологические. Не грамматическая, а научно-стилевая специфика контекста позволяет выявить лексико-грамматический недочет (невозможность входить в один ряд однородных членов).

Зафиксирована неоправданная **инверсия** компонентов словосочетания в предложениях:

• Было установлено, что этот экзоэффект связан с окислением **мало** количества магнетита, находящегося в виде примеси —

вместо: ...с окислением **магнетита** в малом количестве...

• ...**тех** компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретают характер взаимодействия —

вместо: ...тех компонентов, взаимодействие и взаимоотношение которых приобретают характер взаимодействия.

• Здесь фиксируются этапы (начало, продолжение, завершение события), **у действий обозначаются** временные границы, есть указания на результативность, завершенность и кратность действий –

вместо: ...обозначаются временные **границы** (чего?) **действий**, указывается на результативность, завершенность и кратность действий.

Нарушения лексико-синтаксической сочетаемости проявляются и в случаях избыточности слова широкой семантики (в данном случае таким является слово *характер*):

• Однако **характер** этого варьирования **отличается от варьирования** в сфере субъектно-объектной интерпретации.

2. Предложение

2.1. Лексическая сочетаемость

Перейдем к рассмотрению таких дотекстовых единиц, как сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Отклонения от нормативного, правильного построения этих единиц связаны с лексической и лексико-синтаксической сочетаемостью. Лексическая не-сочетаемость проявляется 1) в неоправданных повторах лексических единиц в разных частях сложного (и даже простого) предложения, 2) в избыточных компонентах 3) и неоправданной неполноте предложения.

Как подчеркивает Н. К. Рябцева, главным «натуральным» свойством естественного интеллекта является принципиальная ограниченность его возможностей, которую человек всячески, сознательно и подсознательно, стремится преодолеть, компенсировать разнообразными способами и средствами. «Наиболее яркое, значимое и “экономичное” из них – способность языка запечатлевать и передавать неявно выраженные, имплицитные знания, информацию

и опыт, передавать и хранить больше, чем на это потрачено “средств”» [Рябцева 2005: 17].

Это позитивное сущностное свойство языка, переходя «границы дозволенного», в речи приводит к нецелесообразной неполноте выражения мысли. В научном тексте в таких случаях можно наблюдать «сбой» коммуникативного контакта читателя и автора. Так, неполнота выражения мысли приводит к неопределенности понимания высказывания в тексте. Конечно, неопределенность в самом познании даже необходима в том смысле, что ориентирует адресата на активность мысли, способствующую расширению границ интерпретации текста, более глубокому пониманию текста. Из-за ограниченности знания со стороны автора неизбежна неопределенность содержания, связанная с осознаваемым незнанием. Кроме того, в тексте может возникнуть «случайная» неопределенность, обусловленная недостаточно ясным выражением мыслей, связей между ними или их квалификаций: «Сказать нечто неопределенное психологически значительно легче, чем потрудиться точно, поэлементно обозначить имеющееся или возникающее представление» [Мучник 1985: 182]. В отношении культуры речи и коммуникации существенно то, что «*неосознаваемая* неопределенность изложения имеет прямое отношение к адресату — она затрудняет восприятие текста» [Рябцева 2005: 472].

Избыточность выражения мысли может быть обусловлена синтезирующим изложением знания, т. е. изложением посредством речевых вариативных повторов. Позитивная роль таких повторов связана с тем, что они выражают качественно иное знание сравнительно с «опорным, тезисным» либо аргументирующим. Различия проявляются как в формально-логическом отношении (исходное утверждение представляет собой частное суждение, повторяющееся — общее по отношению к частному), так и в оценочном отношении (выражено знание разной степени достоверности). Синтезирующие речевые повторы окружены особой информацией, которая подчеркивает движение мысли от гипотетического знания к все более доказанному,

достоверному. Однако, несмотря на очевидную позитивную роль синтезирующих повторов в научном тексте, их использованием должны «управлять» целесообразность и чувство меры, чтобы читателю вслед за автором не приходилось «толочь воду в ступе». Яркой иллюстрацией нецелесообразного повтора в минимальном контексте является тавтология; см., например:

• *Наш выбор обусловлен... ее комплексным характером, т. е. объединением в единую систему данных лингвистики, психологии, педагогики, культурологии...; в процессе информационного обмена, базирующегося на общем базисе конвенциональных и разделяемых социумом знаний.* Нецелесообразный смысловой повтор допущен автором в контексте «общее — частное» при смежном употреблении слова широкой семантики типа *факт, явление, процесс* и мн. др. со словом, обозначающим частное — по отношению к общему понятию. См., например:

• *Студенты стали более осознанно подходить к процессу организации самостоятельной учебной деятельности — неверно; в то же время соответствует текстовой норме: Студенты стали более осознанно подходить к организации самостоятельной учебной деятельности. Этот процесс...*

Как известно, сила мысли субъекта познания проявляется в соединении ранее несоединимых понятий. Однако иногда трудно установить предел допустимого соединения содержания, причем содержания не в соответствии со здравым смыслом, а в соответствии со структурированием лексики с учетом методологии познавательного процесса. См., например:

Исследование основывается на взглядах Ю. Н. Караулова о роли родного языка как основе развития личности.

Приведем примеры — соответственно:

(1) • *Важный конституирующий признак иронии — наличие специальных сигналов иронии в самом ироническом высказывании;*

• Тенденция к дифференциации в гораздо более эффективных **формах** осуществляется либо в контрастных **формах** (т.е. в **формах** отмеченной специализации), либо, напротив, в **формах** правильной литературной речи при имплицитной актуализации особых смыслов (плюсы и минусы есть у обеих названных **форм**), но у **формы** с паронимическим смещением минусы явно доминируют над плюсами —

многократный повтор слова **формы**: в гораздо более эффективных **формах**, в контрастных **формах**, в **формах** специализации, в **формах** правильной литературной речи, у обеих названных **форм**, у **формы** с паронимическим смещением — с разными определениями, по существу конкретизирующими не одно значение слова **форма**, а в каждом случае свое, явно не «срабатывает» функционально, поскольку не уточняет, расширяя, значение слова, а притягивает, не объединяя, разные значения. Это приводит к затруднению восприятия текста, «рассеянности» смысла. Нечетко эксплицированное (выраженное) автором знание порождает поверхностное (из-за неясности) восприятие его читателем.

Исправленный вариант предложения может быть следующим:

Тенденция к дифференциации более ярко проявляется либо в контрастных формах, употребляемых в профессиональной и литературной речи, либо в формах литературной речи при актуализации особых смыслов (в обоих случаях есть плюсы и минусы; при этом при паронимическом смещении минусы явно доминируют над плюсами).

(2) Избыточность из-за многословия, насыщения текста: а) малоинформативными словами со значением бытия, существования, наличия; б) отглагольными существительными; в) словами с модальным значением:

• *Актуальность исследования определяется... [возникновением в обществе] потребности в оптимизации [процесса] формирования коммерческих названий, в [необходимости] обобщения результатов*

исследований отечественных и зарубежных ученых в этой сфере и разработки рекомендаций по эффективной коммерческой номинации.

В этом предложении:

а) избыточные слова [отмечены квадратными скобками] затемняют смысл предложения, поскольку «утяжеляют» форму его выражения (см.: *возникновением в обществе потребности в оптимизации процесса...* и т. д.);

б) на фоне лексической избыточности легко возникает синтаксическая контаминация словосочетаний *определяется возникновением потребности* и *заключается в необходимости* (последнее возможно, но неверно), последствия которой проявляются в словосочетаниях «молекулярного» характера (см.: *определяется возникновением потребности... в необходимости* обобщения результатов — **вместо:** *потребности в обобщении результатов*);

в) сочинительный ряд *в оптимизации..., в необходимости* построен из неоднородных по смыслу членов предложения (с одной стороны, отглагольное существительное *оптимизировать* — *оптимизация*, с другой — существительное, образованное от модального слова *необходимо* — *необходимость*).

После редактирования предложение может стать более простым и доступным пониманию читателя:

*Актуальность исследования определяется потребностью в **оптимизации** формирования коммерческих названий, **обобщении** результатов исследований отечественных и зарубежных ученых в этой сфере и **разработке** рекомендаций по эффективной коммерческой номинации.*

Еще пример:

• *Несколько иная линия развития представлений об инобытии состоит в изучении влияний входящих в его состав процессов воплощения и превращения на формы существования художественного предмета.*

Данное предложение, состоящее из 24 словоупотреблений, включает только один глагол, но шесть

отглагольных существительных и одно причастие, значит, может быть «развернуто», трансформировано в восемь предикативных единиц (простых, но вместе с тем самостоятельных предложений; см.: *развития представлений об инобытии > представления об инобытии развиваются; в изучении влияний > влияния изучаются; влияний процессов > процессы влияют; существования художественного предмета > художественный предмет существует* и др.). Кроме того, в словосочетании *процессов воплощения и превращения* слово широкой семантики *процессы* называет общее понятие по отношению к частным *воплощение* и *превращение*, поэтому связка *являться* может сформировать еще одну предикативную единицу с ассоциативными отношениями «частное — общее»: *воплощение и превращение являются процессами*. Такое количество скрытых предикативных единиц весьма непросто уложить в одно предложение. Необходимо произвести следующие действия:

а) найти «моменты избыточности» и удалить их из предложения. Стремление к упрощению облегчит поиск: очевидно, что в контексте предложения неинформативны слово широкой семантики *процессы* и существительное *существование*, образованное от глагола с крайне абстрактным значением *существовать*;

б) найти компоненты смысла, которые можно оформить посредством однородных членов; в данном предложении такая возможность заложена в «молекулярном» словосочетании *в изучении влияний входящих в его состав процессов воплощения и превращения*, которое легко заменить на конструкцию с однородными членами: *в изучении воплощения и превращения, входящих в его состав и влияющих...*;

в) подобрать замену словосочетанию с несочетаемыми компонентами *линия развития состоит в изучении*.

В результате редакторской работы с рассматриваемым предложением оно могло бы принять следующий вид:

Несколько иная линия развития представлений об инобытии соотносится с изучением воплощения

и превращения [чего во что? — неполнота восстанавливается из широкого контекста монографии], **входящих** в его состав и **влияющих** на формы художественного предмета.

(3) Неполнота выражения мысли из-за неправильного оформления управления при однородных членах:

• Таким образом, можно констатировать, что **потребность и основания**, что не менее важно, в выделении юридической лингвистики как самостоятельной специальности имеется —

с одной стороны, избыточность речи, а именно многословие, с другой — неполнота выражения мысли требуют исправления предложения, которое в отредактированном виде будет следующим:

Таким образом, можно констатировать потребность в юридической лингвистике и наличие оснований для ее выделения как самостоятельной специальности;

Смысловая неполнота вследствие алогизма:

• *Распространенность данных текстов в СМИ может восприниматься негативно [скачок. — М. К.], однако, во-первых, [алогизм] для изменения ситуации пока нет реальных условий, а во-вторых, это [что?] привело бы к ограничению возможностей [чего?] и, следовательно, торможению естественного развития маркетинговых коммуникаций.*

После исправления предложение может иметь вид:

Распространенность данных текстов в СМИ может восприниматься негативно и привести к изменению, которое вызвало бы торможение развития маркетинговых коммуникаций. Однако для изменения ситуации пока нет реальных условий.

Еще пример:

• *В работе [11] предложен метод оценки энергий связей в нитридах титана и циркония, основанный на предположении существования [вместо: о существовании] двух подполос энергий, отвечающих связям $M - M_i$ $M - N$. Этот метод очень близок к подходу Мюллера **вычисления** (Р. п.) энергий связей в стеклах —*

в этом предложении погрешность имеет психологический характер: близкие по семантике (почти синонимы) слова *метод* и *подход* восприняты автором как взаимозаменяемые, причем не только семантически, но и грамматически, что и привело к нарушению грамматической связи слов в словосочетании *к подходу Мюллера вычисления энергий связей* (**вместо:** *к подходу Мюллера к вычислению (Д. п.) энергий связей в стеклах* или — что лучше, поскольку можно **избежать повторения двух существительных в Д. п.** — *к подходу Мюллера в отношении вычисления энергий связей в стеклах*).

• *На всем протяжении развития философской и логической мысли познающий окружающий мир человек оставался обезличенным* —

здесь рядом оказались имена существительные *мир* в В. п. и *человек* в И. п.; это создает трудность при восприятии содержания, поэтому **предпочтительнее** был бы вариант с причастным оборотом после определяемого слова:

На всем протяжении развития философской и логической мысли человек, познающий окружающий мир, оставался обезличенным.

2.2. Лексико-синтаксическая сочетаемость

К речевым погрешностям в области лексико-синтаксической сочетаемости можно отнести случаи нарушения правильного, т. е. нормативно принятого в русском языке, порядка слов. В частности, погрешностями являются:

1) дистантность компонентов словосочетания, функционирующего как один член предложения, например:

подлежащего:

• *Оценка объективна как информация о субъекте в том смысле, что она сообщает, как субъект относится к данному объекту* —

вместо: *Оценка как информация о субъекте объективна в том смысле, что она сообщает, как субъект относится к данному объекту;*

определения (либо определяемого слова от придаточного определительного):

*В связи с этим возрастает возможность неверного истолкования **переводчиком** нового знания, **который** не всегда может ориентироваться в ценностях, целях и оценках результатов научных исследований...*

вместо: *В связи с этим возрастает возможность неверного истолкования нового знания **переводчиком, который...***

дополнения:

*Учет когнитивной стороны гипотезы адресата информационных жанров **приводит к** [чему?] **необходимости** для предвосхищения возможного недопонимания прояснять, уточнять отдельные позиции информирования —*

вместо: *Чтобы предупредить [не предвосхитить, т. е. опередить, предугадать] возможное недопонимание, необходимо учитывать когнитивную сторону гипотезы адресата информационных жанров, а значит, прояснять, уточнять отдельные позиции информирования.*

Требует редактирования и нецелесообразная инверсия. Например, «столкновение» двух дополнений, выраженных словосочетаниями «прилагательное + существительное в форме Д. п.»:

*При обучении **иностранному языку** **коммерческим письмам** уделяют особое внимание —*

вместо: *При обучении **иностранному языку** особое внимание уделяют **коммерческим письмам**;*

обстоятельства (обстоятельственного детерминанта):

Так что именно диалогичность является определяющим признаком речевого жанра у Бахтина как единицы речевого общения и деятельности людей

— в соответствии с порядком слов в этом предложении возможно объединение слов в одну неудачную синтагму (смысловое целое) у Бахтина как единицы речевого общения; ясно, что необходимо изменить порядок слов:

В концепции Бахтина именно диалогичность является определяющим признаком речевого жанра как единицы речевого общения и деятельности людей.

См. также:

- *...исследователь не ставит перед собой задачи анализа в связи с этим проблем диалогичности*

— обстоятельственный детерминант в связи с этим необходимо «вернуть на место» — в начало предложения, которое будет иметь вид: **В связи с этим** исследователь не ставит перед собой задачи изучать нормы диалогичности.

- *Закономерно в смысловой позиции коммуниканта применительно к газетным жанрам представить, по крайней мере, перечисленные три аспекта —*
вместо: *Применительно к газетным жанрам в смысловой позиции коммуниканта закономерно представить по крайней мере три перечисленных аспекта;*

- *Внешний мир уже в раннем творчестве Лермонтова, безусловно, обретает свое звучание —*

вместо: *Безусловно, уже в раннем творчестве Лермонтова* внешний мир обретает свое звучание

или: *Уже в раннем творчестве Лермонтова* внешний мир, безусловно, обретает свое звучание;

- *Воздействие при информировании, оценке и побуждении* осуществляется журналистом как предвосхищение ответа адресата —

вместо: *При информировании, оценке и побуждении* воздействие осуществляется журналистом как предвосхищение ответа адресата,

в то время как наречие «не на месте» (либо в анафорической позиции предложения, либо «оторвано» от глагола);

- *Нередко* судебные лингвистические экспертизы производятся при рассмотрении дел в Конституционном суде РФ —

вместо: *Судебные лингвистические экспертизы нередко* производятся при рассмотрении дел в Конституционном суде РФ;

- *...при таких формах речевого поведения и коммуникативного взаимодействия всегда* права личности адресата **будут ущемлены** —

вместо: *...права личности адресата всегда будут ущемлены;*

обстоятельственный детерминант — в соответствии с грамматической нормой — занимает позицию в начале или конце предложения.

• *Исследования восприятия текста на иностранном языке, проведенные под нашим руководством и с использованием той же методики С. П., показали, что в этом случае...*

• контекст предложения определенно свидетельствует о том, что союз **и** здесь избыточен, а *методика разработана С. П.*, в то время как более широкий контекст позволяет понять следующий смысл:

Исследования восприятия текста на иностранном языке, проведенные С. П. под нашим руководством с использованием той же методики [которая описана автором выше в тексте], показали, что в этом случае...;

2) «стяжение» синтаксической структуры предложения; в этом случае необходимо восстановить пропущенное управляемое слово, словосочетание либо синтаксическую конструкцию:

• *Автор использует многочисленные повторы ключевых слов, что позволяет не забывать [что? о чем?] и не отвлекаться от основной темы обсуждения.*

• *Если суммировать высказывания специалистов, то информационное общество — это общество, уровень развития которого... — здесь следует восстановить компонент «можно считать, что», тогда получим предложение: Если суммировать высказывания специалистов, то можно считать, что информационное общество — это общество, уровень развития которого...*

• *Тем самым в жанровой концепции адресата такое свойство когнитивного аспекта, как предметные информационные запросы, которое, перефразируя известное высказывание Ст. Гайды..., можно назвать*

«содержательный горизонт ожиданий адресата», дифференцирует информационные жанры.

Это предложение можно сравнить с кубиками, собранными не в соответствии с «картинкой». Каждый кубик имеет свой — «правильный» — рисунок (в данном предложении лишь в одном фрагменте нарушено управление: *можно назвать «содержательный горизонт ожиданий адресата»* **вместо:** *можно назвать «содержательным горизонтом ожиданий адресата»*). Однако порядок смысловых единиц требует исправления:

Тем самым в жанровой концепции адресата один из компонентов ее когнитивного аспекта дифференцирует информационные жанры. Таким дифференцирующим компонентом являются предметные информационные запросы, которые, перефразируя высказывание.., можно назвать «содержательным горизонтом ожиданий адресата».

При редактировании пришлось заменить некоторые словосочетания, например, **свойство когнитивного аспекта** на **компонент когнитивного аспекта**, так как *предметные информационные запросы* можно рассматривать в качестве **компонентов**, но нельзя — как **свойство** (чего бы то ни было), определение **известное высказывание Ст. Гайды** можно считать избыточным, так как читателю малодоступна работа польского исследователя Ст. Гайды, опубликованная в 1986 г. Перенасыщение структурно-смысловыми единицами усложняет восприятие текста читателем, поэтому предпочтительнее разделить предложение на два самостоятельных.

Следует отметить, что нарушение порядка слов, простых и композитивных словосочетаний, расположение их без учета смысловой связи в целом сложном предложении приводит к неясности, а в некоторых случаях даже к искажению смысла. Кстати, такие отклонения от речевой нормы построения сложного предложения весьма распространены в текстах научных произведений.

Кроме того, нетрудно зафиксировать предложения, в которых личное местоимение может быть отнесено к разным существительным в одинаковой грамматической форме.

Например:

• *Разработанные нами **модели** в трех **типах** потенциально и реально конфликтных ситуаций фиксируют такой уровень обобщения, который позволяет использовать **их** в практике речевого поведения.*

В этом предложении, во-первых, в главной части употреблено три имени существительных в форме мн. числа — *модели, типы и ситуации*; во-вторых, последнее занимает позицию, ближайшую к местоимению *их*, которое «притягивается» не к нужному по смыслу слову *модели*, а к слову *ситуаций*, тем самым замедляя процесс понимания текста. [Ясно, что предложения типа *В возбужденном состоянии электрон может перейти в «коллективизированное состояние», при этом он не будет локализован вблизи отдельного атома* соответствует закону экономии речевых усилий, не затрудняя восприятие смысла предложения]. В опубликованных текстах выявлены аналогичные случаи неверного употребления личных местоимений.

*Речевой код является частью модально-этических норм поведения, регулирует поведение говорящих на данном языке. Содержание **их** включает как этноспецифические, так и всеобщие правила общения [норм или говорящих. — М.К.].*

Еще примеры:

• *Коммуникативные **нормы** и **правила** — фактор, влияющий на успешность общения и в то же время создающий условия для речевого конфликта. Отклонения от **них** [норм и правил или условий? — М.К.] снижают качество общения.*

• *Применение комплексных **методов** исследования дало возможность получить объективные, на наш взгляд, **данные** о рассматриваемых в работе **проявлениях** речевого конфликта. **Их** [методы, данные или проявления? — М.К.] можно применить и к другим коммуникативным ситуациям.*

См. пример подобного «нечеткого» употребления союзного слова **который**:

• В плане гармонизации общения важно знание пресуппозициональных факторов речевого общения, наличие **которого** [знания или общения? — М.К.] у партнеров позволяет избежать различного рода коммуникативных лакун.

Несомненно, к речевым ошибкам относится несоответствие союзов **не только.., но и; не столько.., сколько; также, а также, в том числе** и мн. др. тем логическим отношениям, которые они выражают.

Союз **не только.., но и** в следующем предложении:

• Возможен подробный анализ **не только поэтики** мотивов слова, взгляда и молчания.., **но и мотивов** касания, жеста, лица —

вместо: анализ поэтики **не только мотивов** слова.., **но и мотивов** касания, жеста, лица.

• Успешность взаимодействия определяется [лучше: обеспечивается] **не только общим** языковым, **но и общим** речевым кодом —

лучше: Успешное взаимодействие обеспечивается **общим** не только языковым, **но и речевым** кодом.

Союз **не столько.., сколько:**

• Главная особенность состоит в том, что **не столько** рассматривается человек в логике существования искусства, **сколько** создание произведений искусства и их исполнение показываются в логике жизнедеятельности индивидуальности и ее мира.

Как видим, парный сопоставительный союз **не столько.., сколько** объединяет неоднородные члены, поскольку нарушен порядок слов: **не столько рассматривается человек.., сколько создание произведений... и их исполнение показываются...** Необходимо установить синтаксический параллелизм, причем возможны два варианта: 1) **не столько человек рассматривается..., сколько создание произведений... и их исполнение показываются...;** 2) **не столько рассматривается человек..., сколько показываются** создание произведений искусства и их исполнение.

Союз *также*:

• Рассмотрим разницу между языковыми кодами коммуникантов... на примере инвективных имен лица, которые как вид негативной эмоционально-оценочной лексики являются яркими конфликтогенными факторами текста. Обращение к данной группе лексики *также* обусловлено значительной активизацией инвектив в речи в последнее время.

В соответствии с семантикой союза *также* его следует употреблять **перед** присоединяемым членом предложения; ср: *Все пришли. Коля также пришел* (хотя и не хотел приходить). *Все пришли. Пришел также Коля* (которого не ждали). В рассматриваемом предложении союз *также* перед сказуемым обусловлено употреблен неверно, так как не *обращение... также обусловлено*, а — с учетом контекста — *обращение... обусловлено также значительной активизацией инвектив*. Такова роль присоединительного союза *также* в формировании смысла предложения.

Союз *а также*:

• Представленная лингвистическая *теория* речевого конфликта, *а также маркеры, жанровые сценарии и модели* гармонизирующего речевого поведения имеют важное теоретическое и практическое значение для объяснения специфики продуцирования эффективно воздействующих текстов.

Союз *а также* с присоединительным значением формирует ряд однородных членов. Однако в данном контексте он присоединяет к номинации понятия *теория* (как форма знания) номинации частных понятий, входящих в семантическое поле понятия *теория*. Иначе говоря, поскольку общее и частные понятия не могут образовывать один ряд понятий, но имена существительные *теория, маркеры, сценарии и модели* не могут входить в ряд однородных членов предложения, союз *а также* в этом предложении неуместен, его следует заменить вводным словом *в частности* со значением «отношения общего и частного».

Союзное слово *который* может быть согласовано с одним из двух предшествующих имен существительных в форме мужского рода единственного числа, поэтому предложение требует редактирования:

• *Все эти средства... несут информацию о **коде** того языка, **который** избран субъектами для взаимодействия* —

вместо: ... несут информацию о том языковом **коде**, **который...**

Иногда неоднородные в смысловом отношении члены неудачно объединены в сочинительный ряд:

• *Экспериментальные методы привносят в исследование коммерческой номинации **объективность** и количественные статистические **критерии**, повышающие достоверность получаемых результатов;*

• *Предлагается **изучение** коммуникативного сознания личности через **анализ** ее коммуникативного поведения, **а также обращение** к изучению коммуникативных категорий и концептов, связанных с коммуникативной деятельностью личности*

— не могут быть связаны ни сочинительными, ни присоединительными отношениями ни *изучение*, а также *обращение* к изучению, ни *анализ*, а также *обращение* к изучению;

• *Все это определяет [точнее, обуславливает. — М. К.] **необходимость** комплексного исследования особенностей и закономерностей восприятия коммерческих названий в коммуникативном сознании и комплексное **изучение** специфики их функционирования в реальной практике коммуникации с целью поиска адекватных методик анализа эффективной коммерческой номинации*

— сочинительный ряд сформирован из неоднородных по смыслу слов *необходимость* (имя существительное со значением модальности) и *изучение* (отглагольное имя существительное, сохраняющее значение действия); из-за дистантного расположения компонентов сочинительный ряд не привлек редакторского внимания автора и погрешность

осталась незамеченной. Минимально «вмешиваясь» в текст, можно исправить возникший недочет, разделив предложение на два самостоятельных: *Все это определяет... в коммуникативном сознании. Кроме того, необходимо комплексное изучение...* Как известно, компоненты сочинительного ряда могут управлять именами существительными в разных падежных формах, поэтому требуют редакторского внимания. Например:

- *Идея о целостном восприятии слова носителем языка была проверена и нашла полное подтверждение на материале коммерческой номинации — была проверена — на чем? — на материале; нашла подтверждение — чем? — материалом.*

Возможные варианты предложения:

Идея... была проверена на материале коммерческой номинации и нашла полное подтверждение;

Идея... была проверена и нашла полное подтверждение материалом коммерческой номинации.

Употребление **вводных слов** также требует к себе пристального внимания. Они могут быть использованы неуместно, без учета смысла, который придают предложению, следовательно, являются избыточными.

Например, вводное словосочетание с уточняющим значением **в том числе**:

- *Автор приходит к выводу, что различные стратегии речевого поведения ведущих приводят к разной их оценке массовой аудиторией и, в том числе, к разной степени доверия к телеведущему.*

Вводное словосочетание *в том числе* имеет уточняющее значение, т. е. призвано выражать отношения между общим и частным понятиями. В данном предложении понятия *оценка массовой аудиторией* и *степень доверия к телеведущему* связаны не уточняющими, а соединительными отношениями, а потому вводное словосочетание *в том числе* здесь неуместно.

При употреблении вводных слов, а также обобщающих словосочетаний (по существу стереотипных, стандартизованных единиц) может быть допущена неоправданная контаминация, что приводит к неожиданной тавтологии:

• **В конечном итоге** автокоммуникативное пространство определяется...

вместо: В конечном счете автокоммуникативное пространство определяется...

— обобщающие, итоговые словосочетания *в итоге* и *в конечном счете*, вступив в отношения контаминации, привели к речевой погрешности.

См.: неуместное употребление вводного слова:

• **Действительно**, психолог подчеркивает, что в первом акте, который назван обращением, отражается точка зрения субъекта — вводное слово *действительно* избыточно.

Отметим, что в бессоюзных предложениях с отношениями пояснения, уточнения между его частями (или, напротив, при отсутствии пояснительных отношений) зафиксированы пунктуационные ошибки. Например:

• *Диалектика соотношения первичных и вторичных жанров в структуре оценочных жанров такова — (необходимо двоеточие, поскольку вторая часть содержит пояснение) жанры, которые являются вторичными..;*

• *В целях создания прагматически адекватных оценочно-аналитических жанров все формы диалогичности выражаются подчеркнута эмоционально: выступления журналистов, содержащие оценку, включают аргументацию этой оценки,... представлены в форме рассуждения...*

Вместо двоеточия необходима запятая: поскольку уточняющие отношения не «извлекаются» из контекста, невозможно на месте бессоюзной связи поставить «а именно».

Важно соблюдать синтаксический параллелизм в тех случаях, где его «разрушение» затрудняет восприятие смысла предложения:

• Изложение объективировано, ослаблено выражение авторского «я», открытые оценки принадлежат не журналисту, а чаще всего «вкладываются в уста» участников коммуникативного процесса, обычно слабо выражено эмоциональное начало.

Представляется целесообразным использовать в предложении синтаксический параллелизм; тогда предложение будет иметь следующий вид:

Изложение объективировано, выражение авторского «я» ослаблено, открытые оценки не принадлежат журналисту, а чаще «вкладываются в уста» участников коммуникации, в сообщении эмоциональное начало слабо выражено.

Напомним, что редактирующее чтение научного текста всегда волнообразно: внимание автора или редактора спокойно до «ловушки» — любой неясности (орфографической, пунктуационной, стилистической), особенно научно-стилевой. Возбуждение внимания может быть ничтожным, если текст поддается «автоматическому» редактированию. Однако даже опытному редактору и в таких, по сути несложных, случаях приходится «включать» челночное и скачкообразное внимание, чтобы справиться с дотекстовыми **единицами**. Вместе с тем важно, что диапазон внимания редактора мобилен из-за линейности текста, значит, возможной дистантности компонентов словосочетания и предложения. Следствием такой разбросанности являются как избыточность, так и неполнота выражения мысли, неоправданная инверсия, неточное выражение логико-семантических отношений личными и притяжательными местоимениями, некоторыми союзами и союзными словами, вводными словами и др. Эти и многие другие языковые единицы представляют собой «сигналы» для реконструкции отношений между компонентами словосочетаний и предложений. Именно реконструкция отношений компонентов является когнитивной основой редактирования.

ГЛАВА IV

РЕДАКТИРОВАНИЕ ТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ

1. Сложное синтаксическое целое

В лингвистике и стилистике текста к текстovým единицам традиционно относят прежде всего сложное синтаксическое целое. Это структурно-смысловая единица текста, объединенная тематически и связанная логико-семантически и лексико-синтаксически.

В научных текстах сложное синтаксическое целое по объему обычно равно абзацу — структурно-синтаксической единице текста. [В отличие от научных текстов, в художественных произведениях сложное синтаксическое целое может включать 1–3 и более абзацев.] В рассматриваемом плане важно, что все предложения, образующие сложное синтаксическое целое (абзац), скреплены специальными средствами связи, например, союзами, некоторыми наречиями, вводными словами со значением хода мысли — такими как *и, а, но, однако, также, а также, сначала, затем, далее* и др.; *во-первых, во-вторых, наоборот, напротив, наконец, следовательно, таким образом, итак* и др. Кроме того, повторы лексических единиц в начале, конце и начале, в конце двух самостоятельных предложений, а также указательное местоимение *это (все это)*, личные местоимения служат связи самостоятельных предложений и формированию более сложной текстовой единицы — сложного синтаксического целого.

Например: *Разделение полиморфных превращений на энантиотропные и монотропные носит термодинамический характер. Однако к классификации*

*превращений можно подойти с кристаллохимических позиций. **Полиморфные превращения** могут быть связаны с незначительным перемещением структурных единиц в кристалле. **Такие превращения** называются сдвиговыми, и при них обычно не проходит изменения координационного числа.*

Легко видеть, что все предложения в этом абзаце, равно в смысловом отношении сложному синтаксическому целому, объединены темой *полиморфные превращения*, а также связаны друг с другом либо специальными (союз *однако*), либо контекстуальными (лексическими повторами *полиморфные превращения, такие превращения*) средствами связи самостоятельных предложений.

Представляется важным рассмотреть отклонения от нормативного построения именно сложного синтаксического целого, не учитывая структуры отдельных предложений (об этом см. в гл. II). В таком случае заметными окажутся недочеты, обусловленные неточным или даже неправильным выражением связи самостоятельных предложений. Недочеты проявляются:

- 1) в избыточности связующих единиц,
- 2) недостатке связующих единиц,
- 3) несогласовании временных глагольных форм, т. е. неучете связующей функции лексико-грамматических единиц, появляющейся в контексте при повторе одинаковых грамматических форм (имеем в виду так называемое «согласование времен»).

Приведем соответствующие примеры:

• **Таким образом, исходя из всего вышесказанного, мы можем говорить о том, что суггестивный и информативный виды воздействия...**

— в этом предложении избыточно либо вводное слово со значением подведения итога *таким образом*, либо связующий деепричастный оборот *исходя из всего вышесказанного*, выражающий отношения между такими компонентами мысли, как «основание» и «следствие».

Пример, иллюстрирующий неполноту выражения связи предложений:

• **Исходя из сказанного**, система жанровых форм газетной публицистики выступает как... —

вместо: Исходя из сказанного, можно заключить, что система жанровых форм газетной публицистики выступает как...

Несогласование форм глагола является широко распространенным недочетом современной письменной научной речи; например:

• **Научная новизна исследования определяется...** Во-первых, в процессе исследования **конкретизируется...** Мы показываем, что эта трансформация [сочинительных структур в собственно сравнительные. — М. К.] **представляет** особый вид языковой экономики... — количественное сокращение синтаксических позиций **сопровождается...** Во-вторых, установление связей... **позволяет представить...** В работе **выявляются...** В-третьих, проведенное исследование **позволило установить...** Кроме того, **мы исследуем...** и **выявляем приоритет** [вместо: устанавливаем приоритет. — М. К.]...

Легко заметить, что в данном фрагменте текста использованы различные глагольные формы: наст. времени страд. залога (*определяется, конкретизируется, сопровождается, выявляются*); наст. времени действ. залога (*представляет, позволяет, мы исследуем и выявляем*); прош. времени (*позволило установить*). Такое разнообразие глагольных форм с «инкрустацией» двух глаголов с модальностью возможности (*позволяет представить, позволило установить*) отнюдь не гармонизирует текст.

В пределах сложного синтаксического целого (не отдельного предложения) можно установить неточное и нецелесообразное употребление слов широкой семантики с обобщающим значением. Именно неучет строго научного, методологического значения слов типа *аспект, фактор* и др. способствует порождению текстов с такими погрешностями, как в следующем контексте:

• Отсюда вытекает необходимость [неполнота. — М. К.] ряда **факторов, реализующихся** в тексте [факторы — «силы», воздействующие на построение, формирование текста, поэтому факторы не могут реализоваться]. К ним мы относим:

- 1) **выделение** элементов системы...;
- 2) **установление** преобразований...;
- 3) **определение** инвариантных свойств...;
- 4) **изучение** этапов...;
- 5) **характеристика** [-у] структурированности...;
- 6) **анализ** переструктуризации состояний...;
- 7) **выделение** внутренних противоречий...;
- 8) **моделирование** процессов...

*Выявление и моделирование **указанных факторов** позволит создать системное представление категории динамической системности...*

Очевидно, что в приведенном фрагменте текста (сверхфразовом единстве) речь идет не о факторах, а скорее о задачах анализа текста как системы. «Укрупнение» единиц анализа в процессе редактирования текста — от словосочетания, сложного синтаксического целого до фрагмента (совокупности сложных синтаксических целых) — позволяет выявить «шероховатость», переходящую в недочет, характеризующий речевую манеру автора. К таким текстовым недочетам относится неоднократно повторяемое (и уже потому нецелесообразное, избыточное) употребление слов-дейктик (слов, относящихся к предшествующему контексту) типа *указанный, данный, вышеназванный, вышеприведенный, вышеуказанный* и т. п.

• — *Между тем основной смысл [указанной] статьи Ю. С. Сорокина как раз и состоял в обосновании... На это **указывал** М. М. Бахтин в статье... Еще раз обратимся к его теории и попытаемся проанализировать некоторые ее положения в их отношении к [указанным] спорным вопросам современной лингвистической стилистики.*

*...Как уже **указывалось**...*

*...Одна из наметившихся [в **указанный период**] линий развития теории...*

...Все это свидетельствует о взаимной дополнителности **указанных подходов**...

Таким образом, разные традиции описания... оказываются совместимыми в свете **[указанных] положений** бахтинской генологической теории.

...и это в определенной мере сближает идеи **[указанного] автора**...

...Данная трактовка жанра **указывает**... другая дефиниция, предложенная **[указанным автором]** ...

... Сравним рассматриваемые подходы к изучению стилей с **указанной точкой** зрения

Весьма показательно в этом плане предположение **[указанного] автора** о том, что...

Сравнивая логику развития **указанных концепций** [сравнивая с чем?]

[Указанное] [лучше — такое] **представление** характерно и для концепции...

При этом, как **указывалось**, высказывание строится...

Мы рассмотрели здесь лишь те погрешности письменной научной речи, которые можно выявить при внимании к широкому контексту в его целостности, т. е. охватив его «единым взглядом». В контексте одного предложения либо — еще уже — словосочетания такие отклонения от научно-стилевой нормы оказываются незамеченными. Напротив, только в широком контексте и можно обнаружить, с одной стороны, избыточность, с другой — неполноту единиц, выражающих связь самостоятельных предложений, неправильное использование грамматических форм (глаголов), организующих отдельные предложения в *связный* текст.

2. Редактирование единиц, формирующих связность речи

Научный текст представляет собой конструктор, в котором все элементы взаимосвязаны, логически подогнаны друг к другу, соединены специальными «скрепами», по выражению М. В. Ломоносова, «подобно гвоздям или клею».

Так текст приобретает свойство «связности», которое проявляется в том, что слова в нем соединяются в словосочетания, словосочетания — в предложения, предложения — в абзацы (или сложные синтаксические целые), абзацы — в более сложные текстовые единицы — фрагменты и т. д. Связность научного текста — свойство, присущее ему по природе, т. е. независимо от воли автора. Связность пронизывает все компоненты и стороны научного текста, поэтому представление о ней необходимо для овладения культурой письменной речи, что имеет практическое значение.

Поскольку текст характеризуется линейностью, текстообразующая деятельность человека в отношении содержания текста заключается в развертывании «сгустка мысли» в линейную организацию. При этом последовательность и логичность изложения мысли имеют особое значение для научного текста не как абсолютное, везде и всегда проявляющееся свойство, но как относительное, поскольку выступает «в паре» с прерывистостью и даже «скачкообразностью» речи, противодействующей логичности изложения. Психологам известно, что сознание в силу весьма глубоких причин совершенно не способно непрерывно регулировать маловарьирующий процесс на протяжении сколько-нибудь длительных интервалов времени. Естественно, что научный стиль речи «предписывает» автору не удовлетворяться объективной логичностью содержания, но специально связывать, «склеивать» речевые единицы (предложения, абзацы и т. д.), преодолевая прерывистость и скачкообразность речи. Эта сторона речи, на первый взгляд внешняя, помогает оформить недостаточное еще знание, чтобы оперировать им и продвигать его дальше. Из философии известно, что знание тем объективнее по своему содержанию, чем оно субъективнее по форме, чем активнее субъект вмешивается в изучаемые им процессы. В данном случае важно подчеркнуть, что именно связь есть единственное представление, которое не дается объектом, а может быть и создано самим субъектом, и передано

субъектом же (автором) другому субъекту (читателю) посредством *выражения* этого представления в тексте.

В основе связности речи лежит понятие связи. При этом важно, что связь единиц речи может быть скрытой или выраженной и даже специально подчеркнутой различными языковыми единицами. Приведем примеры.

Само собой понятно, что нельзя познакомиться и с действием машины, не зная ее устройства. Отсюда ясно, что независимое изучение организма с этих двух произвольных точек зрения, то есть как тела и как явления, искусственно и даже нелогично — отношения основания-следствия;

*Генетически языковые значения ...являются результатом разложения смысла предложения как единицы речи. Именно поэтому было бы более логично систематизировать лексическое хозяйство языка не пословарно, а помоносемно — отношения основания-следствия выражены наречными словами *отсюда, поэтому*;*

*Проблема «литературного языка» широко известна и разработана довольно подробно... Однако, как и в предыдущем случае, есть ряд существенных проблем, нуждающихся, на наш взгляд, в специальном рассмотрении. Мы укажем здесь на три **подобные** проблемы. **Одна из них** есть проблема литературной нормы... **Вторая** проблема есть соотношение литературного языка с языком литературы... Наконец, **третья** проблема — это соотношение литературного языка со школьным обучением родному языку — сопоставительные отношения выражены союзом *однако* и прилагательным *подобные*, перечисленные отношения — словосочетанием *одна из них* и порядковыми числительными *вторая, третья*.*

Исследование обширного материала — текстов трудов ученых XVIII—XX вв. — показало, что языковые единицы, использованные в совокупности специально для связи самостоятельных предложений и абзацев, ярко, выпукло передают мыслительный процесс, включающий следующие моменты движения мысли:

1. «Трафаретный» зачин изложения (может быть выражен словосочетаниями и конструкциями, образованными по моделям *я (мы) намерен(ы) + инфинитив глагола мысли или речи, я хочу (хотел бы) + инфинитив глагола мысли или речи, я постараюсь, я считаю не лишним, мы не считаем лишним + инфинитив глагола той же группы. Употребляются в научной речи и такие зачины, как предметом... будет, в предлагаемом труде рассматривается задача, статья имеет целью и другие). Эти зачины могут быть распространенными и представлять собой подробное изложение цели или причины научного сообщения: **Предметом предстоящего курса будет теория** электричества, со включением магнитных явлений; **В сегодняшней лекции я намерен предложить** вам краткий обзор различных отделов нашего предмета.*

2. Активизация мысли (*рассмотрим; заметим, что; будем полагать; обратимся; покажем, что; подчеркнем, что*): **Рассмотрим**, однако, несколько ближе причины этого влияния...; **Представим себе** какое-нибудь твердое тело...; **Заключим** наше рассуждение об изогнутых пластах одним важным замечанием; **Этим мы и закончим** общий обзор Арало-Каспийского края и **перейдем** к его растительности; **Посмотрим**, каким образом определяются основные части каждой из этих групп, а потом **перейдем** к исследованию раствора...

3. Логическое выделение мысли (*важно отметить, что; следует обратить внимание на то, что; необходимо указать на то, что; я должен заметить, что; не должно забываться, что*): **Но при этом надо заметить** только одно...; **Наконец, следует упомянуть** еще о том, что...

4. Связь с вышесказанным (*было показано, что; выше было указано, что; как было ранее отмечено; мы видели, что*): **На основании вышеизложенного упругость пара...**; **Сказанное** отнюдь не означает, что формализация языка вообще нежелательна или невозможна; **Особенность** рясковых заключается, **как**

мы видели, между прочим, и в том, что...; Выше мы сказали, что эти растения требуют...

5. Связь с последующим (*будет видно из дальнейшего; будет дано в последующих §§; мы увидим ниже, что; как мы увидим далее*): **В нижеследующих** строках я постараюсь определить условия перегонки смеси жидкостей...; Понятно, что..., **как это мы увидим ниже;**

Основываясь на сказанном, ближайшие составные части растений можно распределить следующим образом...; Еще Гаспарини и Кюцинг выразили то мнение, что пластинка рясок может считаться листовым органом... (см. **дальше**).

6. Порядок изложения (*прежде всего, сначала, теперь, далее, затем, позднее, во-первых, во-вторых, первый, второй, следующий*): (Флора Арало-Каспийского края — отчасти только флора степей... Это **первая** отличительная черта физиономии флоры занимающего нас края). **Вторая** отличительная черта его...; **Здесь** подходим к вопросу еще большего значения; **Обращаясь затем** к попыткам установить границу..., мы можем отметить два пути...

7. Указание на итог, обобщение (*таким образом; следовательно, итак, стало быть; словом; мы пришли к заключению, что; подытоживая, можно сказать, что*): **Итак,** драконники и другие высокоствольные лилейные не представляют никакой сложности...; Выше по Соборной горе валунные отложения становятся толще... **Таким образом,** мы видим, что валунные отложения... Таковы моменты движения мысли, которые выражаются в научной речи разнообразными средствами, ориентированными на обобщенное отражение в тексте (речи) одного из фундаментальных гносеологических представлений человека — представления о связи явлений действительности. [В приложении см. «Список словосочетаний и конструкций связи, выражающих связь между самостоятельными предложениями и абзацами».]

ЗАДАНИЕ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Исправьте погрешности

1. Избыточность:

1) Актуальность исследования определяется самим фактом обращения к одному из фундаментальных в языке функционально-семантических полей.

2) Теоретическая значимость проведенного исследования определяется ролью принятого в работе функционально-семантического подхода:

— для дальнейшего изучения антропоморфных характеристик в общей языковой картине мира...;

— раскрытия одного из аспектов языкового воплощения образа человека;

— выявления когнитивных механизмов формирования и функционирования метафорических типов выражения интенсивности.

3) Как показало исследование, в своем подавляющем большинстве интенсификаторы являются метафорическими образованиями.

4) В целом, многообразие зафиксированных и рассмотренных в ходе исследования лексических средств выражения интенсивности свидетельствует о гибкости возможностей языка, обеспечивающей открытый характер состава анализируемой лексики, в свою очередь свидетельствующий о широте познавательных процессов «в мире человека».

5) Анализ преимущественных сфер возникновения неологизмов-заимствований являлся одной из задач данной работы. Материалы для этого были получены в том числе в результате опроса старшекурсников-филологов и подтвердили сферы активного появления неологизмов.

6) В ходе комплексного анализа неологизмов-заимствований были отмечены закономерности процесса освоения их русским языком и некоторые особенности частного характера.

7) В работе были использованы методы исследования, обусловленные характером самого фактического материала, а именно: синхронный подход к анализу словарных фиксаций неологизмов-заимствований, описательный метод...

8) Настоящее диссертационное исследование посвящено проблеме изучения субъективной частоты слова...

9) ...механизм вероятностного прогнозирования оказывает определяющее влияние как на процессы порождения, так и на процессы восприятия речи.

10) Метод получения прямых оценок имеет своей целью показать...

2. Неполнота:

1) Практическая значимость определяется тем, что была модифицирована методика..., разработана методика... Полученные результаты также могут быть использованы в целях сопоставления с данными других языков, при чтении курсов по психолингвистике и когнитивной лингвистике, в методических целях...

3. Смысловая несочетаемость:

1) Современная лингвистика обнаруживает неослабевающий интерес исследователей к проблеме языкового воплощения внутреннего мира человека.

2) Материал обнаруживает несомненное преобладание средств выражения высокой интенсивности...

3) Рассмотрение средств выражения интенсивности в аспекте их употребительности обнаруживает, с одной стороны, ограниченное число наиболее частотных определителей, и, с другой — очень широкий круг интенсификаторов единичного употребления.

4) Выражение интенсивности при помощи реализации образа перемещения в пространстве преобладает при характеристике сенсорно воспринимаемых явлений.

5) В целом многообразии зафиксированных и рассмотренных в ходе исследования лексических средств выражения интенсивности свидетельствует о гибкости возможностей языка, обеспечивающей открытый характер состава анализируемой лексики, в свою очередь свидетельствующий о широте познавательных процессов «в мире человека».

6) Анализ преимущественных сфер возникновения неологизмов-заимствований являлся одной из задач данной работы. Материалы для этого были получены, в том числе в результате опроса старшекурсников-филологов и подтвердили сферы активного появления неологизмов.

4. Алогизм:

1) Не менее важным направлением в современном языкознании является когнитивный подход, фокусирующий внимание исследователей на познавательной деятельности человека.

2) В частности, активно изучается процесс метафоризации, являющийся одной из основных ментальных операций, способом познания и объяснения мира.

3) Вследствие анализа словников выбранных нами словарей мы пришли к выводу, что авторы и составители различного подхода к принципам отбора слов.

4) В процессе порождения речи говорящим осуществляется выбор слов, который обусловлен в том числе и субъективными вероятностными характеристиками слов.

5) На создание целостного образа в сознании человека работает вся его когнитивная система. При этом вслед за... мы считаем, что...

5. Тавтология:

1) ...мы получили достаточно интересные материалы, посвященные недостаткам словарей.

2) Основную часть слов нашего словника составили слова из словарей Н. Г. Комлева, поскольку автор включил

в словник не только общеупотребительные слова, слова, которые (по словам автора) мы можем услышать практически везде...

6. Несогласование в форме числа и надежа:

1) Одним из факторов, определяющим переработку речевого опыта., является механизм вероятностного прогнозирования...

2) В первом параграфе «Эксперимент на оценку субъективной частоты слова» формулируются задачи эксперимента, характеризуются испытуемые и принципы отбора стимулов, описывается процедура проведения эксперимента, а также методы анализа полученного материала.

7. «Генитивная цепочка»:

1) Теоретическая значимость проведенного исследования определяется ролью принятого в работе функционально-семантического подхода:

— для дальнейшего изучения антропоморфных характеристик в общей языковой картине мира;

— раскрытия одного из аспектов языкового воплощения образа человека;

— выявления когнитивных механизмов формирования и функционирования метафорических типов выражения интенсивности;

2) Чтобы представить семантический диапазон использования метафорических средств выражения степени проявления признака в количественных показателях, мы приводим следующие обобщающие таблицы.

3) В этом случае не просматривается тенденция английского языка акцентирования 1-го слога.

4) ...факторы, влияющие на оценку субъектом степени соответствия категории ее членов...

8. Неправильное употребление форм числа имен существительных:

Распределения медиан по группам обнаруживают как сходства, так и различия.

Отредактируйте предложения

- В последние десятилетия усилилось внимание к проблеме изучения сочетаемости слов и, главным образом, к ее лексикографическому аспекту.

- Выявление сущности данного языкового явления связано с решением многих вопросов: во-первых, вопрос толкования..., во-вторых, вопрос разграничения..., в-третьих, вопрос системного описания лексики и др.

- Подвижность и изменчивость коммуникативной нормы — свойства, которые также имеют социальную обусловленность.

- Это определяет сложность и практическую актуальность проблемы знания языка и владения им.

- Социально одобренные образцы представляют собой кодификацию нормы в виде правил речевого поведения, знание которых входит в коммуникативную компетенцию говорящих.

- Речевая вариативность выражения того или иного содержания представляет богатый репертуар возможностей для говорящего. Чтобы правильно строить общение, говорящий должен «владеть» принципом вариативности, позволяющим выбрать адекватные средства...

- Для реализации определения тактики говорящим применяется коммуникативный ход или серия таких ходов. Коммуникативный ход — единица более низкого порядка, нежели тактика.

- Определение содержания данного понятия относится к числу проблем, исследуемых в теории речевых актов.

- Для реализации определения тактики говорящим применяется коммуникативный ход или серия таких ходов. Коммуникативный ход — единица более низкого порядка, нежели тактика... Одни понимают речевой ход как синтагматический элемент речевого акта.

- Такой подход не дает целостного представления о том, что представляет собой естественный интеллект в принципе...

- Именно связь с жизнью, с практическим контекстом, с текущей проблемной ситуацией, с актуальными нуждами вынуждает человека думать, сравнивать...

- Научная новизна (проводимого) исследования состоит в том, что метафора впервые рассматривается в единстве семантического, когнитивно-коммуникативного и прагматического аспектов.

- Гиперреальный характер стимула свидетельствует о том, что перед нами своего рода «симуляр»... — то, чего нет и никогда не было по факту, но то, что правдоподобно и что можно наблюдать или имело место быть в реальной культуре...

- Примером исследования в реферируемой диссертационной работе становится женская проза 1980–2000-х годов.

- Но по большей части советские литературоведческие исследования находятся на стадии обобщения западного опыта...

- Все названные категории задействованы при анализе женской прозы во второй главе диссертации.

- Писательницы 2000-х годов ... не проблематизируют категорию женского.

- Сленговые наименования в обоих языках демонстрируют «равнодушие» к такому параметру, как возраст. Также совпадают оба языка и в плане экспрессивности рассмотренных лексем.

- Оба языка в образовании жаргонизмов демонстрируют нарушение разных словообразовательных норм. Также в русском и эстонском языках одинаково непродуктивно фонетическое переоформление слова литературного языка.

- Несомненная практическая важность этой схемы состоит, во-первых, в том, что схематическое представление процесса формирования и формулирования мысли помогает как бы со стороны увидеть весь процесс, и, во-вторых, схема с большой очевидностью иллюстрирует те основные трудности, с которыми сталкивается учащийся в процессе иноязычного говорения...

- В рамках этого же подхода было также сформулировано важное понятие речевых знаний, навыков и умений.

- В своей работе мы сосредоточились на анализе ошибок в употреблении родительного и винительного падежей учащимися.

- Поскольку в своем исследовании мы попытались выявить...

- В основу анализа была положена полученная на основе теоретического исследования система количественных и качественных параметров учебного текста.

- В связи с этим важным постулатом настоящей работы является тезис о том, что через значение лексической единицы ... мы можем выйти на содержание концепта.

- Причиной такого пристального интереса к данному явлению является, по-видимому, то обстоятельство, что информация, заключенная в концепте, чрезвычайно многогранна: она дает сведения об обозначаемом объекте со всех сторон, во всем многообразии его проявлений и связей с другими объектами.

- Исследование концептов в последнее время проводится на самом различном материале в пределах самых различных научных направлений.

- Наиболее полное раскрытие содержания концепта может обеспечить лишь сочетание различных методик, результаты которых дополняли бы друг друга.

- В связи с этим немаловажным оказывается вопрос эффективности конкретных методических приемов исследования концептов.

- Отправным пунктом лингвистических исследований времени является тезис о том, что один из важнейших ключей к постижению тайны времени заложен в языке.

- Объяснение как форма выражения авторского сознания писателя в конце XX — начале XXI в. связано с преодолением границ между точкой зрения автора, читателя и героев для развития смысла художественного текста и выхода на внутренние и внешние причины того или иного явления.

- Единство содержания и целевого назначения создаваемых рефератов диссертаций приводит к однообразию способов передачи информации [вместо: единообразие].

- В работах последних лет, посвященных вопросу стилеобразующих экстралингвистических факторов, позиции разных авторов в основном совпадают, различия обнаруживаются лишь в позиции конкретных факторов на той или иной ступени иерархической лестницы.

- Степень жесткости жанровой нормы в отношении композиционной структуры усиливается за счет его официального статуса как юридического документа...

- Характер научного мышления, отличающийся отвлеченностью, обобщенностью, точностью, логичностью, определяет соответствующие стилевые черты научной речи.

- ... была обозначена проблема разной степени жесткости жанровой нормы.

- Таким образом, принцип отбора материала для второго раздела отличается большей субъективностью.

- Возможны две интересующие нас композиционные формы. В первом варианте изложения содержания начинается с краткого описания основных вопросов работы. Затем показываются методы, главные результаты исследования и научные достижения. Каждую рекомендацию необходимо четко сформулировать, указав, в каком состоянии находится рассматриваемый вопрос к моменту исследования, что достигнуто диссертантом (какой вклад вносится в науку) и какое практическое применение можно найти выдвигаемым положениям.

- Рамочные клише работают на читателя, помогая ему ориентироваться в тексте, находить нужные рубрики.

- По степени вариативности речевых моделей для реализации все рассмотренные К-блоки можно разделить на две группы.

- Для введения этапов формирования знания в текст АКД доминирующей оказывается прямая номинация.

- Конструкции с глаголом «является» и синонимичными ему полужнаменательными связками занимают одно из центральных положений в рассмотренном К-блоке...

- В первую очередь стоит обратить внимание на уровень развития языковой компетенции автора.

- Анализ композиционно-смысловой структуры автореферата и ее стереотипных компонентов (К-блоков) установил отсутствие максимальной степени жесткости жанровой нормы и привел к выводу, что тексты АКД позволяют выделить их композиционный инвариант, но представляет собой явление синкретического плана... и обнаруживают многочисленные отступления от инвариантной модели.

- Последовательность рубрик автореферата строго не установлена государственным стандартом и методологической литературой, но проявляются в их расположении...

- Большинство из приведенных примеров демонстрирует методологическую неопытность или небрежность соискателей...

- Также необходимо отметить работы А., который обращает внимание на психологическую сущность анаграммы.

- Лингвокреативное моделирование идиостиля языковой личности Бердяева предполагает следующие этапы анализа.

- Изучение речи человека, ее зависимость от экстралингвистических факторов... происходит в работах Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртене, В. Гумбольдта.

- В центре современных лингвистических исследований — концепт языковой личности. Это связующее звено между человеком и языковой системой. Он включает данные исследований о зарождении, развитии, восприятии речи.

- разработка типологических групп языковой личности — вторичная языковая личность...

- Происходит лингвистическое познание человека общающегося через анализ коммуникативных единиц — текстов.

- Наш выбор обусловлен... ее комплексным характером, т. е. объединением в единую систему данных лингвистики, психологии, педагогики, культурологи...

- В исследовании предпринимается попытка изучения функционирования модели языковой личности...

- Предметом исследования является методика развития языковой личности, в основе которой лежит концепция формирования языковой личности Ю. Н. Караулова.

- Исследование основывается на взглядах Ю. Н. Караулова о роли родного языка как основе развития личности.

- Студенты стали более осознанно подходить к процессу организации самостоятельной учебной деятельности...

- ...в процессе информационного обмена, базирующегося на общем базисе конвенциональных и разделяемых социумом знаний.

- В последние десятилетия усилилось внимание к проблеме изучения сочетаемости слов и, главным образом, к ее лексикографическому аспекту.

- Выявление сущности данного языкового явления связано с решением многих вопросов: во-первых, вопрос толкования., во-вторых, вопрос разграничения., в-третьих, вопрос системного описания лексики и др.

- Подвижность и изменчивость коммуникативной нормы — свойства, которые также имеют социальную обусловленность.

- Это определяет сложность и практическую актуальность проблемы знания языка и владения им.

- Социально одобренные образцы представляют собой кодификацию нормы в виде правил речевого поведения, знание которых входит в коммуникативную компетенцию говорящих.

- Речевая вариативность выражения того или иного содержания представляет богатый репертуар возможностей для говорящего. Чтобы правильно строить общение, говорящий должен владеть принципом вариативности, позволяющим выбрать адекватные средства...

- Для реализации определения тактики говорящим применяется коммуникативный ход или серия таких ходов. Коммуникативный ход — единица более низкого порядка, нежели тактика.

- Определение содержания данного понятия относится к числу проблем, исследуемых в теории речевых актов.

- Для реализации определения тактики говорящим применяется коммуникативный ход или серия таких ходов. Коммуникативный ход – единица более низкого порядка, нежели тактика... Одни понимают речевой ход как синтаксический элемент речевого акта.

- Такой подход не дает целостного представления о том, что представляет собой естественный интеллект в принципе...

- Именно связь с жизнью, с практическим контекстом, с текущей проблемной ситуацией, с актуальными нуждами вынуждает думать, сравнивать...

- Научная новизна проводимого исследования состоит в том, что метафора впервые рассматривается в единстве семантического, когнитивно-коммуникативного и прагматического аспектов.

- Наблюдения над историей различных наименований приводят и к более частным, но важным в семантическом отношении наблюдениям

- Целью исследования является выявление и описание языкоstileвых структур текстов нормативно-правовых актов, определяемых профессиональной составляющей языковой личности законодателя.

- Не отвергая в принципе возможности различного подхода к определению степени семантической эквивалентности трансформируемых единиц, мы все-таки считаем, что при проведении трансформационных преобразований не подлежащим изменению должно остаться то ...

- Однако практически во всех лингвистических исследованиях проблема инвариантности связанных трансформационными отношениями конструкций чаще всего решается на уровне языковой компетенции лингвиста-исследователя или информанта – носителя данного языка.

- При осуществлении трансформационных преобразований мы допускаем возможность изменения лексического состава конструкций...

- Основным критерием семантической эквивалентности структур, в рамках которых осуществляется транс-

формационная замена причастий предикативными формами глаголов, является возможность осуществления трансформации при условии сохранения главного элемента...

- Важной особенностью структурно-семантических трансформаций является их практическое использование для дифференциации языковых значений.

- Являясь частью составного именного сказуемого, он образует собственный предикативный центр, который и выявляется в процессе трансформационного эксперимента.

- Обращение к недостаточно изученной проблеме имплицитного... определяется необходимостью дальнейшей разработки данной проблемы, активно разрабатываемой в настоящее время.

- Обработка массива частотной лексики дала возможность выйти на уровень концептосферы автора и таким образом приблизиться к пониманию его художественного мира.

- ... проследим взаимосвязь групп лексем. В главе дается их подробная характеристика, описывается структура.

- Для изучения идиостиля автора в аспекте репрезентации имплицитного смысла его произведений значим анализ авторских имплицитов — единиц глубинного уровня смысловой структуры текста, репрезентированных с помощью особых средств и приемов.

- Активизация прилагательного-эпитета прослеживается и на примере его широкой сочетаемости... [подтверждается...]

- Самой многочисленной и разнообразной является группа качественных имен прилагательных, указывающих на общую оценку предмета.

- Качественные прилагательные принадлежат числу наиболее употребительных единиц, принимающих участие в образовании эпических формул.

- Введен в научный оборот материал среднеобского фольклора, задействованный в научных исследованиях до настоящего времени фрагментарно.

- Обращение к интерпретации «вещной» организации действительности в рамках эстетической системы фольклора позволяет описать значимые фрагменты языковой картины мира, выраженные в фольклорных текстах, что также определяет актуальность исследования.

- В качестве одного из важнейших детерминирующих факторов в текстовом воплощении фольклора является общекультурный контекст его бытия — региональная среда существования как компонент национально-культурного пространства.

- Обращение к материалу традиционного фольклора в его региональном варианте в данной работе позволяет ввести в научный оборот материал среднеобского фольклора, зафиксированный до настоящего времени фрагментарно.

- Значимость изучения регионального фольклорного материала обуславливает еще один аспект актуальности исследования.

- Принципиальная ориентация на междисциплинарность исследования... также определяет актуальность работы.

- В соответствии с этим для данной работы важным является когнитивно-антропологическая доминанта в этнолингвистическом исследовании.

- Особой чертой этого пространства также является относительно позднее время его формирования.

- В работе при проявлении символического содержания единиц с «вещной» семантикой... в качестве основного использовался метод научного описания.

- ...прием концептуального анализа, направленный на выявление и описание символики единиц с «вещной» семантикой с позиции особенностей фольклорного слова.

- Теоретическая значимость исследования, кроме того, состоит в разработке единой концепции описания реализации единиц с «вещной» семантикой в среднеобской лирической песне и частушке..., на основании которой могут изучаться другие единицы с иной семантикой в различных жанрах фольклора.

- Разнообразие точек зрения на этот материал не позволило им оформиться в единую цельную теорию, которая бы послужила надежной базой...

- Этапными с точки зрения изучения композитивных единиц нейтральной экспрессивно-стилистической природы... явились работы...

- В нашем исследовании мы опираемся на деятельностное определение дискурса и определяем метафоризацию как действие, способом реализации которого выступают различные стратегии...

- Настоящее диссертационное исследование посвящено выявлению и описанию семантической природы глагольных образований на -nie/-cie и ние/ -тие с процессуальным значением в польском и русском языках, которые, совмещая в себе свойства двух основных языковых сущностей — имени и глагола, — занимают двойственную позицию между ними.

- В некоторых польских грамматических исследованиях... глагольные образования на -nie/-cie относят к парадигме глагола, поскольку они сохраняют процессуальную семантику...

- Двойственная природа глагольных образований на — nie/-cie в польском и на -ние/-тие в русском языках и определяет актуальность исследования. Решение этой проблемы важно для выявления стилистических потенциалов глагольных имен...

- Это оформление зависит от того, какая часть признаков сигнификата актуализируются в речи в том или ином синтаксическом окружении.

- В языке характер денотата и структура сигнификата (соотношение признаков предмета и признаков действия) глагольного образования могут быть разными, и в зависимости от этого изменяется его характер.

- Если в структуре сигнификата глагольного образования теряются признаки действия, состояния или процесса, то его денотат становится более явным и снова начинает обозначать действие без процессуального оттенка или даже результат действия, а значит, еще больше приближаться к имени.

- Интегративный подход позволяет показать взаимосвязь семантики глагольного имени и его грамматических характеристик, установить влияние семантики на стилистические потенции глагольных образований, сделать выводы о стратегиях перевода польских глагольных образований на -nie/-cie на русский язык и о степени их адекватности.

- Основной интерес исследования лежит в области логической и семантической грамматики.

- На основе данного анализа делается вывод о том, что глагол...

- Разница между герундием и инфинитивом заключается в структуре сигнификата: в соотношении признаков предметов и действий.

ГЛАВА V

АРХИТЕКТОНИКА МОНОГРАФИИ: ОСНОВНОЙ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТЕКСТЫ

Обратимся к рассмотрению текста целого научного произведения такого сложного жанра, как монография. Монографию можно рассматривать как целостность основного и периферийных текстов. Основной и периферийный тексты (употребляем этот термин безоценочно) различаются большей или меньшей степенью развернутости знания. Основным является текст, смысл которого формируется научным знанием **в развитии**, раскрытым и выраженным в наиболее полной форме. Именно основной текст призван выполнять познавательно-коммуникативную функцию во всей ее полноте и глубине, т.е. адекватно значимости излагаемого знания.

К периферийным текстам целого научного произведения относятся заглавие, оглавление, предисловие, введение, послесловие, заключение, выводы, аннотации. Они представляют собой относительно самостоятельные тексты, выражающие содержание основного текста обобщенно. При этом познавательно-коммуникативная функция целого произведения предстает вариативно, а именно как справочно-библиографическая функция заглавия монографии, содержательно-ориентационная функция оглавления монографии, рекламно-эпистемическая и справочно-адресатная – аннотации и т. д. Вариативность основной функции обуславливает качественное своеобразие периферийных текстов. Несмотря на избыточность в собственно эпистемическом отношении, периферийные тексты необходимы в отношении коммуникативном. Они формируются и «оттачиваются» в связи с теоретизацией научного знания, расширением его объема,

усложнением коммуникации в науке. Периферийные тексты призваны удовлетворять современные поисковые потребности читателя.

Периферийные тексты группируются следующим образом: 1) заглавия, 2) аннотации, 3) предтексты (и послетексты). В *заголовках* (заглавии и оглавлении в целом) содержание произведения обобщается и представляется в наиболее сжатой, лапидарной форме; для научной коммуникации это имеет важное значение в справочно-библиографическом, а также справочно-эпистемическом плане. В *аннотациях* фиксируется тематическая информация, причем преимущественно в окружении эпистемической. В *предтекстах* (предисловии, вступительной статье, введении) читателю дается общее представление о знании, излагаемом в основном тексте, формируется эпистемический контекст, посредством которого осуществляется связь с общим фондом знания. В *послетекстах* (выводах, заключении, послесловии) ретроспективно представлено новое знание, прогнозируется его дальнейшее развитие, раскрываются возможности использования, актуализируются отдельные компоненты эпистемической ситуации в онтологическом, аксиологическом и методологическом отношении.

Периферийные тексты призваны передать стратегию поиска в определенной области научного знания, причем стратегию, которая хотя бы частично реализована в основном тексте. Стратегия поиска научного знания обусловлена уровнем исследовательской практики. В частности, неявное осознание характера познавательной деятельности приводит к синкретичному выражению аксиологического и методологического аспектов знания, поскольку актуальным считается лишь онтологический аспект знания. В этом случае естественным было бы считать, что методологическую функцию в познании выполняют категории мышления. Однако пока не существует эффективного метода, с помощью которого можно было бы выявить все категории мышления, реализованные в текстах, и неизвестно, можно ли вообще составить полный список подобных категорий. Затруднение

связано также с отсутствием эффективного критерия, позволяющего отделить категории от понятий, и нечеткостью различий между понятиями и категориями. Поэтому мы исходим из того, что наиболее широкие терминологические понятия являются полифункциональными: каждое понятие выражает объект познания (онтологический аспект эпистемической ситуации), является средством исследования (методологический) и представляет собой форму и знания (аксиологический аспект).

Методологическая функция философских (наиболее общих) категорий, общенаучных понятий и частнонаучных терминов выявляется при описании свойств исследуемого объекта. Свойства объекта (качества, признаки) конкретизируются в отношении содержания посредством таких номинаций, как *сущность, природа, формы, состава — структура, строение, элементы, единицы, компоненты*, генезиса — *генезис, происхождение, истоки*, отношений с другими объектами, явлениями — *статус, положение, место; соотношение, связь, взаимосвязь, взаимодействие; единство, диада, триада; отличия, различия, специфика, особенности*, изменения — *изменение, становление, развитие, движение*, функции — *функция, роль* и др. Номинации этих аспектов описания объекта, употребленные в периферийных текстах (заглавиях, оглавлениях, аннотациях и др.), отражают познавательную стратегию автора, его категориальный профиль, эмпирический или теоретический характер полученного автором знания.

Усиление методологической ориентации современного научного знания обуславливает необходимость специального описания методологических установок и методического аппарата исследований. Вместе с тем ясно, что в современных описательно-теоретических произведениях невозможно «равноправно» полное описание применяемых способов изучения объекта (как невозможно вычленение «чистых» форм полученного знания в силу их диалектического единства). Номинации актуальных, с точки зрения автора, характеристик знания выносятся в оглавление и

аннотацию, что подчеркивает их значимость. С этой целью используются номинации подходов, методов, способов, приемов анализа, номинации форм познавательной деятельности (эмпирической и теоретической), номинации форм знания и их разновидностей, соотносящихся с используемыми методами и методиками получения нового знания.

Анализ, синтез, обобщение и другие методы получения научного знания реализуются в конкретных приемах, которые в результате многократного повторения в научно-познавательной деятельности «получают» и свои языковые средства выражения в тексте. С одной стороны, это номинации исследовательских процедур (*исследование, эксперимент, опыт, моделирование, трансформация, детализация, обобщение, диахроническое обследование* и мн. др.), с другой — это номинации собственно методологических понятий *метод, прием, подход, принцип* и т. д. (*методы* математической статистики, функционально-семантический *подход, способ* измерения продуктивности, *методы* разграничения значений, формально-грамматический *принцип* и мн. др.).

Приведем примеры экспликации методологической направленности в подзаголовках из лингвистических монографий: *Информативно-целевой **подход** и вопросы прагматической релевантности формально-лингвистических характеристик текста; Информативно-целевой **анализ** и другие виды информационного **анализа** текстов; Информативно-целевой **анализ** и другие методы информационного **анализа** текстовых массивов; Экспериментальное исследование денотатной структуры; **Наблюдения** над синтагматическим членением текста; Спорные вопросы **интерпретации** морфологических явлений словообразования; **Определение терминов**: понятие грамматического варианта, варианты слов и варианты форм; **Классификация** морфологических категорий; Вопросы **типологии** толковых и нормативных словарей.*

В периферийных текстах сохраняется (передается) смысловая структура основного научного текста, значит,

одним из необходимых компонентов отдельной смысловой единицы — эпистемической ситуации — является аксиологический компонент. Автор определяет содержание потенциального и полученного знания, степень его достоверности, новизны, показывает возможные пути получения и обоснования нового знания. В процессе его формирования субъект подвергает рациональной оценке как известное, так и новое, то есть реализует способность к эпистемической оценке конкретного содержания, определению статуса этого содержания по отношению к общему фонду знания. Как подчеркивает А. И. Ракилов, «главной фундаментальной задачей науки, ее “собственно задачей”, всегда остается производство новых истинных знаний и методов их создания и оценки».

Оценочную функцию концентрированно выполняют слова *проблема/проблемы, вопрос/вопросы, к проблеме/к вопросу, о проблеме, о/к...*, эксплицирующие такие главнейшие характеристики научного знания, как степень достоверности, дискуссионность, новизна. Иногда используются дополнительные лексико-семантические средства и синтаксические конструкции — для усиления важности исследований в мало или недостаточно изученных областях знания: *важнейшие* вопросы, *кардинальные* проблемы, *недостаточно разработанные* вопросы, *крайне слабая* разработанность теории, *фундаментальное* понятие, а также дискуссионности рассматриваемого вопроса: *обсуждается* смысл, ряд *спорных* проблем простого и сложного предложений, *дискуссионный* вопрос переходности. *Каково же положение?* Акцентируя внимание на проблематичности, дискуссионности, обоснованности и т. п., автор по существу говорит о ценности изложенного им знания. Но может быть эксплицирована и собственно позитивная оценка знания: *содержит богатый материал* для дальнейших изысканий, *имеет важное* практическое значение, *оригинально* трактуется, *одним из наиболее интересных побочных результатов* кажется нам... и др. Кроме того, автор, раскрывая объективное

состояние знания, может выразить к нему свое негативное отношение: *Семантико-синтаксический принцип не может считаться удовлетворительным. Без осмысления и обоснования этой проблемы всякие изменения в языке невольно сводятся к «теории колотворения форм».*

Оценка содержания включает и такие характеристики, как недостаточность, противоречивость имеющегося знания либо перспективность и значимость нового: *Следует привести в соответствие, т. е. построить на одном логическом основании, правила использования... Проведенная работа рассматривается автором как шаг на пути формальной разработки семантики языка. Грамматика словаря может быть использована для экономного автоматического порождения фраз. На его основе оказывается возможным достичь нового синтеза знаний о русском языке. Оценка новизны содержания может передаваться лексическими единицами с соответствующими значениями. Например: Предложенная система и традиционное решение вопроса о числе падежей, Традиции русской литературы в современной прозе, Перспектива нормативной лексикографии.*

Обратимся к анализу стратегии научного поиска, выраженной в заглавии, оглавлении и аннотации монографии В. В. Веселитского (М., 1972).

Заглавие — *Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX вв.*

Оглавление — Глава I. Введение (§ 1–4); Глава II. Общие условия функционирования *отвлеченной лексики в литературном языке XVIII в.*; Глава III. Новые слова. Некоторые «виды отношений» слов при новообразованиях; Глава IV. Новые значения. Лексико-семантические процессы; Глава V. Активизация и переосмысление слов, их дифференциация и специализация; Заключение.

Аннотация — В книге рассматривается *отвлеченная лексика* — один из основных лексических

пластов, активно развивающийся в период становления **русского литературного языка**. На фактическом материале описываются содержание и типы лексико-семантических изменений, собственно новообразования, заимствования, прослеживаются пути развития **литературного языка** нового времени в сфере изучаемой лексики.

Понятия **русский литературный язык** и **отвлеченная лексика, отвлеченная лексика и слово**, соотносящиеся как целое и часть, **слово** и **значение** — как предмет и его свойство, представляют собой объект познания, фиксируют онтологическую сущность знания. Кроме того, отношения между этими терминологическими понятиями выступают как методологический ориентир в познавательной деятельности. С позиции читателя, данные терминологические понятия являются «ключевыми» словами, отражающими стратегию поиска нового знания. Ключевые слова образуют узловые пункты смысла, организуют выраженную в тексте мысль и вместе с тем ограничивают ее. Благодаря аксиологическому аспекту наиболее широких (в тексте) терминологических понятий они используются как достоверные в контексте произведения.

Механизм взаимосвязи онтологического и методологического аспектов познания — материала и исходных принципов исследования — действует на уровне категориальных (особенно философских) понятий. Как известно, категория не существует как автономное познавательное явление, она всегда реализуется через сетку конкретных понятий, концептуальную *сеть определенного методологического подхода* к миру. Категориальные понятия могут быть эксплицированы «стихийно», без четкого акцента на их методологической роли, потому для их выражения используются строевые слова широкой общенаучной семантики (см. в приведенном примере *становление, содержание, типы, изменение, пути развития, процессы* и др.).

Аннотации, несомненно, свойственна описательная структура, реализуемая прежде всего именовым строем, то есть именовыми блоками-номинациями: *один из основных*

лексических пластов, период становления русского литературного языка, содержание и типы лексико-семантических изменений, пути развития литературного языка нового времени в сфере изучаемой лексики. Структурная роль не только блоков-номинаций, но и связующих глаголов мысли/речи *рассматривается, описывается, прослеживается*, формирующих интеллектуальный фон сообщения, может быть определена в соответствии с их коммуникативной значимостью (функцией) в смысловой структуре, т. е. в связи с включенностью их во внутреннюю структуру аннотации, выражением определенной эпистемической ситуации. Значимость аннотации в пределах коммуникативно обусловленной целостности текстов определяется ее объединяющей, обобщающей, «глобализирующей» функцией, наряду с которой в аннотации важное значение имеет рекламная сторона научной коммуникации.

Итак, сущностные характеристики знания определяют и пронизывают все компоненты текста, однако при том важном условии, что они рассматриваются в пределах текста всего *произведения как целостного единства*. В отличие от основного, в периферийных текстах научное знание выражается в наиболее обобщенной форме с акцентом на его статичности, в отвлечении от его динамической природы. Смысловая структура периферийных текстов действительно соотносится с эксплицированным в них научным знанием, а именно с онтологическим, методологическим и аксиологическим его аспектами. Смысловая структура периферийных текстов сопряжена с перспективой поиска научного знания и может быть выражена номинациями категориальных понятий, общенаучными словами широкой семантики и узкоспециальными терминами. Все они эксплицируют предмет изучения; подход, метод, способ, прием исследования, форму познавательной деятельности и соответствующую ей форму знания; степень достоверности, дискуссионность, новизну полученного автором знания. В периферийных текстах монографии выражается научное

знание, зафиксированное в определенный момент, на определенном уровне его развития, иначе говоря, представляющее собой эпистемическую ситуацию. Сопоставление эпистемических ситуаций, эксплицируемых в периферийных текстах, позволяет сделать выводы: 1) об их нетождественности, хотя в онтологическом аспекте они имеют одно и то же содержание; 2) взаимосвязи, обусловленной деятельностной природой знания; 3) их объединяющей функции, проявляющейся в пределах текста целого произведения.

Текст и оглавление монографии взаимосвязаны. Оглавление является структурной единицей произведения, представляя собой относительно самостоятельный специфический текст в пределах монографии, учебного пособия и других жанров. Оглавление реализует коммуникативное намерение автора в свернутой форме информировать читателя о развернутом знании (в единстве его онтологического, методологического и аксиологического аспектов), композиции содержания в основном тексте посредством актуализации тех или иных компонентов смысла.

Теперь рассмотрим лексические средства, наиболее приспособленные для выражения научного знания в периферийных текстах. В оглавлениях монографий лексика представляет определенный интерес потому, что из оглавления читатель получает различную информацию: во-первых, о тематическом пространстве знания; во-вторых, о направлениях расширения и углубления знания, известного об объекте исследования, о наиболее актуальных для данного знания способах его получения, о теоретическом или эмпирическом характере изложенного знания; в-третьих, о дискуссионности, степени новизны знания и т. д. Иначе говоря, в оглавлениях монографий знание эксплицируется с учетом аспектов знания, уровня обобщения «внутри» этих аспектов, степени актуальности каждого из них.

Как было сказано выше (гл. I), понятия, «взятые» в тот или иной момент познания, различаются как исходные, основные и уточняющие. Исходным является наиболее общее

в терминосистеме текста понятие, не определяемое в данном тексте посредством других понятий; уточняющим — частное понятие, используемое для развития основного понятия.

Учитывая все сказанное о специфическом содержании научного произведения, зафиксированном в терминосистеме того или иного текста, обратимся к смысловой структуре оглавлений, которые дифференцируются на четыре типа.

Структура оглавлений **I типа** обусловлена специфической коммуникативной установкой автора дать наиболее точную и полную эпистемическую информацию, то есть информацию о научном знании, степени его достоверности, методе его получения, — знании, изложенном в основном, развернутом, тексте произведения. Это наиболее распространенная структура оглавлений. Для примера приведем оглавление монографии М. А. Дерягиной «Манипуляционная активность приматов (этологический анализ в связи с проблемами антропогенеза)» [М., 1985]. Заглавие информирует читателя о характере содержания произведения — именно научном знании, поскольку дает эпистемическую характеристику содержания. Исходное понятие *антропогенез* употреблено в сочетании с номинацией формы знания *проблема*, предполагающей определенный уровень достоверности содержания. Эпистемическая характеристика этого исходного понятия, естественно, распространяется на все основные, развиваемые в данном тексте понятия (в пределах исходного понятия *антропогенез*). Акцентирование проблематичности знания с необходимостью предполагает повышение уровня достоверности (хотя бы и в минимальной степени) благодаря полученному новому знанию. При этом совершенно необходимо сообщить читателю о методе получения, т.е. квалифицировать знание в методологическом аспекте. В анализируемой заголовке эксплицирован и этот аспект посредством включения в него словосочетания *этологический анализ*.

Эпистемическая ситуация, представленная в заголовке, конкретизируется в оглавлении посредством выражения (или имплицитно) основных аспектов знания. В данном случае это осуществляется следующим образом.

Вся работа посвящена двум основным понятиям: *манипуляционная активность* и *орудийная деятельность*, причем главное — *манипуляционная активность*, так как термины *манипуляционная*, *манипулирование*, *манипуляция* повторяются в оглавлении (19 раз). Основные понятия рассматриваются с разных сторон, конкретизирующих методологическое направление, угол зрения, под которым автор получает новое знание. Методологическая направленность излагаемого знания эксплицируется посредством специальных номинаций (*о подходах, сравнительный анализ, сравнение, методы исследования, этологический анализ*), а также посредством категориальных номинаций (*система, формирование, развитие* и др.). Основные понятия (особенно — *манипуляционная активность*) почти во всех заголовках и подзаголовках сопровождаются эпистемической информацией в отношении их методологической характеристики. В актуальных с точки зрения автора ситуациях в окружение основного понятия включаются такие средства акцентирования степени достоверности информации, как существительное «проблема» и предлог «о», т.е. эксплицируется аксиологическая характеристика содержания.

Относительно лексической наполняемости анализируемого оглавления отметим следующее. Нетерминологическая лексика в нем отсутствует, преобладают общенаучные термины типа *элемент, объект, методика, фиксация, способ, сравнение* и узконаучная лексика, например: *этологический, антропогенез, приматы, филогенетический* и др. Неоднократно подчеркивается обобщенный смысл конкретного существительного «*приматы*» благодаря употреблению его в сочетании с другими терминами или абстрактными существительными. Характерно, что в оглавлении широко использован лексический повтор как надежный способ связи заголовков и подзаголовков, обеспечивающий точность информации, непрерывность и последовательность изложения материала. Лексический повтор выражает связь заголовка не только с общим заглавием, но и с другими заголовками.

Таким образом, структура оглавления I типа дает представление о **теоретическом** исследовании.

Структура оглавлений **II типа** характеризуется тем, что в основном заглавии представлены два понятия. Из оглавления монографии Е. С. Чекаловой «Константинополь в VI веке. Восстание Ника» видно, что она посвящена разработке понятий *Константинополь* и *восстание Ника*, которые рассматриваются с разных сторон, конкретизирующих эти понятия посредством категориальных номинаций *особенности, структура, роль, связи, последствия*. Исследование носит **эмпирический** характер: важнейшая для научно-теоретического знания эпистемическая характеристика не актуальна для излагаемого в данной монографии знания, отсутствуют «сигналы» степени достоверности содержания, нет описания методологического аппарата исследования, автор акцентирует внимание на описании исторических событий в их хронологическом порядке. Отсюда в оглавлениях, имеющих структуру II типа, выявлено большое количество существительных, включающих сему 'время' (*время, начало, истоки, на пути, на подступах, история рождения, гибель, крушение, период, год, век, эпоха, стадия* и др.).

Таким образом, структуру оглавлений II типа объединяет эмпирический характер исследования, хронологическая последовательность описываемых событий, тесная связь заголовков, выраженная лексическими повторами.

Структура оглавлений **III типа** имеет сходство со структурой II типа. Эти оглавления недостаточно информативны в эпистемическом плане, вместе с тем они в большей степени передают стремление автора привлечь внимание читателя к онтологическому аспекту знания, изложенного в тексте произведения. Такая установка обуславливает употребление определенных **экспрессивных** средств. По определению Е. М. Галкиной-Федорук, экспрессия — это усиление выразительности, образности, увеличение воздействующей силы сказанного. Экспрессивные же средства в языке служат усилению выразительности и образности при выражении как эмоции, воли, так и мысли.

Определенный эмоциональный настрой в оглавлениях **III типа** передается лексическими единицами, включающими оценочное значение: «*Радость открытия*», «*Постыжение подвига*», «*В трудовом строю*», «*Мера человечности*», «*Италия — прекрасное место на земле*», «*Великий голод*», «*Опасная окраина*», «*Дружба — вражда*» и др. С этой целью используются метафорические средства, например: «*Не-умолкающее эхо*», «*Комедия на орбите*», «*Рождение образа*», «*Даль романа*» и др. Метафора предполагает оценку явления, подчеркивает авторское отношение к теме. Привычное, устоявшееся свойство одного явления переносится на другое, где это свойство менее заметно, но в процессе метафоризации «едва заметное» попадает в фокус восприятия, на нем автор акцентирует внимание читателя.

В оглавлениях, имеющих структуру третьего типа, эмоциональная выразительность достигается и цитатами, нередко поэтическими, например: «*Наедине с тобой, брат...*», «*Смех растворен с горечью*», «*И назовет всяк сущий в ней язык...*», «*Вся Русь с одного боку*» и др. Известно, что узуально-экспрессивные средства входят в научное изложение как элементы закономерные и функционально обусловленные, способствующие повышению эффективности научной коммуникации в данной сфере общения. Подчеркнем, что смысловая структура оглавлений третьего типа весьма проста в эпистемическом плане, так как автор ограничивается лишь онтологическим аспектом представляемого в оглавлении знания, не актуализируя ни методологическую характеристику содержания, ни степень его достоверности.

Оглавления **IV типа** в эпистемическом плане также малоинформативны, их смысловая структура прозрачна. Это объясняется тем, что излагаемое знание получено в пределах преимущественно эмпирического познания, а не сложного, многоуровневого теоретического, требующего действительно многоаспектной квалификации.

Итак, смысловая структура таких специфических текстов, как оглавление, соотносится с определенной эпистемической

ситуацией, сложившейся в процессе получения и изложения нового знания. Актуализация тех или иных аспектов этой ситуации осуществляется прежде всего лексическими средствами, так как они дают наиболее точную информацию об основных особенностях знания — эмпирической либо теоретической его направленности. На этом основании четко выделяются четыре рассмотренных типа смысловой структуры оглавления. Рассматривая оглавление как специфический текст, можно показать, как реализуется в нем полевая организация знания, в частности, одного из его аспектов — онтологического. Для примера приведем оглавление книги Е. М. Вольф «Функциональная семантика оценки» [М., 1985].

Введение

1. *Семантика и структура*¹ оценки.

Глава первая. Общие *особенности* оценки.

1. Оценка как модальность.
2. Оценки *de dicto* и *de re*.
3. Абсолютная и сравнительная оценка.
4. «Безразличное» для оценки.
5. *Признаки* «хорошо/плохо». Их асимметрия.

Глава вторая. Семантические *особенности* оценки.

1. Субъективный и объективный *факторы* в оценке.
2. Оценочный и дескриптивный *компоненты* значения. Общая и частная оценка.
3. *Функция* выражения и *функция* замещения оценочных слов.
4. Проблема истинности оценки.
5. *Свойства* оценочного предиката («Эмотивность» («оценочность»), оценка эмоциональная и рациональная; «экспрессивность»; «аффективность», «интенсификация»).

...

3. *Элементы* оценочной *структуры*

Глава первая. ИмPLICITные *элементы* оценки.

1. Общие замечания.
2. Шкала оценок. «Норма».
3. Оценочный стереотип.
4. *Аспект* и *основание* оценки.

¹ Курсивом даны методологические «ориентиры» излагаемого знания.

Глава вторая. Субъект оценки.

1. *Общие замечания*. 2. Виды субъектов. Индивидуальный субъект и «общее мнение». 3. Субъект оценки в 1-м и 2-м лице. Субъект оценки и субъект «пользы».

Глава третья. Оценочные модусы.

1. *Общие особенности* оценочных модусов. Фактивность. Выбор наклонения. 2. Общеоценочные модусы. 3. Частнооценочные модусы. 4. Наречия и модальные слова как оценочные модусы.

Глава четвертая. Аксиологические предикаты.

1. *Общая характеристика*. 2. Предикаты «мнения»
3. Другие аксиологические предикаты.

4. Функциональные *особенности* оценки

Глава первая. Категоричность оценки и ее снижение.

1. *Общие замечания*. 2. Способы снижения категоричности.

Глава вторая. *Мотивировки* оценки.

Глава третья. Оценка и другие модальности.

1. *Общие замечания*. 2. Модальность долженствования. 3. Модальность желания. 4. Другие модальности. 5. Оценочные выражения в косвенных речевых актах.

Глава четвертая. Оценка при глаголе.

1. *Функции* приглагольных наречий. 2. *Соотнесенность* с «нормой». 3. Интенсификация. 4. Собственно оценка. 5. *Соотношение* наречий хорошо/плохо.

Глава пятая. Оценка и классификация.

1. Соотношение оценки и классификации. 2. Слова-классификаторы при оценке.

Глава шестая. Оценка и референция.

1. Референция аффективных оценок. 2. Оценка в речевых актах.

...

Глава первая. Речевые акты оценки.

1. Общие замечания. 2. Оценка и иллокутивные силы. «Экспрессивы». 3. «Кооперативный принцип» и «принцип вежливости» в оценке. 4. Социальные конвенции. 5. Говорящий — адресат. Оценки как перформативы.

Глава вторая. *Семантика* и *синтаксис* экспрессивов.

1. Оценочные номинации. 2. Семантическая инверсия при оценке. 3. Эмфаза. 4. Экспрессивы со словами *какой*,

как (аффективные экспрессивы). 5. Оценка в диалоге.
6. Косвенные речевые акты оценки.

Глава третья. Оценка и интерпретация.

1. *Общие замечания.* 2. *Виды интерпретации.* 3. *Оценочная интерпретация.*

Заключение.

В этом оглавлении к ядру онтологического поля знания относим исходные термины-понятия, в состав которых можно включить гносеологические — структура, элементы структуры, особенности, функция; общетеоретические (из знаковой теории языка) — семантика, прагматика (имплицитно в четвертой части); частнотеоретические (присущие теории языка) — семантика **оценки**, структура **оценки**, элементы **оценочной** структуры, общие особенности **оценки**, семантические особенности **оценки**, функциональные особенности **оценки**. К ядру онтологического аспекта знания относим также основные термины-понятия: **оценка**, **оценочные модулы**, **аксиологические предикаты**, **категоричность оценки**, **мотивировка оценки**, **модальность**, **интенсификация** и др., а к периферии — уточняющие термины-понятия, используемые для развития основных понятий оценки, — **абсолютная и сравнительная оценка**, **«безразличное» для оценки**, **признаки «хорошо/плохо»**, **«эмотивность»**, **«экспрессивность»**, **«аффективность»**, **оценка эмоциональная и рациональная**, **интенсификация**, **оценочный стереотип** и мн. др.

В приведенном оглавлении ядерно-периферийная структура онтологического аспекта знания легко соотносима с заголовками частей и глав (в них представлены исходные и основные термины-понятия), а также параграфов, заголовки которых включают либо основные, либо уточняющие термины-понятия, непосредственно соотносящиеся с последними. Как видим, исходные термины-понятия распределены по крупным компонентам членения содержания — частям, объединив развернутое в них содержание. При этом распределение исходных понятий в оглавлении осуществляется отнюдь не равномерно, эти термины-понятия могут

быть сконцентрированы в тех или иных фрагментах текста целого произведения. В данном случае первая часть насыщена такими номинациями, как *семантика, структура, особенности, признаки, факторы, компоненты, функция, истинность, свойства*.

Как было сказано выше, в оглавлении находят выражение все аспекты знания — не только онтологический и методологический, но и аксиологический. В этом специфическом тексте концентрированно оценочную функцию выполняют слова *проблема/проблемы, вопрос/вопросы, к проблеме, к вопросу, к, о проблеме, о*, эксплицирующие такие главнейшие характеристики научного знания, как достоверность, дискуссионность, новизна.

Анализ материала показывает, что в оглавлениях преимущественно описательно-эмпирических произведений оценочные слова *проблема, вопрос* малоупотребительны. Например, в оглавлении, приведенном выше, из 85 заголовков только в одном употреблено оценочное слово *проблема* (хотя, естественно, в этом проявляется также влияние редактора).

В оглавлениях же описательно-теоретических произведений, посвященных разработке и формированию оснований той или иной теории, проблематичность знания подчеркивается неоднократно. Например, из 22 заголовков в книге Ю. М. Скребнева «Введение в коллоквиалистику» 3 заголовка начинаются с оценочного слова *проблема*; из 36 подзаголовков в коллективной монографии «Теоретические и прикладные проблемы теории речевого общения» — 10 заголовков включают в себя слова *проблема, проблемы, некоторые проблемы*.

Дискуссионность вопроса может быть специально подчеркнута лексическими или синтаксическими средствами, например, лексическими единицами: «О статусе *так называемых* асемантических отрезков слов», «*Спорные вопросы* отождествления морфем», «*Споры* вокруг понятия нормы литературного языка»; вопросительными предложениями: «Предложение — сверху вниз? Каково же положение предложения?», «Является ли вид морфологической

категорией?» графически (посредством кавычек): «Можно ли считать единицы речи “потенциальными единицами языка”?», «Гипотеза “лингвистической относительности”», «“Инструментальные” концепции языка».

В некоторых заголовках автор акцентирует традиционность или новизну предмета, метода, методики исследования. Оценка новизны содержания может передаваться лексическими единицами с соответствующими значениями, например: «*Предложенная система и традиционное решение вопроса о числе падежей*», «*Традиционное учение о пяти продуктивных классах глаголов*», «*Традиции русской литературы в современной прозе*», «*Уроки общественных дискуссий о языке*», «*Перспективы нормативной лексикографии*».

Таким образом, в оглавлении как специфическом тексте выражается научное знание в единстве трех его аспектов, причем в оглавлениях как описательно-эмпирических, так и описательно-теоретических произведений наиболее последовательно, полно представлен онтологический аспект знания во взаимосвязи исходных, основных и уточняющих понятий (их номинаций), в то время как фрагментарно, лишь некоторыми лексическими единицами, например, *проблема, вопрос*, — аксиологический.

Подходя к более подробному анализу выражения методологического аспекта знания в оглавлениях монографий, обратим внимание на то общее, что характеризует путь получения нового знания, отраженный в оглавлении, путь не единственный, но отражающий закономерности обоснования и интерпретации развиваемых автором понятий и теоретических положений.

С этой целью используются заголовки:

1) с номинациями подходов, методов, способов, приемов исследования, например: «*Проблема произвольности и мотивированности языкового знака. Два подхода к проблеме*», «*Теоретический и методологический подходы к изучению вариантов в нормативном аспекте*»;

2) с номинациями форм познавательной деятельности (эмпирической и теоретической), например: «*Эмпирическое*

познание истории», «*Экспериментальное исследование денотатной структуры*», «Некоторые *наблюдения* над историческими изменениями в структуре предложения»;

3) с номинациями форм знания и их разновидностей, соотносящихся с используемыми методами и методиками получения нового знания: «*Общая характеристика*», «*Определение терминов*», «*Классификация морфологических категорий*», «*Типы каузативных глаголов*», «*Структура текста и коммуникативная типология речи*», «*Гипотеза об историческом интересе*», «*Закон и средства художественной актуализации*», «*Теория речевой деятельности и культура речи*».

Кроме того, в оглавлениях монографий стратегия поиска нового знания может быть представлена опосредованно. Рассмотрим лишь два приема. Один из них заключается в обобщении развиваемых в тексте понятий, отнесении их к общему, иначе говоря, их обосновании. Этот прием не эксплицирован специально (не описан как таковой), в тексте представлен лексически лишь результат такого обобщения (процесс обобщения элиминирован, как бы «запрятан» в подтекст). С целью выражения результата обобщения используются имена существительные, выражающие категориальные, общенаучные или частно-научные понятия. Другой прием представляет собой анализ и синтез в их единстве; он получает выражение синтаксически, а именно — посредством сочинительных рядов. Поскольку процессы анализа и синтеза представлены в сочинительных рядах компрессированно, сжато, лишь через результат, можно говорить об опосредованном выражении методологической направленности содержания при помощи данной синтаксической конструкции.

В научных текстах в качестве номинаций исходных понятий употребляемых с целью обоснования основных, развиваемых, используются названия аспектов изучения и описания предметов, например, *элементы, компоненты, свойства, особенности* и мн. др. Основные понятия получают в тексте развитие, уточнение, интерпретацию. В оглавлении они находятся как бы в окружении терминов,

функционирующих в качестве исходных и уточняющих. При этом вполне «обозримые» связи исходных, основных и уточняющих понятий обнаруживаются при субординационном построении оглавления. При такой композиции легко выявляются отношения терминов. Так, исходными могут быть родовые термины-понятия по отношению к видовым (имеют место классификационные отношения этих терминов-понятий) и весьма широкие, ассоциативно-категориальные, предполагающие наполнение конкретным содержанием. При этом в видовых терминах родовой компонент может быть представлен эксплицитно или имплицитно.

Функционально-познавательная значимость категориальных понятий обуславливает позицию в оглавлении: заголовки с исходными терминами/понятиями выносятся во главу цикла заголовков (с этой целью выделяются графически), называют наиболее крупные компоненты членения содержания текста (раздел, часть, глава); номинации исходных понятий выступают в качестве главных членов в заголовочных конструкциях. При этом сама позиция как бы задает масштаб содержания понятий. Широта семантики категориальных понятий предопределяет употребление их номинаций с конкретизирующими основными или уточняющими терминами-понятиями.

Таким образом, исходные понятия необходимы для обоснования основных понятий, основные же конкретизируют, наполняют конкретным содержанием исходные. Благодаря тесному взаимодействию номинаций исходных и основных понятий, в заголовках указанных крупных компонентов текста выражаются направление и «макропредел» познания данного объекта в процессе конкретного исследования. Ср.: «*Категория качества* в мышлении и языке. *Категория количества* в мышлении и языке», «*Фонема* (онтологическая *сущность* фонемы и вариантов фонемы)», «*Научный стиль речи как форма* логически организованного существования научной информации и обмена этой информацией», «*Генезис и развитие* исторического познания», «*Структура* и познавательный *статус* исторического познания», «*Формирование* понятия абстрактного ко-

личества, дальнейшее *развитие* количественных числительных».

Функциональная нагрузка категориальных терминов-понятий *система, структура, функция, генезис* и др. неодинакова, зависит от контекста их использования. Эти понятия могут выступать в качестве исходных терминов-понятий, выполняя методологическую функцию, или выступать в качестве одного из основных либо уточняющих понятий, причем весьма удаленных от основных, т.е. служить выражению фоновых знаний.

Опосредованное выражение аналитико-синтезирующей деятельности мы соотносим с заголовками, формирование которых осуществляется в соответствии с закономерностями как логических, так и ассоциативных процессов. Рассмотрим некоторые особенности ассоциативных моментов порождения подзаголовков, формирующих оглавление произведения.

Общие черты ассоциативных процессов легко выявляются в заголовках и подзаголовках с сочинительными рядами. Также заголовки соотносятся со степенью интенсивности ассоциирования, а именно (соответственно) — со слабым, средним и сильным ассоциированием.

Заголовки (как и любые высказывания) представляют собой «застывшие продукты» знания, полученного в определенные, актуальные для автора моменты процесса познания. В частности, открытые сочинительные ряды выражают аналитический аспект аналитико-синтезирующей деятельности в большей степени, закрытые же соответственно — в меньшей степени, причем компоненты закрытых сочинительных рядов ассоциированы с различной степенью интенсивности.

Структура сочинительных рядов в зависимости от их окружения в заголовках подразделяется на несколько типов:

1) компоненты сочинительного ряда не имеют конкретизаторов (в этом случае можно говорить о слабой ассоциативности, обусловленной преимущественно анализом): **«Синтагма, монема, синтема, предложение»;**

2) компоненты сочинительного ряда (один из них или каждый) имеют конкретизаторы (в рассматриваемом плане такие конкретизаторы незначимы, поэтому здесь, как и в первом случае, можно говорить о слабой ассоциативности компонентов сочинительного ряда): «**Коммунизм** и всестороннее, гармоническое **развитие** человека»;

3) сочинительный ряд с общим компонентом-конкретизатором (можно говорить о средней степени ассоциативности компонентов ряда, так как общий компонент эксплицирует характер ассоциации). Общий компонент может иметь то или иное синтаксическое оформление: «Радио- и **телепередача** как диалог», «Человек как индивид, личность и индивидуальность»;

4) сочинительный ряд с общим конкретизируемым компонентом, который подчеркивает синтезирующую сторону познания, фиксируя результат расчленения (деления) понятия по определенному ассоциативному признаку (можно говорить о сильной ассоциативности компонентов ряда, так как общий компонент ограничивает область ассоциирования): «**Простое** и **сложное предложение**», «Соотношение **внешней** и **внутренней деятельности**». Такой сочинительный ряд представляет собой компрессированную форму сочинительного ряда, в котором компоненты являются номинациями разновидностей одного и того же предмета, явления. «Логико-семантический *синтаксис* и коммуникативный *синтаксис*».

Естественно, что в заголовках сочинительные ряды могут находиться в весьма развернутом окружении, которое, несомненно, актуализирует связь компонентов (акцентирует синтез) или ослабляет ее посредством наиболее полного и точного выражения содержания. С одной стороны, с целью усиления, акцентуации синтеза компонентов сочинительного ряда используются различные языковые и несобственно языковые возможности оформления заголовков. Можно, в частности, назвать личное местоимение, замещающее первый компонент сочинительного ряда: «Текст и **его** функционирование в лингвокультурной общности». Кроме того, можно назвать знак «тире» в особой функции,

обусловленной актуализацией синтезирующей стороны познания, например, «Знаки — значения — вещи (явления)». С другой стороны, выражение компонентов сочинительных рядов в форме развернутых смысловых групп (относительно самостоятельных), конечно, не способствует их синтезу, наоборот, как бы ослабляет связь, формально эксплицитированную сочинительным союзом **и**, например: «Этап выделения множества-эквивалента (множества-эталона) **и** возникновение понятий об определенных количествах (числах)».

Таким образом, в оглавлениях научных произведений методологический аспект знания выражается по существу опосредованно. Во-первых, благодаря методологической функции номинаций философских категорий, общенаучных и частнонаучных терминов или слов широкой семантики, не определяемых и не развиваемых в данном произведении, функционирующих в тексте в качестве исходных, фиксирующих направление в получении нового знания. Во-вторых, благодаря использованию в заголовках сочинительных рядов со слабой, средней и сильной ассоциативной связью их компонентов. Интенсивность смысловой связи (ассоциативности) компонентов ряда обусловлена актуализацией анализирующей либо синтезирующей сторон взаимосвязанной аналитико-синтезирующей познавательной деятельности.

Обобщая изложенное, подчеркнем, что смысловая структура специфических периферийных текстов обусловлена экстралингвистической основой текста целого произведения (монографии). В отличие от основного текста, в периферийных автор выражает научное знание более обобщенно, констатируя его результативность (в статике), отвлекаясь от его динамической природы. Поэтому знание в специфических текстах фиксируется в виде совокупности эпистемических ситуаций (статических состояний) как качество определенных минимальных целостностей, включающих: 1) предмет изучения; 2) подход, метод, способ, прием исследования, форму познавательной деятельности

и соответствующую ей форму знания; 3) степень достоверности, дискуссионность, новизну полученного автором знания. В периферийных текстах выражаются эпистемические ситуации, имеющие одно и то же онтологическое содержание, однако не тождественные в эпистемическом отношении, выполняющие глобализирующую (объединяющую) функцию в пределах произведения и коммуникативную функцию, варьирующуюся в более широком контексте познавательно-коммуникативной деятельности.

В оглавлениях имеет место как непосредственное выражение всех компонентов эпистемической ситуации (функционально однозначными лексическими единицами), так и опосредованное выражение ее методологического компонента. В частности, опосредованное выражение аналитико-синтезирующей деятельности субъекта познания реализуется посредством номинаций философских категорий, общенаучных терминов и слов широкой семантики, а также посредством синтаксических конструкций с сочинительными рядами, которые отражают логические и ассоциативные процессы в формировании текста. Открытые и закрытые сочинительные ряды, соотносящиеся со слабым, средним и сильным ассоциированием, представляют собой реализацию анализирующего, аналитико-синтезирующего (смешанного) и синтезирующего способов познания.

ГЛАВА VI

ОСНОВНЫЕ ЖАНРЫ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Коммуникативное совершенство текста во многом определяется его соответствием жанру — исторически сложившемуся устойчивому типу научной литературы, обладающему функционально-стилевой спецификой и стереотипной композиционно-смысловой структурой.

Научный стиль реализуется в крупных и малых жанрах. К первым относятся монография (индивидуальная и коллективная), диссертация, энциклопедия, словарь, справочник, учебник, учебное пособие; ко вторым — статья в периодическом или непериодическом издании, реферат, аннотация, тезисы, обзор, рецензия, хроника и др. Малые жанры выделяются не только по количественному признаку. Обычно они не обладают отдельностью: статьи, рецензии, хроники, рефераты помещаются в журналах и сборниках. В крупных жанрах, например в учебнике, соседние части подчинены целому, даже при разном авторстве, т.е. связаны как логико-смысловой, так и внешней линейной связью.

В зависимости от степени обобщения научных сведений выделяются первичные и вторичные жанры. В первичных жанрах излагается знание, полученное в процессе исследования, вторичные жанры информируют только о конечных результатах исследований, уже опубликованных в первичных текстах. В зависимости от коммуникативно-прагматических функций текста различаются 1) собственно научный (академический) тип, который представляют монографии, статьи, диссертации, тезисы, доклады, сообщения, выступления, научно-технические отчеты; 2) информационно-реферативный — рефераты, обзоры,

аннотации, резюме; 3) справочно-энциклопедический — энциклопедии, словари, справочники; 4) научно-оценочный — рецензии, отзывы, экспертные заключения, полемические выступления, дискуссии; 5) научно-учебный — учебники, учебные пособия, курсы лекций; 6) научно-методический (инструктивный) — методические пособия, программы, рекомендации, инструкции; 7) научно-деловой — патенты, авторские свидетельства, описания изобретений, стандарты, технические условия, спецификации, рекламации.

Кратко охарактеризуем некоторые из перечисленных жанров.

Монография — научный труд, посвященный многоаспектному рассмотрению и решению актуальной проблемы, обладающий новизной теоретического или эмпирического содержания, единством научного подхода, смысловой завершенностью, сложной композиционной структурой.

Композиция монографии отражает процесс коммуникативно-познавательной деятельности ученого и динамику научного мышления, включающего этапы проблемной ситуации, проблемы, идеи, гипотезы, аргументации, вывода (закона). Монографиям свойственны два типа композиции — моноцентрическая и полицентрическая. Первая характеризуется последовательной манифестацией познавательных форм (проблемной ситуации, проблемы, идеи и др.), отражающих решение одной проблемы. В произведениях с полицентрической композицией основная проблема расчленяется на ряд соподчиненных проблем, что приводит к разветвленности содержания произведения. Стереотипная композиционная структура монографии является коммуникативно целесообразной: она создает четкую перспективу развертывания и восприятия текста, способствует ясности изложения, программирует восприятие и понимание смысла адресатом.

Структурная целостность монографии обеспечивается не только за счет тематического и смыслового единства ее содержания, но и благодаря прагматической рамке, которую образуют периферийные тексты — аннотация, предисловие,

заключение, библиографический список, оглавление. Несмотря на научно-познавательную избыточность, они являются необходимыми компонентами монографии. В краткой и обобщенной форме дублируя основное содержание, периферийные тексты представляют важнейшие аспекты полученного знания, удовлетворяя информационные потребности адресата. Одни из этих текстов предварительно сообщают о содержании основной части (аннотация, предисловие); другие акцентируют внимание на наиболее значимых результатах проведенного исследования и сообщают о возможностях его практического использования (заключение); третьи ориентируют читателя в расположении научной информации в тексте (оглавление); четвертые выполняют справочно-библиографическую функцию (библиографический список).

Основные черты монографии как центрального жанра научной литературы присущи и **статье**, обладающей менее разветвленной смысловой структурой и в связи с этим более простой композицией и меньшим объемом. Жанр статьи дифференцируется следующим образом: 1) проблемно-постановочная статья; 2) статья — краткое сообщение о результатах научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; 3) собственно-научная (научно-техническая) статья, в которой достаточно подробно излагаются основные результаты исследования; 4) историко-научная обзорная статья; 5) дискуссионная / полемическая статья; 6) научно-популярная статья; 7) рекламная статья.

Тезисы — краткая запись содержания научного исследования в виде основных, сжато сформулированных положений.

По содержанию тезисы бывают первичными, т. е. авторскими, и вторичными, созданными на основе чужого текста. Оригинальные тезисы предназначаются для научно-делового общения, публикуются в виде сборника и обычно распространяются между участниками форума до его начала. Кроме того, тезисы как бы создают аудиторию «заочных» участников форума, для которых важно в предельно

экономной форме представить его содержание. Наконец, тезисы имеют и более долговременного адресата — массу специалистов, заинтересованных в получении соответствующей информации и в поисковой ориентировке. Публикуемые тезисы обычно совмещают все три предназначения, которые должны учитываться в первую очередь автором, а также редактором и читателем.

Тезисы предполагают определенную и строго нормативную композиционно-смысловую структуру, состоящую из 1) преамбулы (содержащей ввод в проблематику, обоснование ее актуальности, представление предмета исследования), 2) основного тезисного изложения (3-6 тезисов, составляющих предметно-логическое единство), 3) заключительного тезиса (итога изложенному). Заключительный тезис обычно необходим при комбинаторной усложненности основного тезисного изложения или при необходимости целостной подытоживающей констатации полученного знания.

Строго логическое членение тезисного содержания подчеркивается рубрикацией, а в определенных случаях и выделением абзацев под одной рубрикой. Выделение первой и третьей структурной части под отдельной рубрикой или в отдельный абзац не обязательно — они могут примыкать к последующей или предыдущей части. По стилю изложения различают два типа тезисов: глагольного (с преобладанием глагольных сказуемых) и именного строя (с преобладанием имен существительных).

Взаимосвязи отдельных тезисов в рамках основного тезисного изложения могут осуществляться в различных комбинациях: по принципу причинно-следственной последовательности, по принципу индуктивного соподчинения, по принципу дедуктивного соподчинения, а также в различных комбинациях этих трех типов. В тезисном произведении должна четко просматриваться строгая логическая схема целого, и ему не свойственно затрудняющее понимание многообразие частных комбинаций.

К тезисам больше, чем ко многим другим жанрам научной литературы, применимы строгие требования

стилистической чистоты и однородности речевой манеры. Здесь в принципе недопустимы эмоционально-экспрессивные метафоры, перифразы, инверсии, эллипсисы, восклицания и иные иностилевые включения, смещения способов речевого оформления, неточности и небрежности в оформлении.

Общей нормой стиля тезисов является высокая насыщенность высказывания предметно-логическим содержанием. Эта норма реализуется в оптимальном преодолении противоречия между содержательной концентрацией и коммуникативной доступностью. Нарушения данной нормы находят следующие типичные проявления: 1) чрезмерная усложненность фразы, затрудняющая восприятие и сохранение в памяти ее содержания; 2) содержательная недогруженность фразы (низкий удельный вес научно значимой информации); 3) чрезмерное дробление фраз «ради простоты», приводящее к дроблению самой мысли, затрудняющее установление взаимосвязей между ее фрагментами, а также часто привносящее ложную эмоциональную экспрессию. Трудности содержательного восприятия фразы зависят не только от ее длины, но и от характера построения. Даже длинная фраза может легко восприниматься при логически прозрачном и последовательном движении мысли, а также соответствующем этому движению четком и однозначном языковом оформлении. Напротив, если части словосочетания разбиваются широко распространенной вставкой, если предикативная основа обрастает многочисленными оборотами и «оборотами в оборотах», попутными замечаниями и оговорками, то фраза часто становится трудновоспринимаемой и при небольшой длине, раздражает читателя, запутывает его.

Учебник (учебное пособие) — учебно-научное сочинение, излагающее основы той или иной науки и предназначенное для дидактических целей. Основными отличиями учебника от других видов научной литературы являются «сжатая полнота» информации (А. Н. Васильева), предметно-логическая последовательность, ясность и доходчивость изложения, активизация внимания адресата.

Сжатая полнота выражается в том, что, с одной стороны, излагается только часть накопленной информации о предмете данной науки, но, с другой — эта часть является базовой и равномерно-разносторонне характеризующей предмет. Этим определяется и предметно-логическая последовательность изложения, а именно: сначала дается определение и общая характеристика предмета, определяются его основные стороны (аспекты), затем рассматривается каждая из сторон. При описании аспектов данная структурно-содержательная схема обычно сохраняется. Поскольку в учебнике представлено уже устоявшееся, базовое (дисциплинарное) знание, изложение в целом не имеет проблемного характера и полемической заостренности (за отдельными исключениями).

Научная рецензия выполняет функции репрезентации научного труда, его оценки и осмысления в общем пространстве научного знания. Рецензия — давно сложившийся жанр с высокой степенью стандартизации на всех уровнях построения текста. Ее отличают особый словарь (прежде всего оценочная лексика) и типовые грамматические структуры, посредством которых актуализируется диалогическая природа этого жанра.

Основные функции рецензии — информирующая и оценочная — могут быть реализованы по-разному, так как ее композиция и пропорциональное соотношение частей вариативны. В то же время инвариантная структура рецензии гармонично сочетает информирование читателя о содержании новой научной публикации, анализ ее отдельных положений с оценкой работы в целом. В рецензии максимально проявляется личностное начало, что ведет к использованию различных языковых единиц, посредством которых рецензент обнаруживает себя как субъект речи, субъект сознания, субъект эмоций, т. е. индивидуальная языковая личность.

Объектами оценки в научной рецензии являются: обозначение рецензируемой работы через ее жанр (словарь, справочник, пособие, монография и др.); аспекты, методы

исследовательской деятельности ученого; поставленная научная задача; материал исследования; характер стиля и др. Как правило, в рецензии представлены четыре типа оценок научного произведения в целом и его отдельных аспектов: 1) общая аксиологическая оценка (*высокий уровень, хороший образец, блестящая идея*); 2) ментальная оценка, включающая в себя психолого-интеллектуальную (*важный вклад, основополагающий метод, серьезная попытка* и др.) и эмоционально-интеллектуальную (*остроумная идея, рациональный подход, тонкий анализ*) оценку; 3) практическая оценка, основывающаяся на отношении к норме, стандарту, традиции, актуальности, эффективности и т. д. (*идеальная классификация, академический труд, своевременная постановка проблемы*); 4) эмоциональная оценка, обозначающая различные психологические состояния и реакции (*сильное впечатление, неожиданные выводы, поразительные результаты*).

Реферат — семантически адекватное, ограниченное малым объемом и вместе с тем достаточно полное изложение основного содержания первичного научного текста, отличающееся постоянством структуры и предназначенное для выполнения разнообразных информационных функций при использовании его читателями разных категорий. В настоящее время в сфере научной коммуникации реферат является одним из самых распространенных жанров. Главная функция любого реферата — информативная. Из всех вторичных документов он отличается наибольшей информативностью, благодаря чему в ряде случаев реферат может заменить первоисточник. Прежде всего это касается расширенных рефератов, типа публикуемых в экспресс-информации ВИНИТИ, реферативных журналов ИНИОН и т.п., а также кратких рефератов статей, содержащих описание изделий, технологических процессов, результатов экспериментов.

Основные требования, предъявляемые к реферату, были сформулированы еще М. В. Ломоносовым, который цель реферата видел в том, «чтобы уметь схватить новое и существенное в сочинениях...». Поскольку реферат является

сообщением вторичного характера, его тема и содержание обусловлены темой и содержанием реферируемого источника информации. В реферате сохраняются уровень доступности материала, присущий первичному тексту; отдельные структурные элементы реферируемого документа (заглавие, текстовая часть, некоторые рисунки и др.). Для процесса реферирования имеет значение и такое существенное явление, как инвариантность информации, т. е. независимо от степени сжатия информации ее семантические свойства остаются неизменными. Свертывание становится возможным благодаря анализу, обобщению и представлению в реферате прежде всего тех фактов, которые относятся к основным аспектам содержания первичного текста. Иными словами, в процессе подготовки реферата извлекается главная идея, которая объединяет все информационные элементы первичного документа и основные факты.

Специфической разновидностью реферата является **автореферат диссертации** (АРД), фиксирующий основное содержание диссертации, выполняющий функцию информирования о результатах проведенного исследования и введения их в сферу научной коммуникации.

В структурном отношении АРД, как и всякий реферат, включает три части: заголовочную (сведения о специализированном совете, ФИО автора, название темы, шифр и название специальности, название ученой степени); собственно реферативную, в которой излагается содержание диссертации; справочную (сведения о ведущей организации, научном руководителе, оппонентах, дате защиты, а также перечень опубликованных работ).

Основной объем АРД занимает собственно реферативная часть, которая существенно отличается от аналогичного структурного элемента прочих рефератов. Ее особенность заключается в том, что она состоит из трех практически самостоятельных разделов. В первом разделе дается общая поаспектная характеристика содержания диссертации, во втором излагается содержание диссертации по ее структурным элементам, в третьем приводится обобщенное

заключение. Поаспектная характеристика диссертации включает следующие рубрики: актуальность темы, научная проблема (задача), цель исследования, объект и предмет исследования, результаты исследования, методы, материал, условия исследования, научная новизна, теоретическая значимость, практическая ценность, реализация результатов, пути их дальнейшей реализации, апробация работы, структура и объем диссертации. Для представления соответствующих аспектов диссертации используются стандартные стилистические конструкции, напр.: *Автор видит новизну полученных результатов в том, что...; По мнению автора, новыми являются...; В отличие от ... в данной диссертации...; Материалы исследования могут быть использованы в...; На защиту выносятся следующие положения...* и др.

Второй раздел АРД должен дать как можно более полное представление о содержании и внутреннем единстве диссертации. Здесь важно показать, как были получены результаты, представить ход исследования, изложить суть использованных методов, привести данные об их точности и трудоемкости, описать условия и основные этапы эксперимента. Во всех случаях – т. е. независимо от научной области, темы и других конкретных факторов – в АРД необходимо включать выводы и конечные результаты. Сокращение текста в процессе реферирования достигается за счет уменьшения количества (или исключения) рассуждений, сравнений, обсуждений, обоснований, описаний и т. п. Резервом для сокращения могут послужить иллюстрации, из которых в АРД целесообразно включать лишь самые необходимые.

В Заключении не стоит перечислять общие выводы диссертации, уже изложенные в первом и втором разделах, целесообразнее давать обобщенную итоговую оценку проделанной работы. При этом следует указывать, в чем автор видит главный смысл своего труда; какие важные побочные результаты получены при выполнении диссертации; каковы новые научные задачи / проблемы в связи

с проведенным исследованием и возможные направления их решения. Заключение, составленное по такому принципу, дополнит характеристику теоретического уровня диссертации, а также продемонстрирует профессиональную зрелость автора и его научную квалификацию.

Несмотря на то что жанры представляют собой типовые формы воплощения научного знания, они варьируются и исторически изменяются. Жанровое варьирование определяется стандартом оформления знания в той или иной области науки, ее полиграфическими и издательскими канонами, а также национально-культурными традициями.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Архангельская А.С. К проблеме индивидуального стиля в научных исследованиях // НТР и развитие художественного творчества. Л., 1980. С. 62–75.

Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001.

Вайятт Г.В. Когда информация становится знанием? // Коммуникация в современной науке. Москва, 1976.

Вучева Е. За трите семантични плана на речта // Съпоставително езиковедение, 2005, №1.

Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь, 1992.

Данилевская Н.В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь, 2005.

Дементьев В.В., Рогачева Н.Б. Сопоставление культур через посредство категории «Коммуникативный идеал» // “Stylistyka” XV, Opole, 2006.

Зуев К.В. Идеологизация языка в политических, авангардистских и научных текстах начала XX в. Канд. дисс., Ставрополь, 2005.

Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки: гносеологический анализ. М., 1985.

Катышев П.А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. Томск, 2005.

Кибрик А.Е. Константы и переменные языка, СПб, 2003.

Князева Е.Н. Синергетическая модель эволюции научного знания // Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. М., 1996.

Кожина М.Н. О некоторых вопросах диахронической стилистики, Лингвостилистические исследования научной речи. М., 1979.

Коммуникация в современной науке. Логика и методология науки: Сборник переводов. Составление, общая редакция и вступительная статья Э.М. Мирского и В.Н. Садовского. М., 1976.

Котурова М.П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения, Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч.1. Под ред. проф. М.Н. Кожиной. Пермь, 1996. С. 341–369.

Кукушкина О.В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М., 1998.

Кузьмина Н.А. Когнитивные механизмы цитации // Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб. научн. трудов. Пермь, 1999.

Леонтьев Д.А. Понимание смысла и смысл понимания // Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / Под общ. ред. А.А. Брудного, А.В. Уткина, Е.И. Яцуты. М., 2006.

Майер Б.О. Философский метаанализ и герменевтика в естественных науках / Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / Под общ. ред. А.А. Брудного, А.В. Уткина, Е.И. Яцуты. М., 2006.

Митина О.В. Математика как язык междисциплинарного взаимодействия: перспективы математических методов в гуманитарных науках // Поверх барьеров: человек, текст, общение: Тезисы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.А. Леонтьева. М., 2006.

Молчанова Г.Г. Импликативные аспекты семантики художественного текста: Автореф. дис. ... докт.филол.наук. М., 1990.

Мучник Б.С. Человек и текст. М., 1985.

Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1982.

Нагель О.В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики (Когнитивно-функциональный аспект). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.

Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси, 1978.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.

О'Коннор Дж. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Джозеф О'Коннор и Иан Макдермотт. М., 2006.

Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / Под общ. ред. А.А. Брудного, А.В. Уткина, Е.И. Яцуты. М., 2006.

Разинкина Н.М. Библиографические ссылки и их роль в организации научного текста (на материале английского языка) // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986. С. 115–129.

Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Томск, 1996.

Ремчукова Е.Н. Способы преодоления грамматического стандарта в разных типах русской речи // Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб. научн. трудов. Пермь, 2002.

Рябцева Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект: Науч. доклад. М., 1996.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.

Свешников А.В. Композиционное мышление. М., 2001.

Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений, М., 1976.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. М., 1981.

Улановский А.М. Смысл и понимание речевого сообщения. — Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / Под общ. ред. А.А. Брудного, А.В. Уткина, Е.И. Яцуты. М., 2006.

Фрей А. Грамматика ошибок: Пер. с фр. / Вступ. ст. В.М. Алпатова, М., 2006.

Фрумкина Р.М. Есть ли у лингвистики своя эпистемология // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 74–117.

Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб., 2004.

Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.

Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: теоретическое учебное пособие. СПб., 2004.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Барыкина А.Н., Бурмистрова В.П., Добровольская В.В., Цыганкина А.Г. Практическое пособие по развитию навыков письменной речи. М., 1983.

Барыкина А.Н., Бурмистрова В.П., Добровольская В.В., Цыганкина А.Г. Пособие по развитию письменной речи. М., 1986.

Бушлакова О.Н., Булгакова Л.Н., Красильникова Л.В., Нестерская Л.А. Пособие по обучению профессиональной научной речи. М., 1991.

Былинский К.И. Справочная книга корректора и редактора. М., 1974.

Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи. М., 1976.

Васильева А.Н. Основы культуры речи. М., 1990.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Гиренко Л.С. Лексические средства выражения плотности содержания (в русских научных текстах XVIII века): Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 6. Пермь, 2003.

Демидова А.К. Пособие по русскому языку: Научный стиль речи. Оформление научной работы: Учеб. пособие. М., 1991.

Жижина С.А., Курганова С.П. Пособие по работе над научным текстом. М., 1981.

Кожина М.Н., Стилистика русского языка. Изд. 4-е, доп. и перераб. М., 2008.

Карлина Н.Н., Марков В.Т., Петропавловский А.В., Шувалова С.А. Языковые средства выражения типовых элементов содержания научного текста. М., 1987.

Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). Красноярск, 1988.

Кулешова Л.Н. Модальность истинности текста как средство убеждения // Этика и социология текста: Сб. статей научно-методического семинара «TEXTUS». Вып. 10 / Под ред. д-ра филол. наук, проф. К.Э. Штайн. СПб.; Ставрополь, 2004. С. 88–92.

Лариохина Н.М. Обучение грамматике научной речи и виды упражнений. М., 1989.

Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. 2-е изд., М.: Русский язык. 1985.

Митрохина В.И., Мотовилова О.Г. Пособие по русскому языку для работы над научными текстами. М., 1976.

Основы научной речи / Под ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. М.; СПб., 2003.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М., 1986.

Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. С. 105–114.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В научных текстах выявлен широкий ассортимент языковых единиц с контекстуальным значением связи единиц речи. Представляется, что списки синонимичных языковых единиц, реализующих в контексте научной речи связующую функцию, помогут автору (и редактору) обогатить стиль изложения в научном произведении.

Список словосочетаний и конструкций связи, выражающих связь между самостоятельными предложениями и абзацами

Необходимо (нет необходимости) + инфинитив глаголов мысли, речи и восприятия

Нет необходимости... говорить, что	Необходимо понять
Необходимо заметить, что	Необходимо поставить вопрос
Необходимо знать	Необходимо представить себе,
Необходимо иметь в виду, что	что
Необходимо напомнить	Необходимо раскрыть, что
Необходимо обратить внимание	Необходимо сделать несколько замечаний
Необходимо определить, что	
Необходимо остановиться на	Необходимо указать на
Необходимо отметить, что	Необходимо указать, что
Необходимо подчеркнуть, что	Необходимо упомянуть
	Необходимо учитывать

Надо, надобно (нет надобности) + инфинитив

Нет надобности доказывать, что	Надо отметить тот факт, что
Надо думать, что	Надо подчеркнуть, что
Надобно желать	Надо представлять себе
Надо заметить, что	Надо прибегнуть
Надо иметь в виду, что	Надо принимать во внимание
Надо оговориться, что	Надо сказать, что

Далее по тексту: ... + инфинитив

Нужно (интересно, полезно, целесообразно и др.) + инфинитив

Целесообразно дать определение	Интересно отметить, что
Ничего не нужно добавлять	Под х нужно понимать
Не нужно забывать, что	При этом нужно предположить
Нужно еще заметить, что	Нужно еще прибавить, что
Полезно заметить, что	Нужно принять во внимание
Нужно иметь в виду	Нужно сказать, что
Небезынтересно напомнить, что	Нужно считать общепринятым, что
Нужно обратиться к исследованию	Нужно упомянуть
Целесообразно остановиться на	Нужно установить, что
Нужно отметить	Нужно было бы установить

Достаточно + инфинитив

Достаточно заметить, что	Достаточно отметить, что
Достаточно констатировать	Достаточно сказать, что
Достаточно определить	Достаточно указать, что

Важно + инфинитив

Важно заметить, что	Важно подчеркнуть, что
Важно отметить, что	Важно рассмотреть
Важно отличать	Важно указать на
Важно определить	Важно установить

Должно + инфинитив

Должно думать, что	Должно принять во внимание, что
Должно заметить, что	Должно сказать
Не должно забывать, что	Должно считать

Следует (требуется) + инфинитив

Следует добавить, что	Следует отнести
Требуется доказать, что	Следует еще раз подчеркнуть
Не следует думать, что	Следует помнить, что
Не следует забывать, что	Переходя..., следует предположить
Следует заметить, что	Следует принять, что
Следует знать, что	Следует сделать вывод, что
Следует иметь в виду, что	Подводя итоги..., следует сказать, что
Следует напомнить в этой связи, что	Затем следует узнать
Следует обратить внимание на	Следует указать
Следует отметить	Не следует упускать из виду того, что
Следует отметить, что	

Легко, нетрудно + инфинитив

Легко видеть, что	Нетрудно понять, что
Нетрудно вывести, что	Нетрудно себе представить, что
Легко доказать	Нетрудно привести примеры
Нетрудно доказать	Нетрудно прийти к заключению, что
Нетрудно доказать, что	Как легко проверить
Легко заметить, что	Легко проверить, что
Нетрудно заметить, что	Нетрудно проверить
Легко подсчитать, что	В этом легко убедиться
Легко показать, что	Легко убедиться, что
Нетрудно показать, что	В этом нетрудно убедиться
Легко понять, что	Нетрудно убедиться, что
Легко было бы представить себе, что	Легко указать
	Нетрудно уяснить себе, что

Можно (мы можем, вправе, нельзя и др.) + инфинитив

Из сказанного можно видеть	Это можно показать на примере
Как это можно видеть из	Можно полагать, что
Можно видеть, что	Нельзя понимать упрощенно
После этого можно вообразить	Можно предполагать, что
Можно вспомнить	Можно предположить, что
Представляется возможным	Нельзя предполагать, что
выдвинуть гипотезу о том, что	Ошибочно будет предполагать
Можно говорить о	Естественно будет предположить, что
Можно говорить, что	Сначала можно предположить, что
Можно было бы говорить о	Можно представить себе
Мы не можем говорить	Мы не можем себе ясно представить
Можно добавить, что	Уравнение можно еще представить так
Можно доказать	Можно представить, что
Можно доказать, что	Невозможно себе представить, чтобы
Можно допустить, что	Нельзя пренебрегать (не вправе)
Мы можем допустить, что	пренебрегать
Можно думать, что	Можно привести ряд
Смеем думать, что	Можно прийти к
Нельзя думать, что	Можно прийти к заключению, что
Нельзя забывать, что	Нельзя не принимать во внимание
Мы вправе заключать, что	Можно принять, что
Отсюда можно заключить, что	Можно разуметь
Из этого мы можем заключить, что	Можно рассматривать
Отсюда мы могли бы сделать	Можно свести изучение проблем
следующее заключение (вывод), что	Можно сказать
Можно заметить, что	Можно сказать, что
Анализируя..., можно заметить, что	Поэтому мы можем сказать, что
Мы можем заметить, что	Рассматривая..., мы можем сказать,
Мы не можем зафиксировать	что
Нельзя исключать упоминание	Мы не могли бы сказать, что
о том, что	
Можно исследовать	

Можно констатировать, что
Естественно назвать
Здесь уместно напомнить
Можно было бы начать изложение
Нельзя не обратить внимания на
то, что
Это можно объяснить
Естественно ограничиться
рассмотрением
Нельзя ограничиваться
Мы можем ограничиться
предположением, что
Мы можем определить
Я не могу здесь останавливаться
Можно отвлечься от
Нельзя не отметить, что
Нельзя отрицать
Мы можем оценить
Мы можем перейти к
Нельзя переоценить
Можно переформулировать
Мы рискуем подойти к выводам
Мы не можем подтвердить
Можно было подумать, что
Нельзя сказать, что

Нельзя не согласиться с тем, что
Мы не можем соотнести
Нельзя сомневаться, что
Об этом можно судить по
Можно считать, что
Естественно считать, что
Ошибочно считать, что
Мы не можем считать
невозможным
Можно считать символом
Нельзя считать правильным
Можно убедиться
Рассматривая.., мы можем
убедиться
Мы не можем узнать
Можно указать на
При этом нельзя упускать из
виду, что
Можно утверждать
Можно утверждать, что
Не можем утверждать, что
Мы не можем утверждать, что
После этого нельзя утверждать
более, что
Естественно характеризовать

Глаголы в настоящем времени

Мы ассоциируем	Сейчас мы обращаемся к...
Мы видим	Мы пока оставляем в стороне
Это мы и видим	Переходим (перехожу) к изложению
Мы видим, что	Мы познаем легко, что
Как видим	Я полагаю, что
Возвращаюсь к	Полагаем, что
Воображаем	Полагая..., получаем
Здесь мы встречаемся	Предлагаю рассмотреть
Я вывожу заключение	Ниже я предлагаю указать
Принимая во внимание..., выводим	Мы предполагаем
Я говорю, что	Мы предполагаем, что
Мы говорим, что	Предполагаем, что
Мы уже не говорим, что	Я представляю себе
Мы делаем заключение, что	Мы представляем, что
Мы делаем предположение, что	Мы представляем себе, что
Я думаю, что	Привожу пример
Закключаем, что	Принимаем
Принимая во внимание..., заключаем	Мы принимаем условие, что
Учитывая..., мы заключаем, что	Мы приходим к
Замечаем, что	Мы приходим к результату, что
Мы замечаем, что	Я не продолжаю этого описания
Вы уже знаете, что	Я разумею
Мы знаем	Мы рассматриваем
Мы знаем, что	Вопрос здесь сводится
Как мы знаем	Говоря о..., мы связываем это понятие
Мы не знаем	Мы ставим своей целью изложение
Из того, что мы уже знаем	Я считаю эту попытку неудовлетворительной
Речь идет о	Считаю полезным рассмотреть
Идея метода, о котором идет речь	Считаем, что
Мы излагаем	Мы считаем, что
Мы имеем объяснение	Таким же образом убеждаемся, что
Нас интересует случай	Как указывается в § 3
Я исхожу из того, что	Развивая дальше это положение,
Мы констатируем	мы устанавливаем
Мы констатируем, что	Мы не сомневаемся, что
Переходя к анализу..., мы констатируем, что	Считаю нелишним привести
Полагая, находим	вычисление

Глаголы в будущем времени

Не будем... анализировать... то, что	Мы оставим... рассмотрение
Не будем входить в критику	Не излагая..., остановимся на
Мы будем говорить о	Остановимся на (остановлюсь на)
Мы здесь не будем говорить	Отметим
Мы будем говорить, что	Отметим, что
Будем говорить, что	Перейдем к
...исследования, о которых я буду	Перечислим
говорить	Подведем итоги
Мы не будем здесь давать	Подвергнем... разбору
подробную критику	Подчеркнем, что
Мы будем заниматься здесь	Мы позволим себе вернуться
Мы будем изображать	Я позволю себе познакомить
Мы будем иметь случай	Покажем (я покажу) на примерах
остановиться на этом вопросе	Покажем (покажу), что
Будем исходить из	Как мы теперь покажем
Я буду называть	Положим
Мы будем называть	Положим, что
Будем называть	Применив (положив)...,
Мы будем обозначать	мы получим
Я не буду останавливаться	Мы попытаемся нарисовать
на соображениях	несколько картин... и указать
Мы будем предполагать	Я попытаюсь описать
Мы будем прибегать к	Как мы попытаемся показать ниже
Будем рассматривать	Посмотрим теперь
Мы будем рассматривать	Посмотрим, как
Будем считать, что	Мы постараемся увязать это
Но вернемся к	понятие
Возьмем	Я постараюсь указать на
Мы воспользуемся этим выводом	Постараюсь вывести еще следствие
Вспомним	Постараемся разъяснить
Вспомним, что	Поясним примером
Вычислим	Предложу решение
Выясним	

Выясним, что
Мы дадим... решение
Докажем
Мы докажем
Мы докажем, что
Как мы докажем
Допустим, что
Не забудем, что
Зададим себе вопрос
Займемся теперь
Мы займемся теперь
Заметим (замечу), что
Прежде чем перейти к
Запомним
Изложим
Рассмотрев..., мы изложим
Изобразим теперь
Приведем
Примем... и исследуем
Напомним
Напомню, что
Переходя к задачам, начнем
Мы... обобщим
Обозначим
Обобщая..., обозначим
Обратим (обращу) внимание на то,
что
Обратимся вновь (обращусь) к
Сразу же оговоримся, что
Мы ограничимся (ограничусь)
рассмотрением
Опишем
Определим
Оставим без внимания

Предположим, что
Мы предположим, что
Представим себе, что
Для примера приведу
Приведем пример
Нам придется начать с
Присмотримся ближе к проблеме
Приступим к разбору примеров
Разберем
Рассмотрим
Теперь скажем несколько слов о
Мы скажем, что
Скажем и то, что
Мы не собираемся...
довольствоваться... утверждением
Сопоставим
Мы не станем доказывать
Мы убедимся в этом
Как мы сейчас убедимся
Мы увидим дальше, что
Как увидим ниже
Как мы увидим ниже
Мы увидим
Как мы сейчас увидим
Мы увидим, что
Укажу на то, что
Укажем
Мы укажем
Укажем, что
Упомянем
Упуская подробности, упомяну, что
Условимся обозначить
Уточним

Глаголы в прошедшем времени

Приемы, о которых была речь
до сих пор

Мы видели, что

Мы уже видели

Как мы видели

Мы уже встречались при
описании

... о которых я уже говорил

Все, что я говорил до сих пор

Мы уже говорили

Мы уже говорили, что

Как мы уже говорили

Мы доказали

Я заметил выше

Как мы уже заметили

Я заострил внимание на том, что

По способу, который я вам
изложил

Мы не касались работ

Мы называли

Мы нарисовали картины

Я вас ознакомил вкратце

Мы определили

Как мы отмечали

Как мы не раз подчеркивали

К тому, с чем мы уже
познакомились

Мы показали, что

Как мы уже показали

Что мы показывали уже

Мы предполагали

Мы предполагали, что

Я пришел к заключению, что

Мы пришли к многочленам

Выше мы разобрали, что

Выше мы рассматривали

...которые мы до сих пор

рассматривали

Мы рассмотрели

Мы решили... вопрос

Как выше мы уже сказали

Мы еще ничего не сказали о том,
что

Мы не ставили своей задачей
рассмотрение

Мы указали на

Я указывал далее, что

Я указал, что

Мы уже указывали, что

На что мы уже указывали

Как мы уже указывали

Мы упоминали о том, что

Как мы сейчас упомянули

Мы установили, что

Уже шла речь о том, что

Безличные конструкции с предикативными наречиями

Вероятно, что

Будет видно, являются ли

Видно, что

Возможно, что

Естественно, что

Несомненно, что

Не удивительно, что

Очевидно, что

Общеизвестно, что

(Вполне) понятно, что

Замечательно, что
Известно, что
Как известно
Интересно, что
Любопытно, что
Непонятно, каким образом

Будет понятно, что
Примечательно, что
Существенно, что
Характерно, что
Ясно, что
Это будет понятно из того, что

Причастия совершенного вида

Введенное выше понятие
Выдвинутые вопросы
Высказанная теорема
Вышедодокзанные теоремы
Вышеизложенное
представление
Вышеназванный автор
Вышеописанное превращение
Вышеприведенные свойства
Вышеуказанные условия
Вышеупомянутое правило
Вышеустановленные термины
Способ, данный в § 1
Доказанная теорема
Излагаемая поправка
Излагаемый ниже метод
Изложенная концепция
Изложенная выше теория
Названные материалы
Написанное выше уравнение
Нижеизложенные наблюдения
Нижеописанные способы
Нижеследующие условия
Означенное пространство
Описанный случай
Описанные выше условия
Описанные ниже приложения

Описываемая река
Отмеченный случай
Отмеченные выше науки
Отмеченное ранее противоречие
Охарактеризованные выше
Перечисленные
Перечисленные выше способы
Наименованные вопросы
Последующие строки
Поставленный вопрос
Предшествующие главы
Предьдущие случаи
Приведенные данные
Приведенные выше факты
Приведенное ниже уравнение
Разобранный выше пример
Рассматриваемый случай
Рассмотренные выше случаи
Рассмотренный случай
Сделанные выше замечания
Следующий пример
Сформулированный выше принцип
Указанный прием
Указанные выше результаты
Упомянутый вопрос
Упомянутый выше случай

Субстантивированное причастие

Из вышеизложенного следует	В последующем
Вышеуказанное	Судя по предыдущему
В дальнейшем	Согласно сказанному выше
Из доказанного	...заключается в следующем
На основании всего изложенного	Из всего сообщенного следует, что

Предикативное страдательное причастие

Как это было выяснено	Как будет показано ниже
Доказательство, которое сейчас будет дано	Будет показано, что
Дано описание	Как нам было показано
Доказательство, которое дано было выше	Как показано на рисунке
Этим доказано, что	Может быть представлено
Легко может быть доказано, что	Как это разъяснено было выше
Из того, что было доказано	Выше были рассмотрены
Было замечено, что	Которые будут рассмотрены ниже
Изложены исследования	Как сказано
Как это уже было найдено выше	Как выше было сказано
Было обращено внимание на	Будет сказано ниже
Выше было обращено внимание на	Выше уже было сказано, что
Выше было объяснено, что	Что было сказано выше
Как описано в опыте	Как об этом сообщено
Приемы... будут описаны	Было указано
Как будет описано выше	Как было выше указано
Выше было определено	Были упомянуты
Как уже отмечалось выше	Как уже было упомянуто
Как было уже отмечено выше	Как упомянуто выше
Как было подчеркнуто выше	Там же было упомянуто, что
Было показано, что	Ранее было установлено, что

Возвратные глаголы

Выше уже говорилось о том, что	Как подчеркивалось
Как уже говорилось	Указывалось также, что
О чем уже говорилось выше	Как указывалось выше
Все, что говорилось	Как уже упоминалось

«Трафаретный» зачин

В этой книге рассматриваются	Мы не хотим сказать, что
Вопрос, которому посвящена... статья	Прежде чем перейти к изложению..., нужно разъяснить одно понятие
В предыдущей главе... выведены все... роды структур	Я должен напомнить, что Предметом... курса будет теория
Я решаюсь обратить ваше внимание на	Я намерен предложить В предлагаемом труде
Мы хотим сказать несколько слов	рассматривается задача
Здесь намерен я объяснить	Я намерен повести речь
Намерен я показать, что	Настоящая статья имеет целью установить
Мне хотелось бы подчеркнуть	Наша задача теперь дать общее определение понятия
Я хотел бы сказать	Задача состоит в том, чтобы
Мы хотим определить понятие	
Этим мы хотим подчеркнуть	

«Конструкции связи», не вошедшие в рассмотренные группы

Мне кажется, что	Должен заметить, что
Думается, что	Мы должны исходить из
Мне думается, что	Предстоит уточнить
Само собой разумеется, что	Остается еще упомянуть
Остается рассмотреть	Остается упомянуть, что
Остается показать, что	

Учебное издание

**Котюрова Мария Павловна
Баженова Елена Александровна**

**КУЛЬТУРА НАУЧНОЙ РЕЧИ:
ТЕКСТ И ЕГО РЕДАКТИРОВАНИЕ**

Учебное пособие

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 30.05.2008. Формат 60×88/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,15. Уч.-изд. л. 12,0.
Тираж 2000 экз. Изд. № 1712.

ООО «Фланта», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 345.
Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru, flinta@flinta.ru
WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485, ул. Профсоюзная, д. 90.

М.П. Котюрова, Е.А. Баженова

**Культура научной речи:
текст и его редактирование**

Учебное пособие

ФЛИНТА • НАУКА

ISBN 978-5-9765-0279-6

9 785976 502796